

Д Ж О Р Д Ж

К Е Н Н А Н

РОССИЯ
ВЫХОДИТ
ИЗ ВОЙНЫ

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

1917—1918

Джордж Кеннан

**Россия выходит из войны.
Советско-американские
отношения, 1917–1918**

«Центрполиграф»

1989

УДК 94(47).084-3
ББК 63.3(0)6-6

Кеннан Д.

Россия выходит из войны. Советско-американские отношения,
1917–1918 / Д. Кеннан — «Центрполиграф», 1989

ISBN 978-5-9524-6126-0

Книга американского дипломата Джорджа Кеннана посвящена взаимоотношениям двух великих держав и установлению дипломатических связей в первые годы советской власти. Автор детально воссоздает события 1917—1918 гг. с точки зрения иностранца, опираясь на дневники, личную и деловую переписку представителей дипкорпуса, работников посольств Великобритании и США, а также частных лиц, оказавшихся в охваченном революцией Петрограде. Рассматривая обстоятельства выхода России из Первой мировой войны, Кеннан рассказывает о дипломатических играх, направленных на затягивание военных действий, а также отражает реакцию Запада на смену политического строя в России и утверждение правительства большевиков. Дальнейшее развитие событий описано в книге Дж. Кеннана «Решение об интервенции». В формате А4 PDF сохранён издательский макет.

УДК 94(47).084-3

ББК 63.3(0)6-6

ISBN 978-5-9524-6126-0

© Кеннан Д., 1989

© Центрполиграф, 1989

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1. Непосредственный исторический фон	10
Глава 2. Главные персоналии событий	22
Глава 3. Первые реакции	48
Глава 4. Советский подход к перемирию	56
Глава 5. Первые проблемы контактов с советскими властями	64
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джордж Кеннан

Россия выходит из войны. Советско-американские отношения, 1917-1918

George F. Kennan

Soviet-American Relations, 1917–1920: Vol. 1: Russia Leaves the War

© George F. Kennan, 1989

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Предисловие

Впервые задумывая это исследование, я не ставил перед собой задачу детально воссоздавать события первых месяцев советско-американских отношений, а скорее хотел осуществить попытку критической оценки политических действий двух правительств на протяжении гораздо более длительного периода времени. Однако вскоре стало очевидно, что, несмотря на существование нескольких ценных работ, посвященных отдельным этапам на раннем периоде, общего рассмотрения этого вопроса, опирающегося на все доступные сегодня источники, которые могли бы послужить адекватной основой для критического суждения, просто не существует. В этих обстоятельствах у меня не было альтернативы. Оставалось лишь углубиться в оригинальные исходные материалы и попытаться распутать (хотя бы для собственного развития) клубок произошедших на самом деле событий.

В настоящей книге представлены первые плоды этих исследований. Они относятся к периоду между Октябрьской революцией 1917 года и окончательным уходом России в марте 1918 года из рядов военной коалиции. По общему признанию, это весьма подробный отчет. Пытаясь собрать воедино имеющиеся свидетельства о событиях, одновременно сложных и противоречивых, я предпочел двигаться только в сторону ясности, а не рисковать предположениями или вызывать подозрения в пристрастности при отборе материала. Однако чем больше я видел записей о действиях официальных современников, то есть поколения немного старше моего собственного, тем больше убеждался, что подлинный образ дипломатического процесса вряд ли можно воссоздать в историческом повествовании, если только призма, через которую этот процесс рассматривается, не является такой прозрачной, что человеческая структура, из которой он состоит, становилась видна в мельчайших деталях. Поступки и решения государственных деятелей очень редко становятся полностью понятными, если исследуются в отрыве от непосредственного контекста времени и текущих обстоятельств.

Следовательно, даже если это повествование и не содержит тех широких оценок первоначальной реакции Запада на феномен коммунистической власти в России, которые многие читатели, возможно, предпочли бы увидеть, я надеюсь, что данная книга, по крайней мере, послужит дополнительной иллюстрацией того, как на самом деле работает дипломатия нашего века, того, каким чудесным образом сочетаются цель, личность, неожиданные совпадения, общение и бесконечная сложность современного мира. Все это в совокупности образует процесс, выходящий за рамки полного видения или понимания любого отдельного современника. Отрезвляет мысль, что, каким бы несовершенным ни было бы это исследование, никто из участников описываемых здесь событий не знает всей полноты изложенного в этой книге.

Последнее замечание не следует воспринимать как сомнение в полезности государственного управления. Здесь нет намерения принизить важность различий, существующих среди отдельных государственных деятелей в понимании тенденций времени и умении обратить его в свою пользу. Просто всегда полезно помнить, что не существует личностей, полностью понимающих материал, из которого состоят международные отношения. Нет никого, чей разум мог бы охватить и рассчитать абсолютно все до конца, учитывая сложность и объем неожиданных исторических поворотов. В конце концов, наилучших результатов достигают только последовательно применяемые правильные принципы, а не дар пророчества или гордость за собственную дальновидность. Результаты никогда не бывают полностью предсказуемыми; порой их даже нелегко разглядеть при появлении. Трагедия дипломатического искусства заключается в том, что даже его лучшие достижения всегда сопровождаются некоторыми скрытыми причинами и редко видны или понятны широкой общественности до того времени, пока многие годы не отделят эти достижения от исторических причин, в которых они возникли.

Пролог

Красуйся, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия...
А. Пушкин. «Медный всадник»

Город Санкт-Петербург. Петроград, Ленинград. Называйте его как хотите. В любом случае он является одним из самых непознанных, прекрасных и драматичных великих городов мира. Высокие северные широты, косой солнечный свет, окружающие равнины, часто перемежающиеся с неожиданными разрывами ландшафта. Мерцающие водные просторы. Все это подчеркивает необозримую горизонталь в ущерб вертикали и создает везде ощущение огромного пространства и властности. Небеса огромны, горизонт далек и протяжен. Рассекая город по центру, холодные воды Невы движутся бесшумно и быстро, словно масса серого металла, скользящего между гранитных набережных и монументальных дворцов, принося с собой привкус пустынных лесов и болот, из которых появился этот город. Со всех сторон чувствуется близость великой дикой природы Русского Севера – безмолвной, мрачной и переполненной бесконечным терпением.

Именно здесь, в северных ритмах проходят долгие снежные зимы и темнота, серое небо, сытость и всепроникающая сырость, белые ночи летнего солнцестояния с их неповторимой и всепроникающей поэзией и, наконец, короткие и трогательные летние месяцы, заканчивающиеся почти до того, как начались, страстно любимые жителями за редкость и краткость.

В таком городе внимание человека направлено вовнутрь, на себя и себе подобных. Человеческие отношения приобретают странную живость и интенсивность, с оттенком предчувствия. Под таким небом пальцы судьбы, кажется, проникают издалека, подобно лучам солнца, чтобы найти и сформировать жизни и дела отдельных людей. Те или иные события имеют тенденцию с драматической точностью двигаться к развязкам, которые никто не придумывал, но которые все постфактум признают неизбежными и какими-то смутно знакомыми.

Этот город всегда был и остается трагичен. Он создан ценой огромных человеческих страданий. Географически неуместное, но в то же время наделенное завораживающей красотой создание, оправдывающее искупление за все жестокости и ошибки. В течение двухсот лет Санкт-Петербург оставался центром разветвленного аппарата бюрократической власти. Но ему не суждено было стоять бесконечно, как надеялся Пушкин, против сил природы и политических перемен. В XX веке ему предстояло пережить испытания и страдания, не имеющие аналогов. Свое превосходство среди городов России ему предстояло утратить. События, которым посвящено это повествование, начинались так. Вечером 7 ноября 1917 года жизнь Петрограда (как он тогда назывался), казалось, внешне следовала почти своему обычному ритму. Рестораны, кинотеатры и прочие увеселительные заведения вдоль Невского проспекта были открыты. Балет в Мариинке шел полным ходом, по Троицкому мосту звенели трамваи, а шаткие коляски извозчиков, заменявшие тогда такси, как всегда, тихо катили по широким проспектам. Лошадиные копыта стучали по брусчатке.

Тем не менее совсем рядом с яркими огнями вокруг Зимнего дворца было темно. Здесь стояли вооруженные люди, входы и выходы на прилегающие улицы были забаррикадированы и охранялись. Над широким пространством Дворцовой площади то там, то здесь раздавались одинокие винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Время от времени над черными водами Невы пролетали звуки артиллерийской стрельбы. В окружающей тьме едва различались силуэты «Авроры», стоявшей на якоре у Адмиралтейской пристани, и Петропавловской крепости, расположенной севернее на противоположном берегу.

Внутри самого Зимнего ситуация была близка к гротеску. В огромных, богато украшенных бальных залах квартировали подразделения военных юнкеров. Воздух был здесь тяжел

от табачного дыма и запаха человеческих тел, повсюду валялись бутылки с остатками вина, украденные из императорских погребов. В одной из бесчисленных больших комнат на верхнем этаже, отделанной золотом, малахитом и малиновой парчой, члены Временного правительства, собравшиеся за длинным столом, покрытым зеленым сукном, продолжали то, что превратилось в заседание, не прекращающееся ни днем ни ночью. Бледные от усталости, выкуривая бесчисленное число папирос, они с трогательным оптимизмом лихорадочно делали пометки в своих блокнотах, словно в потенциальных хранилищах мудрости, которой там в действительности не было ни капли. Измотанные и отчаявшиеся мужчины продолжали спорить и пререкаться, придумывая нелепые планы по спасению ситуации и не желая понять, что последние секунды жизни былой России уходят в историю.

В роскошной резиденции, расположенной несколько дальше вдоль набережной Невы, британский посол сэр Джордж Бьюкенен безутешно наблюдал из окон своей гостиной за артиллерийской пальбой, развязавшейся над рекой. Неподалеку, в более скромном здании, находящемся на одной из внутренних улиц, безмятежно спал американский посол. Несмотря на преклонный возраст, он никогда не подвергал сомнению ценности своей юности и не пытался слишком пристально вглядываться в неопределенность будущего. В эlegantном люксе отеля «Европа» два старших члена миссии Американского Красного Креста Уильям Бойс Томпсон и Рэймонд Робинс, оба – дети американского Запада, испытывающие ностальгию по романтике первых дней своей шахтерской молодости, коротали часы за обсуждением нового проекта по добыче меди в Аризоне. Они были сильно заинтересованы революцией, но и совершенно беспомощны, сбитые с толку потоком событий. В 22:26 Робинс записал в своем карманном дневнике: «Великий день для России. Мировая война, неминуемая Гражданская и коммуна. Что за время. Боже... Помогите Америке, России и свободным народам мира».

В 2 часа ночи красногвардейцы, сопровождаемые уличной толпой, ворвались в осажденный дворец. Эта атака стала следствием условного сигнала – выстрела с крейсера «Аврора». Вопреки бытующей легенде, этот выстрел был произведен холостым снарядом, а древние артиллерийские орудия крепости в большей степени пугали стрелявших из них, нежели тех, против кого орудия были направлены. Большевицкий захват Зимнего произошел прежде всего из-за разобщенности и колебаний его защитников. Кроме того, тыльный вход во дворец по чьей-то неосторожности оставался открытым. Уже через 10 минут после начала штурма двери в зал заседаний Временного правительства с силой распахнулись. Человек в пенсне и широкополой шляпе художника, больше похожий на деятеля Французской революции, чем на русского, ворвался вовнутрь, а дверной проем заполонила толпа. «Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!» – выкрикнул «художник», и министров под конвоем вывели прочь.

Несколько минут спустя пятеро американцев, блуждающих по Зимнему в диком возбуждении той ночи, словно люди с другой планеты, наткнулись на заброшенный кабинет. Среди царящего беспорядка они обратили внимание на исписанные бумаги, положили в карманы несколько незаконченных черновиков и побрели дальше по бесконечным коридорам. В конце концов они привлекли внимание возбужденной толпы, деловито грабящей дворец, и чуть сами не были линчеваны. Но были спасены лишь благодаря своевременному вмешательству какого-то командира-красногвардейца. Четверо из этих американцев были журналистами во главе с молодым радикалом, выпускником Гарварда Джоном Ридом, оставившим отчет о той ночи, который еще долго будет жить в исторической литературе. Пятый, сдержанный, но бесконечно наблюдательный и хорошо информированный, – Александр Гумберг, определивший пути развития советско-американских отношений на долгие годы вперед. Покинув Зимний дворец, все пятеро направились в Смольный, где II съезд Советов, кипящий страстями и возбуждением, принимал известия о ночной победе и провозглашал установление советской власти. Рид, покинувший съезд только ранним утром, завершил свой классический отчет о событиях

той ночи следующими словами: «Хотя было шесть утра, ночь все еще оставалась тяжелой и холодной. Лишь слабая неземная бледность, крадущаяся по тихим улицам, приглушала свет фонарей. Тень ужасного серого рассвета вставала над Россией...»

Новое положение дел в стране, порожденное событиями той ночи, оказало самое глубокое влияние на отношения и народов внутри самой России, и страны с внешним окружением. Не последнюю роль здесь играло и растущее революционное движение на североамериканском континенте, в частности – в Соединенных Штатах Америки, чей собственный опыт в чем-то даже совпадал с российским, но в чем-то сильно отличался. С момента захвата большевиками власти в Петрограде отношения между этими двумя великими национальными сообществами приобретали все большее значение не только для своих народов, но и для мира в целом. Настоящее исследование посвящено ранней фазе этих отношений, которые в значительной степени незаслуженно преданы забвению.

Глава 1. Непосредственный исторический фон

Большевистский захват власти в Петрограде 7–8 ноября 1917 года является формальной отправной точкой для этого повествования. В действительности это была лишь заключительная фаза революционного процесса, начавшегося одновременно с крахом царской системы, произошедшим несколькими месяцами ранее. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению хода советско-американских отношений, будет полезно кратко взглянуть на американскую реакцию на предыдущие события. Падение царизма в марте 1917 года (в силу разницы между старым и новым календарными стилями его обычно именуют Февральской революцией) представляло собой одно из самых удивительных, мало предсказуемых и даже по сей день наименее понятых великих политических изменений в истории. Попытка описать эти события вышла бы за рамки целей данного исследования. Но отметить некоторые особенности Февральской революции, безусловно, необходимо.

Прежде всего, эта революция не была надуманной: ее никто предварительно не планировал и не организовывал. Даже большевики, которые годами о ней мечтали, включая профессиональных революционеров, были захвачены врасплох. Февральская революция просто стала судьбоносным крахом старой династически-имперской системы, зажатой между стрессами крупной современной войны, для которой эта система оказалась неадекватной, и инертностью императорского двора, утратившего свою упорядоченность по отношению к событиям, потерявшего контакт с людьми и даже уважение правящей бюрократии.

В этой книге везде будет использоваться григорианский календарь (юлианский календарь сохранялся в России до 14 февраля 1918 г.). Разница между этими двумя календарями составляла тринадцать дней, причем григорианский календарь опережал юлианский. Таким образом, даты, приведенные здесь для периода до 14 февраля 1918 года (взяты из русских источников), часто будут указываться на тринадцать дней ранее.

Очень многие россияне мечтали – подобно большевикам – о революции в той или иной форме и в той или иной степени и были раздражены тем, что им казалось бесконечным, – ожиданием ее прихода. Однако с точки зрения идеалов, к которым стремилось большинство этих людей, Февральская революция произошла если не преждевременно, то, можно сказать, в самое неподходящее время. Во-первых, страна пыталась вести крупномасштабную войну, предполагающую широкую мобилизацию рабочей силы и огромную нагрузку как на всю экономическую, так и административную систему. Последствия февральского вмешательства, о которых большевики, к своему сожалению, узнали позже, было нелегко ликвидировать. Они не могли не усугубить бремя любого нового режима, приходящего к власти в текущих исторических условиях. Помимо этого, между различными политическими группами не существовало достаточного единства, позволяющего заменить царскую власть даже в конкурентной борьбе. Между этими группами не было даже консенсуса, столь необходимого для любого упорядоченного перехода к какой-либо стабильной форме представительного правления. Российское политическое общество, кипевшее в условиях царской власти, стремящейся, в свою очередь, его уничтожить или хотя бы сделать более умеренным, на самом деле было трагически расколото едва ли примиримыми разногласиями. События неудавшейся революции 1905 года и более поздние потрясения, вызванные Первой мировой войной, довели российских социалистов до такого состояния, что их ненависть и недоверие к «буржуазным» партиям достигли крайности. Сама же их привязанность к собственной стране была ослаблена в пользу концепций политических обязательств, основанных на классовой борьбе, а не на национальных интересах. Вместе с тем несоциалистические элементы были склонны рассматривать социалистических лидеров как безответственных демагогов и чуть ли не предателей. Ситуация еще более осложнялась ростом сепаратистских тенденций во многих частях Российской импе-

рии. Последнее было обусловлено несчастьями того времени и теперь сильно стимулировалось исчезновением династического центра, который, по крайней мере, служил своего рода единственным символом национально-политической близости.

Пока структура царской власти сохраняла единство, скрытые антагонизмы между политическими партиями частично прикрывались общей надеждой на позитивные перемены. Как только царизм исчез, уже не было ничего, что удерживало бы многообразные противоречия, усиленные неожиданной конкуренцией за престолонаследие от выхода на поверхность.

Особенно ситуация осложнялась тем фактом, что в период, непосредственно последовавший за распадом царизма, ни один из двух основных лагерей политических соперников не был готов обходиться без другого. На несоциалистические партии приходилась подавляющая часть имеющегося в стране политического и административного опыта. Только они обладали нужными знаниями, взглядами и международными связями, позволявшими немедленно создать новую правительственную систему на руинах старой. Вполне естественно, что такая инициатива была проявлена, и в сложившихся обстоятельствах создавалась структура Временного правительства. Свою легитимность оно переняло от последней царской Думы – органа, в основном несоциалистического по своему составу.

Однако социалисты, объединенные во множественные Советы рабочих и крестьянских депутатов (особенно Петросовет), сумели завоевать доверие масс рабочих в крупных городах страны, а также политически сознательных элементов рядового состава вооруженных сил. Важность и тех и других с точки зрения борьбы за политическую власть значительно усиливалась тем фактом, что старая царская полиция в процессе Февральской революции была упразднена. Таким образом, поддержание порядка в городских районах возлагалось на солдат и рабочих – дисциплинированных и, как правило, обладающих оружием.

Таким образом, только несоциалистические партии могли обеспечить основные формы новой временной правительственной власти – этот факт социалистические группы, сами еще не готовые к принятию на себя правительственной ответственности, были полностью готовы признать. Тем не менее сущность внутренней власти, в смысле окончательного контроля над поведением вооруженных сил и окончательного господства на городских улицах, принадлежала социалистическим элементам, имевшим собственный независимый орган законодательной и исполнительной власти в виде Петроградского совета (и других городских советов, поддающихся их влиянию). Петросовет, хотя и был почти полностью социалистическим, с самого начала еще не находился во власти большевиков: они все еще составляли меньшинство среди представленных там партий. Тем не менее он представлял собой независимую силу, не подчинявшуюся власти правительства, и многие из его членов испытывали недоверие и подозрительность ко всему несоциалистическому сектору российского общества, в том числе и к большинству членов Временного правительства.

В таких условиях возникла опасная двойственность политической власти (так называемое двоевластие), которая характеризовала месяцы, непосредственно следовавшие после падения царизма. Временному правительству было «разрешено» функционировать в качестве номинального хранилища государственной власти и выражать российские интересы на внешнеполитической арене. Однако внутри страны его авторитет во многом зависел от поддержки неподконтрольного Петроградского совета. Совет, в свою очередь, был готов оказывать эту поддержку лишь потому, что Временное правительство служило социалистическим целям, и упрямо отказывался поддаваться соблазну принять на себя какую-либо формальную ответственность, соизмеримую с реальной властью. Между этими двумя параллельными правительствами не было никаких упорядоченных отношений, близости и политического консенсуса. Присутствовали лишь только недоверие, враждебность и непростая борьба за властное положение.

Подобная ситуация имела два основных последствия с точки зрения Соединенных Штатов.

Во-первых, она означала, что шансы на политическую стабильность при новом режиме очень невелики. Очевидно, что такое положение дел не могло продолжаться долго, и падение царизма было лишь прелюдией к реальной борьбе за власть. Особенно зловещим казался факт, что приверженность принципам парламентского правления у значительной части российской общественности была слаба или вовсе отсутствовала, а представления простых людей о том, что такое «политическая свобода», мягко говоря, казались весьма шаткими. Большинство социалистов считало, что «буржуазные» элементы вообще не должны принимать какого-либо участия в политической жизни государства. Монархисты были того же мнения по отношению к социалистам-интернационалистам. Только лишь в малочисленных «буржуазно-либеральных» кругах, вскоре оказавшихся изолированными и беспомощными из-за быстрого смещения власти влево, существовала какая-либо реальная концепция парламентской демократии в западном смысле.

Во-вторых, ситуация означала, что перспективы дальнейшего участия России в войне крайне невелики. Попытка продолжить военные действия истощила бы ресурсы даже единого и прочно укоренившегося режима. Предполагать, что такая попытка могла бы быть предпринята правительством, не имеющим реальной власти над войсками, действующим через офицерский корпус, потерявшим лицо перед рядовыми (и это при том факте, что основная масса солдат, утомленных войной, испытывала безразличие к военным проблемам и, находясь под социалистической пропагандой, уже придерживалась мнения, что эта война – империалистическая и не служит никакой полезной цели), было слишком наивно и оптимистично.

На практике оказалось, что ни одна из отмеченных реалий не была широко замечена в Соединенных Штатах. Не будет преувеличением сказать, что политика американской власти по отношению к российскому Временному правительству в значительной мере основывалась на незнании обеих сторон. В США жили надеждой, что произойдет нечто прямо противоположное: Россия будет быстро развиваться в направлении демократической стабильности, и страна, продолжая энергично преследовать политику лояльного и полного энтузиазма члена западной коалиции, продолжит войну против Германии. В этих заблуждениях кроются корни не только большей части неэффективности американской политики по отношению к Временному правительству, но и трудностей, с которыми впоследствии столкнутся многие американцы, приспособившаяся к реалиям советской власти.

Подобные недоразумения ни в коей мере не носили противоестественный характер. В традиционной американской политической философии не содержалось ничего, что могло бы сделать американцев осведомленными о достоинствах, которыми, возможно, обладала царская система, или даже заставить их усомниться в том, что устранение этой системы не ведет к быстрому прогрессу в направлении парламентской демократии. Большинству политиков страны никогда не приходило в голову, что политические принципы, по которым они жили сами, могли быть обусловлены их собственной историей и не обладали универсальностью. Интерес к России среди американской общественности ограничивался в основном сочувственным наблюдением за борьбой против самодержавия. Он был сосредоточен в двух основных группах. Одна состояла из тех, кого можно было бы назвать коренными американцами-либералами, то есть людей, симпатии которых были ограничены и сосредотачивались на страданиях российских оппозиционеров более раннего периода. Ряд американских деятелей, в том числе Джордж Кеннан-старший, Сэмюэль Клеменс и Уильям Ллойд Гаррисон, в начале девяностых годов XIX века основали частную организацию под названием «Американские друзья русской свободы», цель которой заключалась в оказании помощи жертвам царских репрессий. Эта организация просуществовала вплоть до революции, ко времени которой ее члены уже были пожилыми людьми (естественно, из числа еще живущих). Их впечатления о русском револю-

ционном движении, основанные в основном на наблюдениях, сделанных Кеннаном в период 1860–1880 годов, относились к домарксистской фазе борьбы. Их сочувствие и помощь были адресованы главным образом социал-революционерам, которые, будучи социалистами (но не марксистами), несли в себе духовное наследие более ранних народнических тенденций в русском революционном движении. Они крайне слабо представляли себе последствия господства марксизма последних дней российской революционной мысли.

В этом отношении либералы старшего поколения особенно отличались от другой группы американцев, интересующихся Россией. В основном это были эмигранты-евреи, переехавшие в Соединенные Штаты начиная с 1880-х, опасаясь расовой дискриминации или политических преследований (или того и другого вместе). В значительной степени на них повлияли марксистские доктрины, произведшие столь глубокое впечатление на евреев русской «черты оседлости». Преимущественно эти люди относили себя к социал-демократам, а не к социал-революционерам. Их отличие от американских либералов заключалось в том, что их представление об оппозиционном движении в России было ориентировано на социальную революцию в смысле перехода власти к определенному социальному классу, а не к общей политической свободе в американском понимании. С первой группой они разделяли лишь только сильное желание уничтожения царского абсолютизма. Тем не менее и те и другие оказывали доминирующее воздействие на формирование уважительного американского отношения к российским делам.

Этих обстоятельств самих по себе было достаточно, чтобы почти все слои американского общества горячо и безоговорочно приветствовали падение царизма. Но к ним прибавилось близкое совпадение Февральской революции со вступлением Америки в Первую мировую войну. С точки зрения потребностей американского государственного управления в то конкретное время, эта революция (как ее обычно рассматривали и понимали в Соединенных Штатах) стала очень кстати. Президент Вильсон, как следует напомнить, только приближался к концу принятия окончательного решения, связанного с определением отношения Америки к европейской войне. В первые недели 1917 года ход событий неуклонно развивался в сторону вступления Америки в войну на стороне Антанты. Немецкое заявление о неограниченной подводной войне от 1 февраля 1917 года фактически лишило американский государственный аппарат последней области маневра и фактически решило проблему.

Теперь это стало лишь вопросом времени. Оставалась лишь одна проблема – какое официальное толкование следует дать такому огромному отклонению в американской внешней политике. Технически говоря, непосредственным толчком к нашему вступлению в войну послужило нарушение нашего нейтралитета. Но защита нейтральных прав была юридически запутанной задачей, понятной очень немногим. Более того, сохранялся вопрос наших претензий к будущим союзникам – они были лишь немного менее серьезными, чем претензии к немцам. Это было слишком тонким юридическим делом. Многие сомневались в существовании цели, ради которой следовало вести в бой великий народ. Накануне судьбоносного шага среди американских государственных деятелей существовало общее понимание необходимости вступления в войну, однако требовалось найти более возвышенную и вдохновляющую мотивацию, чем простая защита нейтральных прав. Ей следовало придать большую торжественность, с которой американцы пережили бы этот волнующий момент, непосредственно связанную с потребностями и идеалами людей во всем мире, а не только с народом Соединенных Штатов.

Февральская революция, произошедшая всего за три недели до нашего вступления в войну, внесла важный вклад, изменив идеологический состав коалиции. На заседании кабинета министров 20 марта 1917 года было единогласно принято решение просить конгресс выступить за объявление войны. Государственный секретарь Лансинг (согласно его собственному отчету, написанному сразу после этого заседания) писал: «[Мы проголосовали]... за этот шаг на том основании, что, революция в России, которая, казалось, была успешной, устранила единствен-

ное возражение против утверждения, что европейская война была войной между демократией и абсолютизмом; единственная надежда на постоянный мир между всеми нациями зависит от создания демократических институтов во всем мире. действия с нашей стороны. имели бы большое моральное влияние в России, это способствовало бы демократическому движению в Германии... вселило бы новый дух в союзников.» (Лансинг Р. Частные записи о ходе исторического заседания кабинета министров 20 марта. Библиотека конгресса). Принимая тезис о том, что российская революция дала основания для начала американских военных действий в качестве крестового похода за демократию, Вильсон сначала колебался. «Президент сказал, – продолжал рассказ Лансинг, – что не понимает, каким образом сможет говорить о войне за демократию или о революции в России, обращаясь к конгрессу. Я ответил, что не вижу здесь никаких противоречий, но в любом случае уверен, что он мог бы сделать это напрямую, напомним об автократическом характере правительства Германии, проявившемся в бесчеловечных действиях, нарушении данных обещаний и построении международных заговоров. На что президент заметил: „Возможно“. Произвела ли на президента впечатление идея общего обвинительного заключения в адрес правительства Германии, я не знаю...»

Здесь интересно отметить, что именно Лансинг, а не президент первым выдвинул интерпретацию военных действий Америки как крестового похода за демократию против абсолютизма и связал эту интерпретацию с русской революцией. Причины первоначальной сдержанности Вильсона в отношении этой концепции не ясны, но в любом случае оба политика не испытывали недостатка в удовлетворении Февральской революцией и не сомневались в ее демократическом качестве. Скорее всего, они проявляли неуверенность в том, что такая интерпретация вступления Америки в войну была строго точна, а также что некоторых наших будущих союзников можно отнести к категории демократов. В любом случае аргумент госсекретаря не остался незамеченным президентом, и эта точка зрения не только нашла отражение в послании к нации, но вскоре стала официальной целью начала военных действий.

Таким образом, можно сказать, что, хотя во время вступления Америки в Первую мировую войну никоим образом не связано непосредственно с Февральской революцией, это событие действительно повлияло на интерпретацию войны американским правительством и общественностью. В частности, революция позволила создать некоторое идеологическое обоснование, которое, если бы она не произошла, было бы относительно неубедительным и сложным для убедительной аргументации. Она предоставила Соединенным Штатам желанную возможность, поэтому легко понять, насколько сильным было искушение этим воспользоваться. Но при этом подразумевалась приверженность американского правительства тем предположениям, которые мы только что рассмотрели и которые могли найти реальное воплощение с минимальной вероятностью, а именно что российская политическая жизнь сразу же продвигается к стабильной парламентской системе и что Россия продолжит вести войну в качестве члена союзнической коалиции.

Но именно на этом взгляде на Февральскую революцию была основана американская политика в отношении Временного правительства, и последующие действия администрации Соединенных Штатов строго следовали этому взгляду. Первым действием стало быстрое и восторженное признание нового режима. Здесь инициативу проявил американский посол в Петрограде Дэвид Р. Фрэнсис. Вскоре мы познакомимся с ним поближе. Пока достаточно отметить, что его отношения с царским режимом были отдаленными и даже разочаровывающими. В своих отношениях с российскими политическими кругами он оказался в тени своих французских и британских коллег, которые оказались более опытными, обладали лучшими связями и чувствовали себя как дома в мире династической дипломатии и аристократических социальных общественных слоев. С момента своего основания, а это произошло столетием ранее, дипломатическая миссия Соединенных Штатов в российской столице фактически находилась в более низком положении в результате идеологического несоответствия между двумя систе-

мами и нежелания американских посланников пытаться соперничать с тяжеловесной и дорогой элегантностью великосветских петербургских салонов.

Сам Фрэнсис предвосхищал российские события, произошедшие в период с 12 по 18 марта 1917 года, и воспринимал их как переход страны в область демократического либерализма и конституционализма. Посол был не только глубоко тронут подлинным идеализмом Февральской революции, но и, казалось, ожидал от этой удивительной череды событий открытия совершенно новых перспектив для российско-американских отношений. Впервые с тех пор, как первый американский посланник Джон Куинси Адамс ступил на невольский берег в 1809 году, Фрэнсису предстояло иметь дело с политическим образованием, разорвавшим связи с институтом монархии и намеревающимся идти по пути демократического правления, выбранному и самими Соединенными Штатами. Для такого образования, несомненно, был крайне важен американский пример: американские достижения – это то, что нужно изучать и чему следует подражать, американская помощь – это то, чего можно желать. Было вполне разумно предположить, что в отношениях с такой страной именно американский посол, а не британский или французский мог бы больше всего предложить и сказать.

Докладывая в Вашингтон о завершении Февральской революции, Фрэнсис советовал немедленно признать Временное правительство, утверждая, что оно «желательно со всех точек зрения», и рекомендовал Соединенным Штатам сделать такое признание первыми. «Эта революция, – утверждал посол, – является практической реализацией того принципа правления, который мы отстаивали и за который ратовали. Я подразумеваю правление с согласия управляемых. Наше признание будет иметь колоссальный моральный эффект, особенно если оно будет дано первым».

Вашингтон благосклонно откликнулся на эту просьбу, в результате чего Фрэнсис опередил британского и французского послов примерно на четыре часа, что принесло ему глубокую и продолжительную удовлетворенность. Когда две недели спустя Америка вступила в войну, официальные заявления государственных деятелей в Вашингтоне точно отражали выбранную концепцию – посмотрите на русскую революцию, произошедшую недавно. В своем послании конгрессу от 2 апреля, призывающем к объявлению войны, президент заострил внимание на идеологическом противоречии между демократией и самодержавием. Он отрицал возможность какого-либо плодотворного участия в международной жизни автократических правительств и испытывал явное удовольствие от ситуации в России. «Разве не каждый американец чувствует, что к нашей надежде на будущий мир во всем мире прибавилась уверенность благодаря чудесным и воодушевляющим событиям, которые произошли за последние несколько недель в России? – продолжал Вильсон. – Россию знали те, кому лучше всего было знать, что она всегда была фактически демократична в душе во всех жизненных привычках своего мышления, всех межличностных отношениях населения на уровне естественного инстинкта и привычного отношения к жизни. Самодержавие, увенчавшее итог ее политической структуры, каким бы долгим и ужасным оно ни было, на самом деле не являлось русским по происхождению, характеру или целям. Теперь оно свергнуто, и великие и щедрые русские люди прибавлены во всем своем могуществе к силам, борющимся за свободу, мир и справедливость. Вот подходящие партнеры для всех честных людей».

Это высказывание было дополнено несколькими днями позже телеграммой госсекретаря, предписывающей Фрэнсису проинформировать российское правительство о вступлении Америки в войну. Послу было поручено передать Временному правительству, что руководство и весь народ Соединенных Штатов радуются тому, что великие русские присоединились к могущественным демократиям, и выражают надежду и ожидание, что Россия, вдохновленная великими идеалами, более чем когда-либо способна отдать долг, которым она обязана человечеству, и сохранить внутреннюю гармонию для того, чтобы, как единая и патриотиче-

ски настроенная нация, преодолеть сопротивление автократической власти, которая силой и интригами угрожает демократии, провозглашенной русским народом.

В своем письме к американскому ученому Чарльзу Д. де Янгу, написанному много лет спустя (20 ноября 1948 года), де Витт С. Пул, один из лучших американских специалистов по России, отмечал: «Фрэнсис не говорил по-русски, не отличался широтой контактов и связей, но был достаточно осведомлен о бедственном положении русского народа, чтобы с ликованием приветствовать свержение царя и приход к власти Временного правительства... С его членами у Фрэнсиса установился мост взаимопонимания, и, если бы это правительство пробыло у власти несколько лет, он мог бы стать выдающимся послом» (де Витт С. Пул. Историческое общество штата Висконсин, Мэдисон).

Эти два отрывка задали тон подходу, которого американское правительство должно было придерживаться по отношению к Временному правительству на протяжении всего периода его пребывания у власти. Этот подход выдавал желаемое за действительное. Он заключался в поспешном приветствии России в сообществе демократических наций, горячем желании помочь русскому народу, преследовании общих военных целей и благожелательном, но никогда не чрезмерном выражении тревоги за способность нового российского режима сохранить «внутреннюю гармонию», необходимую для надлежащего выполнения роли в новом демократическом сообществе. В соответствии с таким отношением было сделано все возможное, чтобы оказать помощь Временному правительству. Одним из главных усилий в этом направлении стало выделение кредита. Уже 3 апреля, еще до нашего вступления в войну, Фрэнсис был уполномочен предложить кредиты американского правительства новому российскому режиму. В конечном счете, за период пребывания Временного правительства у власти Россия получила 325 миллионов долларов, из которых фактически было потрачено 187 729 750 долларов. Количество товаров, закупленных и доставленных в Россию до Октябрьской революции, было, конечно, невелико ввиду короткого срока пребывания Временного правительства у власти, при этом затраты России на военные нужды практически равнялись нулю.

Сразу после нашего вступления в войну Вашингтону пришла в голову идея направить в Петроград специальную делегацию доброй воли для обучения России принципам демократии и обсуждения с российским правительством наилучших путей и средств для обеспечения эффективного сотрудничества между двумя правительствами при ведении войны. Результатом стало решение, принятое вскоре после середины апреля, отправить на помощь Временному правительству Элиу Рута, уважаемого юриста-республиканца, бывшего государственного секретаря и военного министра. Его сопровождал ряд других известных американских деятелей. Было объявлено, что главная цель миссии заключается в демонстрации симпатии Америки за «приверженность России к демократическим принципам».

Причины, побудившие президента выбрать Рута для выполнения этой задачи, не совсем ясны. По-видимому, главным соображением демократа Вильсона стало желание продемонстрировать «двухпартийность» американских чувств, но, как кисло заметил сам Рут, «он никогда бы не назначил меня главой миссии, если бы мне не было 73 года». Как мы скоро увидим, Вильсон и сам не пребывал в восторге от этого назначения, но у нас нет никаких конкретных исторических указаний, что он сделал это без энтузиазма и определенной убежденности. Опасаясь, что Рут будет воспринят русскими либералами и социалистами как убежденный реакционер, президент пытался найти для включения в миссию политиков, способных противостоять подобному отношению. Он обратился (вышло довольно иронично, если вспомнить взгляды российских социалистов на Американскую федерацию труда) к Сэмюэлу Гомперсу¹ за сове-

¹ Сэмюэл Гомперс (1850–1924) – один из ключевых лидеров американского профсоюза, основавший Американскую федерацию труда (АФТ). (Здесь и далее примеч. пер.)

том. В первую очередь Гомперс порекомендовал Уильяма Уоллинга², но тот предпочел мудро отказаться. В конце концов выбор пал на Джеймса Дункана, пожилого вице-президента АФТ, и Чарльза Эдварда Рассела, журналиста, писателя и умеренного социалиста по убеждениям. Другими членами миссии стали Чарльз Р. Крейн (будет упомянут далее в другой главе), Джон Р. Мотт из Христианской молодежной ассоциации, Сайрус Х. Маккормик из международной компании «Харвестер» и нью-йоркский банкир Сэмюэл Р. Бертрон. В состав делегации также был включен только что вышедший в отставку начальник штаба вооруженных сил Соединенных Штатов генерал Хью Л. Скотт.

В мае 1917 года группа Рута отправилась в Россию через Владивосток, откуда, следуя бывшим царским частным поездом, пересекла Сибирь, европейскую часть России и 13 июня прибыла в Петроград. Миссия пробыла в столице почти месяц, участвуя в официальных мероприятиях, званых обедах, выступлениях и экскурсиях, после чего вернулась в Соединенные Штаты тем же маршрутом.

В течение всего лета ряд частных или «получастных» американских организаций аналогичным образом направлял своих представителей или даже целые миссии в Россию. Наиболее заметной из них стала Комиссия Американского Красного Креста, первоначально возглавляемая доктором Фрэнком К. Биллингсом³. Так или иначе, но очень трудно выделить какой-либо случай, когда подобные миссии оказывали хоть сколько-нибудь заметное благоприятное влияние на ход событий в России в период правления Временного правительства. Например, Комиссия Красного Креста оказалась не только бесполезной, но даже и не особенно желательной для российского правительства. Единственное влияние на текущую ситуацию заключалось в индивидуальной деятельности некоторых ее членов, которые, как будет видно дальше, не имели ничего общего с Красным Крестом. Железнодорожная миссия Стивенса, созданная по инициативе американской стороны, но не России, также не была по-настоящему желанной русским правительством и была принята только ради железнодорожных поставок, которые, как надеялись, станут приятным приложением к деятельности делегации. Миссия истратила всю свою энергию летом 1917 года в основном на пустые разговоры, но была застигнута Октябрьской революцией, прежде чем у нее появился реальный шанс приступить к делу. Ценную работу, которую должен был выполнить Стивенс, мы обсудим позже.

Основная миссия Рута, самая претенциозная из побывавших в российской столице, похоже, мало что смогла изменить. Она лишь взвалила на измученных министров Временного правительства ряд обременительных социальных обязательств, уже не на жизнь, а на смерть вовлеченных в битву с силами распада, которые вскоре прекратят короткий российский эксперимент двоевластия. Сам Рут, не обладавший не только знанием политической диспозиции внутренних сил страны, но и каким-то относительным пониманием происходящего, был плохим выбором Вильсона для выполнения поставленной задачи. Он возглавил миссию без всякого энтузиазма и не наслаждался получаемым опытом. Его публичные выступления были вежливы и корректны, хотя под этой маской скрывались самодовольство и покровительство. «Пожалуйста, передайте президенту, – телеграфировал Рут Лансингу из Петрограда, – что мы обнаружили здесь класс младенцев в искусстве быть свободными. Он насчитывает сто семьдесят миллионов человек и нуждается в снабжении материалами для детского сада. Эти люди искренни и добры, но при этом ошеломлены и растеряны» (из телеграммы № 8 от 17 июня 1917 г.). Политическим кругам России настойчиво вбивалась в голову мысль о том, что сте-

² Уильям Инглиш Уоллинг (1877–1936) – американский реформатор рабочего движения и социалистический республиканец. Некоторое время Уоллинг был членом Социалистической партии Америки.

³ Келлог Фрэнк Биллингс (1856–1937) – американский государственный деятель, юрист и дипломат, лауреат Нобелевской премии мира 1929 г.

пень американской поддержки Временного правительства напрямую будет зависеть от силы военных усилий последнего.

Попытка Вильсона установить своего рода взаимопонимание с российской левой партией путем включения в состав миссии Дункана и Рассела стала прискорбно неудачным решением. Мысль о том, что такие люди могут иметь какую-то естественную политическую близость с русскими социалистами, не имела под собой никаких оснований. Этот выбор стал объектом насмешек не только для современников, но и для будущих советских историков. Только раз за все время работы миссии один из ее членов удосужился посетить Петроградский совет. Им оказался Рассел. Его выступление не получило теплого восприятия, не было достигнуто никакого близкого контакта.

Неудивительно, что столь неудачно организованная миссия оставила неприятный привкус во рту у обеих сторон. Впоследствии Рут жаловался: «Похоже, что Вильсон не хотел ничего добиваться и просто поставил грандиозную пьесу. Президент лишь желал показать свою симпатию к русской революции. Когда мы передали русскому правительству его послание и произнесли свои речи, он казался довольным – вот и все, что выиграл Вильсон». И в самом деле, президент, вспоминая об этом предприятии, не пылал энтузиазмом. «Мистер Рут? – спросил Вильсон в конце 1918 года в одной из частных бесед. – Я послал его в Россию во главе важной миссии, и ее провал был в значительной степени вызван недоверием русских к мистеру Руту» (Крил Дж. Мятежники на свободе: воспоминания о пятидесяти насыщенных годах. Нью-Йорк, 1947). В 1934 году советский историк И.И. Генкин высмеял Вильсона за то, что тот считал «... Рассела крайне правым „социалистом“, яростным сторонником антигерманской коалиции и вице-президентом АФТ, другом Гомперса – Джеймса Дункана⁴. Это было самое радикальное, самое „левое“ блюдо, которое „демократ“ Вильсон мог подать на стол Временного правительства» («США и СССР: политические и экономические отношения между ними», М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934).

Основные рекомендации Рута Госдепартаменту по возвращении из России состояли, во-первых, в разработке и реализации обширной информационной программы с целью воздействия на российское общественное мнение, а во-вторых, в укреплении морального духа русской армии, главным образом путем введения развлекательных мероприятий под эгидой Христианской молодежной ассоциации. Ни одна из этих рекомендаций не принесла каких-либо практических плодов. Первое и наиболее очевидное объяснение этому заключается в слишком быстром развитии событий: ни то ни другое не могло быть реализовано до падения Временного правительства. Но даже если обе рекомендации были бы выполнены с максимальной оперативностью, весьма маловероятно, что их эффект имел бы хоть какое-то значение. План укрепления морального духа армии за счет развлекательных программ отражал полное непонимание Рутотом всей глубины деморализации, уже достигнутой в российских вооруженных силах, а также ее реальных причин. Какую бы высокую информационную активность наше правительство ни предпринимало до октябрьского кризиса, социально-политические факторы, которые привели к нему и многим последующим событиям, вне всякого сомнения, сделали бы все эти меры недейственными. Кроме того, следует учесть незнание американцами политических чувств и переживаний других народов, нехватку обученного персонала и упрямую американскую тенденцию говорить субъективно и витиевато, используя богатый словарь своего языка, а не в терминах, которые могли бы иметь практическое значение для других национальностей.

При рассуждении о провале американских миссий невольно возникает вопрос: а не ускорило ли правительство Соединенных Штатов вместе с другими западными союзниками провал Временного правительства, настаивая на том, что Россия должна продолжать военные

⁴ Джеймс Дункан (1857–1928) – шотландско-американский профсоюзный деятель, влиятельный член американского рабочего движения.

действия, и сделав это требование критерием поддержки? Ставя перед Временным правительством задачу укрепления политической власти и одновременного продолжения участия в войне, союзники требовали невозможного: это были взаимоисключающие вещи. Даже уже во время Февральской революции и гражданское население, и армия испытывали огромную усталость от войны. Лидеры Петросвета, которые в гораздо большей степени, чем само правительство, пользовались доверием политически активных элементов в вооруженных силах, были глубоко привержены тезису о том, что военные цели Антанты носили недостойный империалистический характер. Очевидно, что такое отношение самым острым ставило перед рядовыми составом вопрос о том, за что они борются. Кроме того, Февральская революция сопровождалась грандиозным ослаблением армейской дисциплины, к которому общественно-политические лидеры оказались либо неготовыми, либо слишком робкими для усиления контроля и пытающимися объяснить происходящее туманной фразой «демократизация армии». В течение лета к этому добавилась растущая большевистская агитация за немедленную земельную реформу, заставившая многих солдат-крестьян надеяться на скорейшее перераспределение земли в деревнях. Подобное ожидание привело к резкому снижению интереса простых солдат к участию в военных действиях, усилило их стремление к миру практически на любых условиях и подтолкнуло очень многих из них к фактическому дезертирству, растущему с каждым месяцем.

После некоторых первоначальных разногласий между Советами и Временным правительствами по вопросу о целях войны было найдено соглашение по формуле, призывающей к всеобщему «миру без аннексий и контрибуций», выступающей за скорейшее начало переговоров с другими державами Антанты, но между тем нацеленной на восстановление боеспособности вооруженных сил и, по крайней мере, на номинальное продолжение военных действий. Некоторые члены Временного правительства и наиболее консервативно настроенные лидеры в Петросвете действительно верили, что такая программа осуществима. Не исключено, что этот неоправданный оптимизм во многом был связан с попыткой пробуждения подобной надежды в правительствах других держав Антанты и в Вашингтоне. На самом же деле такая надежда была абсолютно нереальна. Ввиду нерешительного отношения Петроградского совета к дисциплине в армии любая мысль о восстановлении ее боеспособности или даже о прекращении разложения перешла в разряд несбыточных мечтаний. В сложившихся обстоятельствах попытка настроить деморализованные и жаждущие земли войска к новым военным действиям могла привести только к тому, что правительство окажется в оппозиции к подавляющей массе рядового состава, при этом разоблачится реальное отсутствие его авторитета в войсках, что сыграют на руку наиболее беспринципным большевистским агитаторам среди солдатских масс. Усилия, направленные на продолжение войны, могли лишь только увеличить разрыв между Временным правительством и Петроградским советом и поставить наиболее умеренных членов последнего в опасное положение.

Эту опасность ясно видели некоторые российские консерваторы и даже некоторые иностранные наблюдатели. Обратите внимание, например, на заявление Милюкова, министра иностранных дел во Временном правительстве, а затем публициста и историка событий этого периода: «...положительное отношение правительственного революционного режима к продолжению войны послужило причиной его ослабления. Участие в военных действиях заранее настроило народные массы в пользу тех, кто оказался противниками февральского переворота как на фронте, так и внутри страны» (Милюков П. Россия на перепутье. Париж, 1927).

В соответствии с требованием союзников, включая Соединенные Штаты, Россия должна была возобновить и активизировать свои военные усилия (прямо выраженные Рутом в формуле «никакой борьбы – никаких займов»). На самом деле это противоречило другой главной цели американской политики, а именно успешному переходу России к конституционной демократии. Единожды заняв позицию по отношению к Временному правительству, администра-

ция Соединенных Штатов неуклонно преследовала политику участия России в войне до победного конца. Однако в течение лета ситуация становилась все более сложной и ненадежной. Время от времени от американских официальных лиц в России поступали предупреждения о том, что предположения, на которых зиждется американская политика, становятся все более сомнительными. Характерно, что в основном они исходили от консульских и военных чиновников, находящихся в более тесном контакте с населением и солдатами, нежели чем от посольской канцелярии в Петрограде, непосредственно ведущей дела с Временным правительством. Хотя вряд ли можно в этом винить сотрудников посольства. С высоты собственного авторитета Рут разъяснил, что в их обязанности не входит подвергать сомнению политические перспективы режима, который Соединенные Штаты решили поддержать своей дружбой и помощью. К сожалению, в то запутанное и беспрецедентное время было очень нелегко понять те политические тенденции, которые так легко определяются задним числом почти через сорок лет. Члены Временного правительства также были отчасти виноваты в своем понятном, но тем не менее печальном нежелании раскрывать представителям союзников в Петрограде всю меру своей реальной слабости. Таким образом, все предупреждающие голоса оставались слишком тихими и, по-видимому, не принимались во внимание.

Безусловно, госсекретарь Лансинг принимал эти трезвые голоса к сведению и с тревогой и множеством опасений следил за ходом событий в России. После разговора с возвратившимся Рут в августе он написал Вильсону докладную записку, в которой выразил свой скептицизм относительно сохранения власти Временным правительством и высказал сожаление по поводу случившейся революции (Воспоминания Роберта Лансинга. Нью-Йорк, 1935. Записка от 9 августа 1917 г.). Несколькими месяцами раньше, докладывая о петроградских беспорядках 3–4 мая, американский консул Норт Уиншип сообщал нечто аналогичное: «Недоверие к союзникам и чувство вынужденности продолжать неприятную и утомительную войну, которая проповедует столь открыто, стали скрытой причиной всех событий 3 и 4 мая» (из телеграммы № 300 от 8 мая 1917 г.).

Атмосфера оптимизма, которую излучала миссия Рута, постепенно сходилась на нет. Несомненно, и сам президент разделял часть беспокойства госсекретаря, но теперь ему оставалось лишь продолжать политический курс, заложенный в марте и апреле. Какой бы бесперспективной ни казалась ситуация в последние недели существования Временного правительства, никогда нельзя быть полностью уверенным, что все, так или иначе, не разрешится само собой. Конечно, разумно предположить, что политическим перспективам Временного правительства уже бы не помогли изменения американской политики. Отсутствие уверенности и колебания в отношении желательности дальнейшей американской поддержки до последней минуты сделали свое дело.

Таким образом, правительство Соединенных Штатов, взяв на себя обязательство проводить фиксированную, узкую и безальтернативную политическую линию, уже не имело иного выбора. Ему оставалось лишь неуклонно следовать этой линии, пока собирались грозные тучи, скрывающие растущие опасения. В конце концов, полная катастрофа смела все предположения, лежащие в основе этой политики, и создала на глазах у всего мира совершенно новую ситуацию. Ее политическое «неудобство» заключалось в том, что она предполагала предоставление различных форм помощи России еще долгое время после того, как эта помощь уже не могла играть какую-либо реальную роль для продвижения поставленных целей, при этом продолжалась разработка соответствующих программ. Но гораздо более серьезным оказался тот факт, что это печальное и затруднительное положение не позволяло вашингтонским лидерам завоевать доверие российской общественности и стимулировать публичную дискуссию, которая была так необходима, если бы люди оказались готовы к худшим последствиям.

Таким образом, получалось, что в значительной степени неподготовленная американская общественность и правительство были частично предупреждены, но все еще находились в

некотором замешательстве и колебаниях. Степень их ошеломления превзошла все возможные границы, когда оказалось, что в ноябре 1917 года бразды российского правления выскользнули из рук премьера Керенского и были захвачены бандой радикальных фанатиков, о которых слышали лишь только то, что они придерживались самых подстрекательских социалистических взглядов и яростно выступали против продолжения военных действий Россией.

Прежде чем мы обратимся к деталям этого болезненного пробуждения, было бы неплохо взглянуть на некоторых личностей, наиболее заметных в предстоящем столкновении между Соединенными Штатами, находящимися в состоянии войны с Россией, охваченной агонией социальной революции.

Глава 2. Главные персоналии событий

История раннего периода советско-американских отношений, как и любая другая длительная фаза дипломатической истории, образно говоря, представляет собой некую ткань, в которой отдельные личности проявляются как нити, некоторое время несущие свою долю нагрузки и в какой-то момент исчезающие, порой довольно внезапно, передавая бремя другим. В целом эти личности будут представлены и рассмотрены по мере их появления на исторической сцене. Пока же остается необходимость представить тех, кто уже на ней находился в то время, когда началось это повествование, ибо без некоторого знания их прошлого и особенностей подхода к проблемам рассказ потеряет большую часть своей значимости.

В эту категорию попадают в основном крупные государственные деятели с обеих сторон, а также главные фигуры официальной американской общины в России. В обычных обстоятельствах аналогичное упоминание пришлось бы сделать и о членах официальной русской общины в Соединенных Штатах, но в данном конкретном случае такая необходимость отпадает, поскольку российское официальное сообщество в Вашингтоне в целом отказалось признать советское правительство и уж тем более ему служить и, таким образом, не могло сыграть непосредственной роли в советско-американских отношениях. Здесь требуется сделать исключение для последнего посла Временного правительства в Вашингтоне Бориса Бахметьева⁵, чья необыкновенная проницательность и рассудительность завоевала доверие многих американцев и позволила ему выступить в роли неофициального советника различных американских государственных деятелей, пользующихся немалым влиянием.

Итак, к главным государственным деятелям с американской стороны, участвовавшим в первичном построении советско-американских отношений, относятся Вильсон и Лансинг, с российской – Ленин и Троцкий, не нуждающиеся в отдельном представлении для читателя. Их соответствующие реакции на проблемы российско-американских отношений лучше оставить в событийном отражении, составляющим основу этого повествования. Однако есть несколько замечаний, касающихся соответственного опыта и собственно личностей этих людей, которые могут оказаться уместными на данном этапе.

Хотя Вудро Вильсону уделялось большое внимание в американской исторической литературе сразу после его смерти, полная картина его сложной и утонченной политической личности только сейчас начинает проявляться в свете более интенсивного и тщательного изучения, проводимого в последнее время. Автор надеется, что некоторые нюансы его конфронтации при столкновении с российской проблемой по мере их появления в этом повествовании внесут некоторый вклад в полноту и богатство в личностный портрет этого президента.

Когда мы наблюдаем за реакцией Вильсона на проблемы, поставленные российской революцией, следует учитывать следующее. Во-первых, он был политиком, никогда не проявлявшим особого интереса к российским делам, и не был о них осведомлен. Вильсон ни разу не посещал Россию, и мы не имеем ни одного исторического подтверждения, что темная и жестокая история этой страны когда-нибудь привлекала его внимание. Как и многие другие американцы, Вильсон испытывал отвращение и антипатию к царской автократии в том виде, в каком она была ему знакома, и проявлял симпатию к революционному движению в России. Именно по этой причине быстрое вырождение результатов Февральской революции в новую форму авторитаризма, вызванное жестокой и предвзятой враждебностью к западному либерализму, стало явлением, к которому Вильсон был так же мало подготовлен интеллектуально, как и

⁵ Борис Александрович Бахметьев (1880–1951) – российский и американский ученый, политический и общественный деятель, посол России в США (1917–1922), принимал активное участие в разработке проектов документов для Парижской мирной конференции.

многие его соотечественники. Во-вторых, в то время как Вильсон в значительной степени прислушивался к мнению государственного секретаря при формулировании основных вопросов внешней политики, к сожалению, он, как и многие другие американские государственные деятели, не стремился использовать сеть зарубежных дипломатических представительств страны в качестве жизненно важного и близкого политического органа. Ничто не было дальше от его образа мыслей и привычек, чем посвящение в свои тайны постоянных посланников. Президент не считал нужным проявлять интерес к их мнениям или использовать возможности для частных контактов с иностранными правительствами в качестве средства достижения внешнеполитических целей. Ему редко приходило в голову, что преследование этих целей возможно не только традиционными дипломатическими методами, но и через влияние на иностранные правительства путем частных убеждений и даже через политический торг. В редких случаях, когда это требовалось, к делу, как правило, подключали «исполнительного агента» полковника Эдварда М. Хауса⁶, а не официального постоянного посланника. В целом «вкус» президента в дипломатии скорее сводился к прямому обращению к иностранному мнению, для чего дипломатические представители не требовались.

В этих обстоятельствах отдельные дипломатические посланники, в том числе и посол Фрэнсис в Петрограде, не испытывали близости к своему президенту и не имели никакой возможности почувствовать, что являются особыми хранилищами его доверия и проводниками президентской воли. В самом деле, многим американским дипломатам, ушедшим раньше и которым только предстояло прийти, выпадала участь прозябать, насколько это было возможно, на зарубежных постах, составляя понимание ситуации и обосновывая построение внешней политики своей страны исходя из анализа прессы или из получаемых время от времени загадочных намеков. Им оставалось лишь отправлять свои интерпретации прочитанного или услышанного в Госдепартамент, как правило окутанный глубоким и загадочным молчанием, и пытаться скрыть от правительств, при которых аккредитованы, полную меру своей беспомощности и отсутствие хоть маломальского влияния.

В тот период времени, которому посвящена эта книга, Вильсон начал ощущать первые признаки усталости, проявляемые все сильнее и сильнее в оставшиеся годы президентства. Хаус отметил этот факт еще в Рождество, а спустя два месяца, 27 февраля, он записал в своем личном дневнике: «Президент пожаловался на усталость. Хотя он выглядит лучше, чем во время моего последнего визита, я вижу ее признаки. Он также не помнит имен и не думает о задачах, которые мы решаем. Грейсон говорил об этом вчера. Он заметил, что, хотя у всех создавалось впечатление, что президент работает день и ночь, мы с ним знаем, что восемь часов работы в день – предел его возможностей» (Дневник Э.М. Хауса. Библиотека Йельского университета, запись от 20 декабря 1917 года).

Было бы ошибкой делать из этого вывод, что зимой 1917/18 года Вильсон все время был неспособен к более эффективной работе. Совсем не так.

Сделав только что процитированное замечание, Хаус добавил следом, что по-прежнему видит у Вильсона способность «...работать и более восьми часов, причем даже лучше, чем любой из моих знакомых». Следует помнить, что именно в эти месяцы напряжение на президентском посту достигло своего исторического максимума. Таким образом, иногда наступали моменты, при которых энергия и способность президента концентрироваться несколько снижались, что необходимо учитывать при оценке его реакции на российскую проблему в первые месяцы советской власти.

⁶ Эдвард Мандел Хаус (1858–1938) – американский политик, дипломат, советник президента Вудро Вильсона, получил известность благодаря необычно значительному влиянию на президента Вильсона и на действия США в Первой мировой войне.

Говоря о Роберте Лансинге, нужно отдельно отметить, что хотя и он тоже не проявлял особого интереса к русским делам до российской революции, но зато обладал уникальной подготовкой и государственной мудростью, полученной за двадцать два года практики в качестве юриста-международника и почти трех лет изнурительной ответственности в качестве советника и государственного секретаря. Таким образом Лансинг не только приобрел исключительное понимание дипломатического процесса как такового, но и в высокой степени имел качества тщательности и точности, лежащие в основе дипломатической профессии. Тот же опыт сделал его чувствительным к важности международных форм и удобств, как отражений более глубоких реалий внешней политики. Все отмеченные качества должны были сослужить ему хорошую службу при столкновении с испытаниями государственного управления, привнесенными российской революцией и ее последствиями.

Для современников яркость личности Лансинга оставалась несколько затемненной контрастом между его тихой и скромной натурой и доминирующей личностью президента. Но это нисколько не облегчало задачу госсекретаря, несмотря на врожденную скрытность и склонность Вильсона к самостоятельным действиям без консультаций и информирования. Мужчины раздражали друг друга своими официальными профессиональными привычками. Иностранные дипломаты быстро почувствовали напряженность этих отношений и пользовались ими, обращаясь с теми или иными проблемами непосредственно к президенту. Неудивительно, что в этих обстоятельствах существовала тенденция недооценивать Лансинга, а иногда и высмеивать. Джордж Крил презрительно обвинил его в том, что он «специально работал над собой, чтобы казаться скучным», что само по себе в корне неверно. Подобным обвинениям не могут подвергаться упорядоченные и методичные натуры. «Я нахожу, что президент по-прежнему настроен враждебно по отношению к Лансингу, – записал Хаус в своем дневнике 8 декабря 1917 года. – Госсекретарь постоянно делает что-то, что раздражает Вильсона, и, как правило, принимает меры без консультаций». Можно предположить, что неуклонная скрупулезность методов работы Лансинга, его неспособность к показной демонстрации и отсутствие личной амбициозности создали впечатление о его невысокой способности внести значительный вклад в формулирование американского ответа советской власти. Между тем за этим фасадом чопорной корректности и юридической точности скрывалась пронизательность, которой могли бы позавидовать более буйные натуры, которыми тогда изобилывал Вашингтон военного времени.

Как уже было сказано выше, личность Ленина не нуждается в особом представлении. Он так же мало интересовался Америкой, как Вильсон (или Лансинг) – Россией. Думая о Соединенных Штатах, он, вероятно, отождествлял их с Англией, с которой познакомился за год пребывания в Лондоне. Если впечатление об англосаксонской цивилизации отличалось от образа континентального капитализма, на основе которого сформировался его взгляд, то этого было явно недостаточно, чтобы повлиять на его мышление каким-либо существенным образом. В конце концов, именно Ленин исправил небрежность Маркса и привел в порядок симметрию его доктрины, что в англосаксонских странах социалистическая революция может произойти без революционного насилия (опровергнув основоположника). Таким образом, он аккуратно объединил все капиталистические страны в единый узел и избежал отвратительной для него необходимости признания мира относительных ценностей. Совершенно очевидно, что на момент захвата власти большевиками Америка для Ленина представлялась просто еще одной капиталистической страной, причем не очень важной. В «Декрете о мире», написанном самим Лениным осенью 1917 года, Соединенные Штаты не упоминались вообще в отличие от Англии, Франции и Германии, названных «тремя самыми могущественными государствами, принимающими участие в нынешней войне».

Из четырех ведущих государственных деятелей Троцкий был единственным, кто посетил страну, связанную с российско-американскими отношениями: он находился в Соединенных Штатах зимой 1917 года (с 13 января по 27 марта). Его местом жительства стала 162-я

улица Нью-Йорка в Верхнем Ист-Сайде. Это место сам Троцкий называл «рабочим районом». В этот короткий период он руководил редакцией русскоязычной социалистической газеты «Новый мир» около Юнион-сквер. Позже он вспоминал: «Моей единственной профессией в Нью-Йорке была профессия революционного социалиста» (Leo Trotzki. Mein Leben. Berlin, 1930). Он рассказывал, что изучал американскую экономическую жизнь в Нью-Йоркской публичной библиотеке. К чему бы ни сводилось это исследование, было бы ошибкой делать вывод, что Троцкий получил какую-либо богатую или точную картину природы американской цивилизации, с которой он соприкоснулся на ее восточной окраине. Плоть и кровь Америки со всеми тонкими особенностями духа и обычаев, которые сделали гораздо больше для определения ее моральных ценностей, нежели политические или экономические институты, остались для Троцкого закрытой книгой.

Американский посол в Петрограде

Чтобы понять позицию американского посланника в российской столице во время революции, было бы неплохо вернуться немного назад и обратить внимание на практический опыт администрации Вильсона при назначении на этот конкретный дипломатический пост.

К моменту начала Первой мировой войны российско-американские отношения находились в слегка беспокойном состоянии. В первую очередь это было обусловлено недовольством еврейской общины в Соединенных Штатах в связи со специфическими проблемами, возникающими при оформлении вида на жительство или приобретении американского гражданства большим количеством российских евреев. До тех пор, пока в американском обществе не было значительного числа мигрантов из Российской империи, традиционные и философские различия, отличающие политические системы России и Америки, не играли заметной роли в официальных отношениях между двумя странами. Несколькими десятилетиями раньше, несмотря на волны угнетения российских евреев, причем гораздо более суровые, эта проблема не привлекала излишнего внимания американской общественности и никак не влияла на ход российской политики в отношениях с Америкой. Но в период, начинающийся с убийства царя Александра II в 1881 году и вплоть до начала Первой мировой войны, в Соединенные Штаты хлынуло море представителей недовольных российских меньшинств, и прежде всего евреев. Кроме того, по мнению американского населения, царское самодержавие именно в годы своего упадка, прямо или косвенно стало проблемой для Соединенных Штатов, как никогда раньше. В период, непосредственно предшествовавший 1914 году, недовольство поведением российского правительства со стороны американского еврейского сообщества в значительной степени находило отклик в других секторах населения Америки и даже нашло живое отражение в мнении конгресса. Результатом стало принятие 13 декабря 1911 года (300 голосами против 1) пункта 1 статьи 191 совместной резолюции конгресса, обвиняющей Россию в нарушении старого торгового договора от 1832 года и объявляющей этот договор расторгнутым. Конгресс поручил президенту Тафту сделать официальное уведомление об этом российскому правительству. Уведомление было направлено 17 декабря 1911 года, а решение конгресса вступило в силу 31 декабря 1912 года.

Напряженность, возникшая в результате прекращения действия торгового договора, была несколько смягчена усилиями терпеливых и менее эмоциональных чиновников. Несмотря на обоюдные возмущения и упреки, оба иностранных министерства, действуя в духе осторожного, пусть и разочарованного примиренчества, что обычно и отличает дипломатов-профессионалов, сделали все, что могли, ради совместного сдерживания дальнейшего негативного развития ситуации. Им удалось предотвратить любые чрезмерные беспорядки в отношениях между двумя странами на практическом уровне. В результате отмена договора не оказала заметного влияния на торговлю между двумя странами. Этот факт может служить

иллюстрацией преувеличенного значения, которое американцы склонны придавать торговым соглашениям как инструменту. Американский экспорт в Россию, составляющий скромные 35 миллионов долларов в год, фактически начал быстро увеличиваться с началом войны из-за закупок Россией военных товаров в Соединенных Штатах и достиг в последнем финансовом году, закончившемся летом 1917 года, внушительной цифры в 558,9 миллиона (Бейли Томас Э.⁷ Америка сталкивается с Россией. Корнелльский университет, 1950). Это увеличение прямой торговли во время войны дополнялось значительным потоком американских инвестиций и обширными операциями в России крупных американских концернов, банков, страховых компаний и прочих организаций.

Таким образом, по мере продолжения войны в Соединенных Штатах обнаружили, что, несмотря на отсутствие каких-либо официальных коммерческих соглашений, их страна, как никогда глубоко прежде за всю историю, оказалась финансово завязана на российскую экономику. Такое положение дел, в частности, привело к значительному росту на территории России числа американских граждан, занятых бизнесом и прочими вещами.

После денонсации договора в 1911 году последовал примерно двухлетний период, в течение которого Соединенные Штаты были представлены в Петрограде только поверенным в делах. Однако к 1914 году ситуация в некоторой степени урегулировалась, и Вильсон, несомненно учитывая быстрое развитие напряженности в Европе, принял решение о необходимости восстановления посольской должности. Президент назначил на нее Джорджа Т. Марье, банкира из Сан-Франциско.

Атмосфера на российской стороне в то время была все еще явно прохладной. Демонстративное расторжение договора 1832 года⁸ в Петрограде не забыли и не простили. Российский посол в Вашингтоне Бахметьев даже пошел на беспрецедентный шаг, попытавшись отговорить Марье. Когда от российского МИД в Петрограде потребовали объяснений относительно действий посла, последовал весьма вялый ответ, что присутствие господина Марье вовсе не обязательно, но, конечно, он может приехать, если пожелает. Император примет его, при условии что будет находиться на своем месте, хотя в этом нет никакой уверенности.

Тем не менее Марье приступил к исполнению своих обязанностей, был принят императором и прослужил послом в Петрограде до марта 1916 года. Он приобрел сильную личную привязанность к императорской семье и, по-видимому, был высоко оценен в придворных кругах. Однако в феврале 1916 года он внезапно попросил отозвать его, якобы по состоянию здоровья. На самом же деле, по его собственному позднему признанию, это произошло из-за того, что «... возникли политические комбинации, которые повлияли на меня, и... я почувствовал побуждение уйти» (Марье Д.Т. На пороге конца имперской России. Филадельфия, 1929). Истинные причины этого внезапного ухода неясны до сих пор. Резкий уход посла произвел негативное впечатление на российское правительство, которое заподозрило в этом шаге какой-то новый вид политического оскорбления. Естественно, это не облегчило задачу его преемнику Дэвиду Р. Фрэнсису.

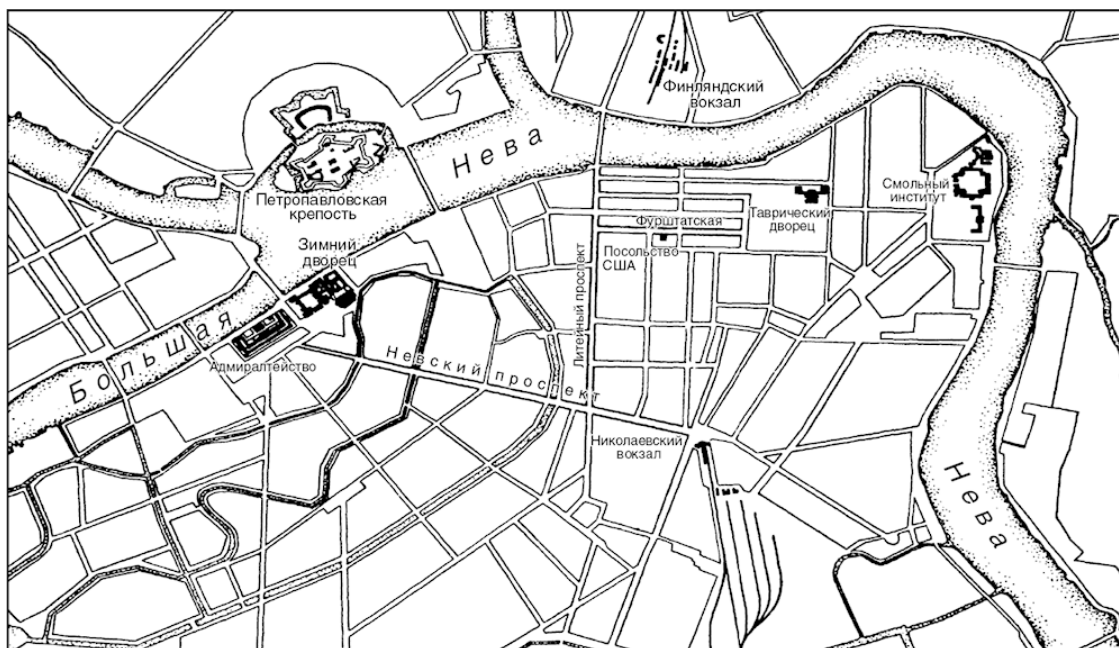
Предыстория этого назначения также не совсем ясна. Безусловно, это был не только достойный демократ, но и видный политический деятель. И президент, и Государственный департамент были заинтересованы в проведении переговоров о возможности заключения нового торгового договора, предусматривающего ведение совместного бизнеса. По словам Вильсона, кандидатура Фрэнсиса вполне подходила для установления взаимопонимания

⁷ Томас Эндрю Бейли (1902–1983) – американский историк, специалист по внешней политике США, знаток истории российско-американских отношений.

⁸ Русско-американский договор о торговле и навигации 1832 г. (*англ.* U.S.-Russian Treaty of Navigation and Commerce или Trade Treaty of 1832) – договор, подписанный Россией и США 6 (18) декабря 1832 г. в Санкт-Петербурге. Был заключен на срок до 1 января 1839 г. с последующим продлением. Договор предусматривал общие двусторонние торговые права и условия наибольшего благоприятствования.

между обеими сторонами в этом вопросе. В 1914 году Фрэнсису уже предлагалась должность посла Соединенных Штатов в Аргентине, но он ответил отказом, поэтому новое предложение стало для него полной неожиданностью. Судя по всему, и это очередное предложение он принял весьма неохотно, руководствуясь лишь осознанием своего общественного долга и с учетом особых обстоятельств, сложившихся к тому времени. Свою известность в государственных делах Фрэнсис, уроженец Кентукки, получил в дополнение к долгой и успешной деловой карьере, охватывающей несколько сфер деятельности. Он последовательно занимал должности мэра Сент-Луиса (1885–1889), губернатора Миссури (1889–1893), министра внутренних дел при президенте Гровере Кливленде (1896–1897). В 1904 году Фрэнсис организовал Всемирную выставку в Сент-Луисе в рамках III Олимпийских игр, став ее президентом, а затем и открыл саму Олимпиаду. Его политическая оригинальность отражалась даже в том факте, что на протяжении всей дипломатической карьеры коллеги продолжали обращаться к нему «губернатор», а не обычным титулом «господин посол».

Когда Фрэнсис отправился в 1916 году в Россию, ему уже было шестьдесят пять лет, а когда произошла большевистская революция – шестьдесят семь. Хотя новый посол был женат и имел нескольких детей, по ряду личных причин он оставил семью дома и продолжил миссию в одиночку, в сопровождении только личного секретаря, негра-камердинера и дворецкого Филипа Джордана. Почему я отметил дворецкого по имени? Он был достаточно важной фигурой в окружении Фрэнсиса. Работая у Фрэнсиса уже много лет в качестве личного слуги, он, как говорят, поехал в Россию из-за личной заботы и уважения к старому джентльмену, а не ради денег. Частные письма Джордана из России раскрывают его как чувствительного, серьезного и чрезвычайно ответственного человека, бесконечно преданного интересам Фрэнсиса. Он был потрясен жестокостью революции, причем потрясен до такой степени, что Соединенные Штаты показались ему земным раем. Тем не менее Джордан нисколько не сожалел, что оказался в России, где ему всегда было интересно и никогда не было одиноко. Он ни на секунду не сомневался, что выполняет важную и почитаемую функцию. На протяжении всего времени пребывания Фрэнсиса в России Филип заботился об интересах «сэра губернатора» с непревзойденным достоинством и с той смесью заботы и уважения, которая свойственна только слугам ушедшей эпохи. Он оставил наследство в виде богатого запаса анекдотов о собственной находчивости, лингвистических достижениях и легком понимании очевидных и простых, как ему казалось, реалий русской революции. Несколько писем дворецкого к миссис Фрэнсис (которая, собственно, и научила его писать) содержатся в рукописях посла (Миссурийское историческое общество, Сент-Луис).

Американское посольство на карте Петрограда

Посол поселился в квартире в здании посольства на Фурштатской, в фешенебельной части города. Поскольку недалеко располагались здания Смольного института и Государственной думы (Таврического дворца), американское посольство оказалось в эпицентре некоторых самых драматических и жестоких событий революционного периода. Вкусы и привычки Фрэнсиса отличались простотой, характерной для американского Среднего Запада на рубеже веков, и имели мало общего с утонченными пристрастиями континентального дипломатического общества. Это вовсе не означает, что Фрэнсис был каким-то аскетом. Напротив, он был настолько известен у себя на родине как гурман, что даже упомянут в одной из юмористических новелл О'Генри, где говорится о разбогатевшем ковбое, намеревающемся промотать свое непривычное богатство в Сент-Луисе. Однако гедонизм Фрэнсиса был подлинно американским. Возможно, что слухи о его переносном кувшине с лязгающей крышкой и носят несколько апокрифический характер, но нет никаких сомнений в том, что из вечерних развлечений губернатор предпочитал хорошую сигару и виски в небольшой компании приятелей за карточным столом шумным и чопорным светским приемам. По этим причинам, а также из-за определенной бережливости, по большей части он тихо обитал в посольской квартире, ограничивая жизнь американской колонией и принимая относительно небольшое участие в общественных делах высокого петроградского общества лишь по необходимости.

У Фрэнсиса был служебный «форд», которым, как правило, управлял Филип Джордан, а для зимы он держал сани и упряжку хороших лошадей. Секретарь посольства Норман Армор вспоминал, что в уздечке каждой лошади был закреплен американский флаг, поэтому при совместной поездке у него создавалось впечатление, что он катается на карусели. Новый посол выработал свой непринужденный стиль в отношениях с коллегами-дипломатами. Со своей стороны, они были склонны по возможности либо вовсе игнорировать Фрэнсиса, либо смотреть на него с некоей долей насмешки и снисхождения. Его редкие дипломатические обеды, отмеченные скрипучим граммофоном за ширмой в столовой и Филипом, прерывающим обслуживание за столом для того, чтобы перевернуть пластинку, совершенно не соответствовали канонам дипломатического изящества, преобладающего тогда в российской столице. Сэр Джордж Бьюкенен, британский посол, почти не упоминает Фрэнсиса в своих мемуарах; французский

посол Жозеф Нуланс⁹ лишь отмечает, что Фрэнсис «время от времени говорит по-французски, но лишь только для того, чтобы ознакомиться с дипломатическими обычаями и принципами международного права» (Joseph Noulens. *Mon Amhassade en Russie Sovietique*. Paris, 1933).

Фрэнсис не мог не ощущать собственных недостатков при общении с иностранными коллегами. Создается впечатление, что чувство собственного достоинства, естественное для человека его возраста и заслуг, было задето, породив некоторое оборонительное тщеславие. К сожалению, нечто похожее на неловкость давало о себе знать и в отношениях с собственными сослуживцами. Он не мог не признавать их большую, чем у него, осведомленность как относительно дипломатической жизни в целом, так и петроградских особенностей в частности. Вместе с тем Фрэнсису было сложно спрашивать и принимать их мнения, не выдавая при этом своего невежества и не теряя достоинство положения высокой должности посла. Эта ситуация (кстати, весьма нередкая в истории американской дипломатии) была бы неприятной и при лучших обстоятельствах, но в данном случае положение усугубилось дальнейшим осложнением самого болезненного рода.

Во время поездки в Россию в апреле 1916 года Фрэнсис познакомился с миловидной дамой около сорока лет, по имени Матильда де Крам. Она только что провела полгода в Соединенных Штатах, где проживал ее муж, и теперь вернулась в Россию, чтобы присоединиться к двум своим сыновьям от предыдущего брака, бывшими морскими кадетами. В Петрограде Фрэнсис продолжил знакомство. Де Крам давала послу уроки французского и часто присоединялась к нему во время вечерних прогулок, которыми Фрэнсис привык заканчивать рабочий день. Иногда женщина навещала его в посольстве. К сожалению, мадам де Крам числилась в списках российской контрразведки как предполагаемый немецкий агент. Эти подозрения, по-видимому, частично возникли из-за деятельности ее мужа, который, по слухам, был связан со страховой компанией, принадлежащей немцам и австрийским руководителям, покинувшим Россию в начале войны, чтобы избежать обвинений, выдвинутых против военного министра Сухомлинова¹⁰. Дальнейшие подозрения пали на мадам де Крам, поскольку во время ее поездки в Америку в 1915 году она путешествовала на одном судне с русской женщиной по фамилии Миролюбская, позже привлеченной к ответственности за раскрытие государственных секретов немцам. Кроме того, имелись сведения, что перед отъездом Фрэнсиса из Нью-Йорка мадам де Крам наводила справки относительно того, на каком судне новый посол намеревался плыть в Россию, и приобрела билет именно на него.

Оснований для предъявления каких-либо обвинений Фрэнсису не было, но все эти сведения попали в поле зрения сотрудников контрразведки союзников в Петрограде после возвращения де Крам в Россию. Официальные лица, очевидно, действовали по распространенному в те времена принципу «субъект должен считаться виновным, если не доказано обратное», поэтому они с большой тревогой и явным неодобрением отнеслись к связи мадам с послом, особенно в свете того факта, что квартира Фрэнсиса в канцелярии посольства находилась в непосредственной близости от картотеки и шифровальной комнаты. Каких-либо прямых и достоверных доказательств против де Крам не существовало. Распущенный слух, что первоначальная фамилия мадам была вовсе не де Крам, а фон Крам, мог быть лишь результатом усилий российских коммерческих фирм с целью устранения немецкого влияния и конкуренции из деловой жизни. Подобные усилия, по-видимому, включали в себя множество интриг и безрассудных обвинений, большая часть которых основывалась на крайне неубедительных доказательствах. Можно представить, с каким жаром языки петроградского общества, с самого

⁹ Жозеф Нуланс (1864–1944) – французский политик и дипломат, в 1917–1920 гг. – посол Франции в России, активно сотрудничал с белогвардейцами с целью подрыва большевистского режима.

¹⁰ Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) – русский генерал от кавалерии, военный министр, генерал-адъютант, считался главным виновником плохого снабжения русской армии, обвинялся в измене. Арестован 1 марта 1917 г., амнистирован 1 мая 1918-го.

начала настроенного критически по отношению к Фрэнсису, муссировали эту привлекательную тему.

Следует сразу сказать, что ни в одном историческом отчете нет ничего, указывающего на то, что отношения «губернатора» с мадам де Крам когда-либо выходили за рамки, определяемые его преклонным возрастом и обычаями того времени. Хотелось бы думать, что подобные инсинуации навсегда отвергнуты, особенно учитывая состояние пожилого посла, оставившего жену и семью и перенесшего тяготы запоздалой и непривычной холостяцкой жизни в чужой стране, – если это состояние вообще можно считать предметом любопытства. Оно было воспринято с сочувствием и пониманием наиболее разумными и опытными людьми из окружения Фрэнсиса. Но сыщики военного времени, особенно любители, не отличаются ни чувством юмора, ни пониманием мелких человеческих слабостей. Результатом стала прискорбная атмосфера неодобрения и подозрительности среди некоторых сотрудников посольства, а также членов дипломатических миссий союзников. Эта ситуация, которая рано или поздно должна была стать известной в Вашингтоне, достигла грани обострения, когда произошел захват власти большевиками, и основные последствия пришлось на период, к которому относится это повествование.

Для членов американского сообщества и дипломатического корпуса было вовсе не сложно высмеивать Фрэнсиса и принижать его способности. Можно сказать, что с ним поступили несправедливо и даже незаслуженно, отправив в такое время на такой пост. Только величайшее незнание норм дипломатической жизни могло бы породить убеждение, что Фрэнсис в его возрасте, с его опытом и темпераментом был хорошо подготовлен для решения поставленных задач. Не было никаких рациональных оснований предполагать, что новый посол окажется способным интеллектуально проникнуть в темный процесс российской политической жизни после Февральской революции, а затем обеспечить энергичное и дальновидное руководство в этой беспрецедентно сложной ситуации. То, что в этих обстоятельствах президент отправил Фрэнсиса в Россию в 1916 году и держал его там столько, сколько позволяли условия после Февральской революции, можно объяснить только незнанием требований и возможностей дипломатического представительства, которое нередко проявляло лучшие черты американской государственной мудрости. Оставалось только пожелать, чтобы Фрэнсиса вовремя уволили для жизни в спокойной старости, которую он, безусловно, заслуживал, а посольский пост либо отдали более молодому человеку с высшим образованием и иностранным опытом, либо оставили в руках профессионального поверенного. Но Фрэнсису, оказавшемуся на должности посла, пришлось «довольствоваться» теми качествами, которыми он обладал, что, надо сказать, он и пытался делать с мужеством и энтузиазмом. Сейчас трудно полностью отследить приключения и деятельность старого джентльмена в первые месяцы советской власти, отметить его бурные реакции, энергичные мнения, отчаянные маневры среди импульсивных соратников и даже частые колебания без того, чтобы не проникнуться сочувствием к Фрэнсису в его неожиданном и беспрецедентном положении. Остается лишь испытывать чувство глубокого уважения к этому человеку за продемонстрированную верность взятым на себя обязательствам и мужественную настойчивость перед лицом многих разочарований и невзгод.

Другие американцы

После посла первой фигурой в американском официальном представительстве, заслуживающей упоминания, являлся бригадный генерал Уильям В. Дждсон¹¹, одновременно занимавший сразу две должности – военного атташе и главы американской дипмиссии. В силу такой

¹¹ Уильям Вурхис Дждсон (1865–1923) – американский военный инженер, бригадный генерал, военный советник в миссии Рута при Временном правительстве.

двойной позиции генерал оказался одновременно и подчиненным и не подчиненным послу. В какой-то мере такое положение дел отражало характерные трудности, с которыми всегда сталкивалось правительство Соединенных Штатов в поиске удовлетворительных отношений между военными и гражданскими властями во время войны. В качестве военного атташе генерал Джадсон отчитывался перед правительством Соединенных Штатов напрямую, а по политическим вопросам только через посла или, по крайней мере, с его ведома и одобрения. Будучи главой военной миссии во время войны, Джадсон имел право докладывать о чем-либо непосредственно военному министру по каналу связи, недоступному для посла. Это обстоятельство в конечном итоге являлось источником путаницы и недопонимания.

Генерал относился к лучшему типу американского офицера и был известен как человек предельной честности. Будучи военным инженером по специальности, он с отличием выполнял длинный ряд ответственных и важных заданий в области военной инженерии. Однако в его карьере был один заметный перерыв: в 1905 году он около пяти месяцев работал наблюдателем на российской стороне во время Русско-японской войны. Он вернулся в Россию вместе с основной миссией Рута летом 1917 года только для того, чтобы быть выведенным из ее состава и оказаться назначенным на упомянутые должности. Таким образом, он приступил к выполнению своих новых обязанностей незадолго до начала большевистской революции, в свое время очень интересовался Россией, и его симпатии, по-видимому, были сильно привязаны к военным действиям русской армии, свидетелем которых он являлся в двух войнах. Джадсон оказался близок к Гучкову, военному министру во Временном правительстве, которого знал еще по Русско-японской войне. Добросовестный в своих обязанностях и неутомимый работник, генерал испытывал некоторые затруднения в понимании российской политики того времени, и это неудивительно: события лета и осени 1917 года приводили в замешательство даже самых проницательных наблюдателей. Создается впечатление, что Джадсону, как, впрочем, и многим другим иностранцам, находящимся в то время в России, было крайне сложно найти какую-либо адекватную причинно-следственную связь в быстрой и запутанной последовательности событий. Тем не менее сведения, которые Джадсон получил от жесткого, упрямого и пессимистичного Гучкова, сослужили ему хорошую службу. Военный атташе оказался одним из немногих американских наблюдателей, отметивших масштабы и последствия падения боевого духа российской армии последних недель войны периода Временного правительства, и предупредил Вашингтон, что шансы на продолжение участия России в боевых действиях крайне невелики.

В этой книге будет совершенно необходимо рассказать о процессах, благодаря которым генерал Джадсон вскоре после революции стал решительным сторонником того, что в стремлении предотвратить отвод немецких войск с Восточного фронта на Западный не следует придерживаться политики конфронтации с советскими лидерами. Справедливости ради следует помнить, что все бремя последствий выхода большевиков из войны легло тяжелым грузом именно на Джадсона, как на главного американского офицера в России. Из-за неспособности его правительства дать какие-либо четкие инструкции или даже просто проинформировать о своих собственных взглядах положение генерала было крайне незавидным. Вернувшись в Соединенные Штаты в феврале 1918 года, Джадсон очень подробно доложил военному министерству о проделанной работе и личной точке зрения на будущую политику, но не был услышан, как остались без внимания и большинство других наблюдателей, пытающихся интерпретировать российские события. Единственным четким указанием, полученным Джадсоном из военного министерства за все время пребывания в России после захвата власти большевиками, стала короткая инструкция, запрещающая ему вступать в контакт с Троцким. Во всем остальном генерал был полностью предоставлен самому себе и мог только догадываться о взглядах и желаниях администрации Вильсона. Джадсон не мог избавиться от чувства, что от него отмахиваются, как от назойливой мухи, или просто игнорируют. Он так и не был принят президентом и не знал об отношении Вильсона к его многочисленным докладам. Подобное отсутствие близ-

кого взаимодействия и незнание позиции официального Вашингтона укрепило убежденность Джайсона, что уже с самого начала описываемых событий американская администрация применила неправильный подход к советской власти. Таким образом, его точка зрения во многом совпадала со взглядами, позднее развитыми генералом Уильямом С. Грейвсом, командиром Сибирской экспедиции.

В интеллектуальном наследии, оставленном обоими этими офицерами, доминировала убежденность, что сотрудничество с советским правительством не только желательно, но и вполне возможно, если к нему искренне стремиться. Чувствовалось, что только позиция Государственного департамента, антисоветские предубеждения которого общеизвестны, помешали этой мечте стать реальностью.

Первым помощником Фрэнсиса по гражданской части во время захвата власти большевиками выступал Дж. Батлер Райт, впоследствии ставший видным высокопоставленным американским дипломатом и помощником госсекретаря. В качестве советника Райт непосредственно отвечал за канцелярию посольства и нес основную ответственность за руководство посольством в ходе непредвиденных перипетий того периода. Этот относительно молодой офицер, не обладающий специальными знаниями о российских делах, но хорошо осознающий важность посольских проблем с точки зрения ведения Соединенными Штатами военных действий, выполнял свои обязанности с величайшей добросовестностью, однако ему было трудно задать правильный тон в отношениях с Фрэнсисом. Между Райтом и послом не хватало необходимой близости для успешного и плодотворного сотрудничества. В глазах Райта Фрэнсис олицетворял весь спектр характерных политических слабостей кандидата на дипломатическую должность. Вместе с тем Фрэнсис считал, что Райт проявил худшие черты кадрового офицера: клановость с другими кадровыми военными, отсутствие откровенности, чрезмерная приверженность форме и протоколу, скованность в поведении и отсутствие широкого человеческого подхода в отношениях за пределами посольства.

В главном американском консульстве, располагающемся в Москве – центре экономической жизни страны, старшим должностным лицом и ведущей фигурой являлся генерал Мэддин Саммерс. Будучи генеральным консулом, он не только непосредственно отвечал за крупные и важные консульские процедуры, но и осуществлял надзор за работой филиалов в других городах России, в частности в Петрограде, Одессе, Тифлисе, Иркутске и Владивостоке. Этот опытный и способный офицер отличался энергичностью, добросовестностью и неутомимостью в работе. Саммерс пользовался большим уважением у всех членов американского сообщества в России за высокое чувство долга, мужество и общую целостность характера. Несмотря на отсутствие предыдущего опыта в российских делах, он обладал тем преимуществом, что был женат на русской женщине, не только обаятельной, но и со здравым мышлением. Благодаря ей, а также и своим собственным качествам Саммерс приобрел отличные связи в деловых и либерально-политических кругах Москвы. Он проявлял живой интерес к развитию событий и посылал длинные и подробные отчеты в Вашингтон, значительно опережая посольство в Петрограде.

Из всех высокопоставленных американских чиновников в России Саммерс, похоже, с самого начала занял самую твердую и бескомпромиссную антибольшевистскую позицию. Возможно, что отчасти это объяснялось его относительно консервативными связями с Россией, но следовало учитывать и его собственный склад ума, проникнутый отвращением к кровопролитию и жестокости, с которыми в Москве, в отличие от Петрограда, был осуществлен большевистский захват власти. Необходимо помнить, что сразу после Октябрьской революции личности высших советских лидеров, в частности Ленина и Троцкого, которые столь впечатляли и завораживали обывателей Петрограда, не были заметны в Москве. В целом же революционный пафос, сопровождающий октябрьские события в Петрограде, неистовый интеллектуальный пыл, искренний интернационализм и почти добродушная человечность отсутствовали

или были гораздо менее очевидны в Москве, где события носили характер жестокой вспышки социальной горечи и где большевики, усиленные обычными заключенными, освобожденными из тюрем, предстали, скорее как полукриминальные подстрекатели толпы, нежели как смелые интеллектуальные идеалисты. Таким образом, Саммерс был избавлен от тех впечатлений, которые захватили воображение Томпсона, Робинса и Джадсона и помогли им принять перспективу сотрудничества с большевиками. Всю жизнь он продолжал относиться к новым правителям России с неприкрытым отвращением, преувеличивал глубину и значимость их отношений с немцами и призывал союзников к бескомпромиссному сопротивлению их делу.

Говоря об официальных представителях американского сообщества в Петрограде, нельзя не упомянуть ведущих фигур Комитета по общественной информации, созданного по инициативе президента Вильсона. Невозможно кратко и сжато изложить функции этого необыкновенного детища Первой мировой войны. Этот Комитет первоначально был создан как своего рода агентство по пропаганде и цензуре военного времени, но затем взял на себя несколько других функций и находился в постоянном движении и изменениях. Ответственность за цензуру привела Комитет в область глубокого внутреннего контршпионажа и, очевидно, пока неясными путями в передовую военную и политическую разведку. Комитет по общественной информации находился в самых тесных отношениях с разведывательными подразделениями армии и флота, а концу войны в нем было выработано интересное «разделение труда». Его «гражданская» часть фактически руководила пропагандой в союзных и нейтральных странах, в то время как военные отвечали за работу с вражескими странами. Но в любом случае Комитет нес полную ответственность за оказание помощи в предоставлении информации, на которой была должна основываться вся пропаганда. В качестве представителя Комитета в периоды чрезвычайных ситуаций могли выступать сотрудники на дипломатических должностях, в том числе военный или военно-морской атташе. Таким образом, сотрудники Комитета выполняли работу, которая в обычных условиях выпала бы на долю военной разведки.

Человеком, выбранным для главы этой организации, был Джордж Крил¹², добровольный воин за сотни либеральных идей. Энергичный и откровенный характер Крила, нетерпение к правительственной бюрократии, необычный характер предприятия и понятное стремление его развивать рано или поздно не могли не привести журналиста к разногласиям с официальным Вашингтоном и не гарантировать ряд бурных столкновений с американскими правительственными кругами военного времени. В частности, темпераменты Крила и госсекретаря постоянно приводили к громким конфликтам, касающимся вопросов проведения американской политики в отношении России. Влияние Крила на президента, по сути, представляло собой важную проверку эффективности Госдепартамента, имевшего собственную концепцию этой политики. «Я почти пришел к убеждению, – записал Хаус в своем дневнике 18 октября 1917 г., – что именно Джордж Крил настраивает президента против Лансинга».

Комитет по общественной информации был сколочен в обычной хаотичной манере агентств военного времени в апреле-мае 1917 года. Естественно, сразу возник вопрос о том, что можно было бы сделать конкретно в плане информационной работы в России. Недавняя Февральская революция породила большие надежды на то, что эффективная программа в этом направлении может послужить не только сплочению русского и американского народов, но и укреплению общественного желания России продолжать войну. Однако было совершенно неясно, как следует осуществлять такую программу – через уже существующее представительство Госдепартамента в России или через какое-то новое агентство, непосредственно подчиненное Комитету общественной информации.

¹² Джордж Эдвард Крил (1876–1953) – американский журналист-расследователь, писатель, политик и государственный деятель, глава Комитета Соединенных Штатов по общественной информации.

Одним из партнеров Крила по созданию вашингтонской штаб-квартиры Комитета был человек по имени Артур Баллард¹³, уже хорошо знакомый с российскими делами и которому суждено было многое сделать для российско-американских отношений в ближайшие годы. По профессии Баллард был свободным писателем, журналистом и романистом, широко читаемым и много путешествовавшим. По убеждениям он называл себя социалистом, но на самом деле его взгляды сегодня бы назвали скорее либеральными, чем социалистическими. Они гораздо больше соответствовали идеям Вильсона, чем идеям социалистической партии, членом которой Баллард, по-видимому, никогда и не был.

Баллард находился в России во время революции 1905 года и внимательно следил за российскими делами все последующие годы. Горячо симпатизировавший русской революционной оппозиции, он в годы, непосредственно предшествовавшие войне, служил секретарем в «Американских друзьях русской свободы» – в уже упомянутой в 1-й главе частной организации американских либералов, заинтересованных в деле политической свободы в царской России. Прибыв в Россию в 1917 году в этом качестве, Баллард имел в своем распоряжении скромную сумму денег, которую он продолжал незаметно раздавать деятелям социал-революции, с которыми его организация поддерживала дружеские отношения.

Баллард был хорошим знакомым и пользовался большим уважением полковника Хауса, с которым поддерживал переписку на протяжении всех военных лет и у которого служил в то время в качестве своего рода частного европейского наблюдателя. В 1915–1916 годах Баллард находился в Англии, откуда внимательно следил за развитием местных военных событий и за ходом войны в целом. Из Англии он направил полковнику ряд длинных докладов, отличавшихся зрелым суждением, острой наблюдательностью и превосходным литературным стилем.

Нет никаких доказательств, что в этих отношениях присутствовала формальная составляющая или что Баллард каким-либо образом получал от Хауса вознаграждение за услуги. Скорее он был подлинным идеалистом, и его писательские усилия были направлены исключительно на процветание идеалов, в которые верил. Баллард жил весьма скромно и взял за правило зарабатывать только то, что ему было нужно для продолжения учебы. До 1917 года он, по-видимому, жил на свои литературные заработки даже во время пребывания за границей и рассматривал свои отчеты полковнику Хаусу как своего рода добровольную службу в военное время.

Поскольку возрос интерес к возможной российской операции Комитета по общественной информации, возникла идея отправить Балларда на предварительную «рекогносцировку местности». Сам Баллард в то время не особенно желал официальной правительственной поддержки. Ему просто хотелось изучить влияние революции на российскую внешнюю политику, особенно в отношении Балкан. Это был вопрос, которому писатель придавал большое значение и по поводу которого часто переписывался с полковником Хаусом.

Изначально Крил предпринял попытку назначить Балларда сопровождать миссию Рута, полагая, что это даст ему возможность изучить ситуацию и дать рекомендации относительно наилучшего способа осуществления российской программы. Крил с энтузиазмом написал об этом плане президенту Вильсону, который, без сомнения, под влиянием полковника Хауса передал это предложение Государственному департаменту, назвав его «великолепным». Здесь, однако, он наткнулся на загвоздку. Отношения между Крилом и Лансингом и без того были напряженными. Госдепартамент, еще не привыкший к тому, что другие вашингтонские агентства навязывают ему свою волю в кадровых вопросах, был возмущен вмешательством Крила и вдобавок счел Балларда слишком либеральным персонажем. Лансинг успешно сопротивлялся назначению писателя в миссию Рута на том основании, что для этой цели уже назван другой

¹³ Артур Баллард (Шугар Хилл) – профессиональный американский контрразведчик, во время революции в России 1917 г. работал «под крышей» американского Комитета по общественной информации.

человек (Стэнли Уошберн, военный корреспондент лондонской «Таймс» в России). Однако, чувствуя необходимость что-то предпринять в связи с письмом президента, Лансинг вызвал Балларда и предложил ему (по-видимому, не слишком любезно) работу в качестве того, что сегодня назвали бы пресс-атташе при посольстве в Петрограде, за 5000 долларов в год и еще 2000 долларов за «клерка». Естественно, что от столь «лестного» предложения Баллард с негодованием отказался. Вскоре после этого были приняты меры (очевидно, не без содействия полковника Хауса и, вероятно, с ведома президента), чтобы Баллард все равно поехал в Россию, якобы частным образом, но почти наверняка с целями, представляющими интерес как для полковника, так и для Крила.

Так или иначе, Баллард покинул Вашингтон в июне 1917 года. Тогда ему было тридцать восемь лет. На фотографии в паспорте он изображен хрупким мужчиной с серьезными чертами лица, в очках в тонкой оправе и с бородой.

Уже после смерти мужа в 1929 году миссис Баллард говорила, что всегда была уверена в том, что на самом деле он был отправлен в Россию с правительственной миссией. Возможно, ее несколько ввело в заблуждение восторженное рекомендательное письмо президента к Лансингу, копия которого нашлась в бумагах мужа. В записях Артура Балларда (библиотека Файрстоуна, Принстон) содержится замечание Эрнеста Пула (сопровождающего Балларда в поездке в Россию): «[Баллард отправился] не только в качестве корреспондента, но по просьбе президента, чтобы оценить ситуацию и дать совет относительно путей и средств укрепления дружественных отношений... а также оказания помощи правительству Керенского в продолжении войны. Я помню, как он показывал мне на лодке письмо с инструкциями от полковника Хауса». Переписка Балларда с Хаусом, однако, указывает на то, что, хотя его решение уехать было тщательно обсуждено с полковником, официальной договоренности не было. В письме Хаусу от 18 июня 1917 года говорится: «...Я уеду, в конце концов, неофициально, что, с моей точки зрения, наиболее желательно. Я буду рад писать вам время от времени, но предполагаю, что в течение первого месяца или двух все будет казаться очень запутанным. Надеюсь оставаться здесь достаточно долго, чтобы распутать все нити».

Все лето Баллард провел, изучая ситуацию и получая жалкие гроши и добровольно выполняя различную общественную работу для Саммерса, которого он лично любил и уважал, а также полностью одобрял его деятельность как генерального консула. После открытия в ноябре 1917 года Петроградского отделения Комитета общественной информации Баллард был сразу же «призван» на службу и переехал в Петроград, где провел всю зиму. Номинально подчиняясь главе офиса, он получал свою долю необычайного уважения, как выдающийся аутсайдер, оказывающий различные услуги на добровольной основе. Баллард получил полную свободу действий, обычно не предоставляемую человеку в его положении. Через небольшой промежуток времени он возглавил все предприятие. В течение этого периода он продолжал писать непосредственно полковнику Хаусу. Эти письма были по меньшей мере столь же важны, как и доклады посла, а возможно, и гораздо важнее, поскольку оказывали немалое влияние на формулирование политики в отношении России в Вашингтоне.

Как наблюдателю, Балларду мешали плохие лингвистические способности (он так и не смог по-настоящему свободно говорить по-русски), хрупкое физическое телосложение и сильное отвращение к привычкам и атмосфере правительственных учреждений. Несмотря на эти недостатки, Балларда можно назвать лучшим американским умом, непосредственно наблюдавшим за ходом русской революции. Прежде всего это объяснялось тем, что он один имел опыт работы с российскими делами, особенно в области истории революционного движения. Чувствительный и тихий человек, ученый, хорошо информированный и ненавидящий всеобщее внимание, наделенный личной скромностью, которая является одним из самых прочных оснований для интеллектуального проникновения, он один из всех членов официального американского сообщества преуспел в подготовке письменного анализа ситуации, которая достигла

независимого литературного и исторического отличия, не утраченного даже по прошествии почти сорока лет.

Баллард писал в 1919 году, имея в виду правительственную работу: «Я ненавижу занятия подобного рода, „очень конфиденциальные“: сложные коды, непрекращающиеся интриги, недостойный шпионаж и „дипломатическое общество“. Для тех, кто вынужден жить на государственное жалование, такой труд должен казаться унижительным. Меня всегда отталкивали формализм и мелочный этикет. Даже если бы у меня совсем не было денег, я бы не хотел тратить время впустую, развлекая так много неинтересных мне людей... Я бы предпочел заниматься формированием общественного мнения у себя дома, нежели фиксировать его здесь уже готовым в качестве дипломата». Его склонность оставаться в тени и отвращение к официальному положению были сильны до такой степени, что имя Балларда относительно редко встречается в ходе настоящего повествования. Но читатель должен быть осведомлен, что эта спокойная личность, пользующаяся практически всеобщим уважением среди коллег, всегда действовала за кулисами, и то влияние, которое он смог оказать, в частности, через полковника Хауса, не следует недооценивать.

После получения в Вашингтоне рекомендаций от миссии Рута по проведению крупной пропагандистской кампании в России, Комитет по общественной информации принял решение начать операции в России в крупных масштабах. Это решение было ускорено неблагоприятными сообщениями Балларда о зачаточной рекламной работе, уже проводимой в Петрограде, а также о возникшем соперничестве и даже вражде, вспыхнувшей между различными миссиями (особенно между посольством и Красным Крестом).

Рекомендации основной миссии Рута были значительно пересмотрены и модифицированы в Вашингтоне, но даже и остаточная программа, хотя и требовала лишь частичных расходов (5 512 000 долларов США), по-прежнему была весьма амбициозна. Человеком, выбранным для руководства этой работой, стал еще один соратник Крила по созданию Комитета – Эдгар Сиссон¹⁴, который в разное время работал городским редактором «Чикаго трибьюн», главным редактором «Кольер» и редактором журнала «Космополитен». Назначение Сиссона было произведено 23 октября, всего за две недели до захвата власти большевиками в Петрограде. Рассказав ему о задании, Крил в тот же день отвел Сиссона к Вильсону, который изложил ему руководящие принципы работы, но не дал никаких конкретных инструкций. На следующий день Сиссон получил личную записку с инструкциями, в которой содержался такой отрывок: «Мы ничего не хотим для себя, и само это бескорыстие влечет за собой обязательство вести дела открыто. Везде, где на карту поставлены фундаментальные принципы российской свободы, мы готовы оказать такую помощь, какая в наших силах, но я хочу, чтобы эта помощь основывалась на просьбе, а не на предложении. Особенно остерегайтесь любого эффекта навязчивого вторжения или назойливого вмешательства и старайтесь выражать бескорыстную дружбу, которая является нашим единственным побуждением».

Этот краткий контакт с президентом произвел на Сиссона эффект, которому суждено найти много параллелей в американском официальном опыте. Он убедил себя в том, что едет за границу в качестве личного представителя президента, облечен его особым доверием и от завершения его миссии зависят великие дела. В какой-то степени Сиссон всегда оставался с этой точкой зрения. Через много лет на титульном листе его мемуаров значилось: «Специальный представитель президента Вильсона в России», а само повествование начиналось с гордого пассажа: «Во вторник 23 октября 1917 года президент Вильсон приказал мне отправиться в Россию. Я отплыл из Нью-Йорка в субботу, 27 октября, а 25 ноября уже был в Петрограде.

¹⁴ Эдгар Грант Сиссон (1875–1948) – видный американский журналист, сопредседатель Комитета общественной информации США (1917–1919), генеральный директор иностранной секции этого же комитета в России (1917–1918), по существу выполнял роль разведчика, добывавшего документы из текущих архивов Смольного.

Рекомендательные письма были адресованы премьеру Керенскому и членам его кабинета, а полномочия, и без того широкие, увеличивались за счет контроля над средствами» (Сиссон Э. Сто красных дней: личная хроника большевиков. Нью-Хейвен: Йельский университет, 1931).

К сожалению, что характерно для американской правительственной практики, до посла Фрэнсиса никогда не доводилось никакой сопоставимой картины статуса и важности Сиссона. Информировав посла о назначении Сиссона, Госдепартамент лишь лаконично заметил, что он «представляет Крила, которому президент лично поручил руководство этим предприятием» (под «предприятием» подразумевалась пропагандистская программа). Послу предписывалось оказывать Сиссону всяческое содействие, «чтобы сделать его работу эффективной и обеспечить с его стороны четкое понимание существующих условий». При этом Фрэнсису не было сказано ни слова о полномочиях Сиссона, которые дали бы послу основания видеть в нем соперника. Таким образом, предпосылки для беспокойства и неразберихи были прочно внедрены в ситуацию официальным Вашингтоном еще до того, как Сиссон приехал в Россию.

Сиссон был резким проницательным человеком, маленького роста, жилистым, пышущим энергией и патриотическим энтузиазмом. Он не был лишен сентиментальности, но его натура не была внешне доброжелательной или экспансивной. Один из жителей Петрограда того времени описал его как смесь «горького и кислого». Его отношения с окружающими имели тенденцию быть безличным и отстраненным. Журналистика наделила Сиссона свойствами безграничного любопытства и нюха на сенсации, большой свободой выражения и превосходным литературным стилем. Его бдительная и подозрительная натура обладала талантом к конспирации и интриганству. Не будет большим преувеличением сказать, что жизнь других американцев в Петрограде была бы более мирной, если бы Сиссон никогда там не появлялся. Вместе с тем деятельности отдаленной маленькой американской колонии не хватало наблюдательного и неутомимого летописца, и наши знания о ее опыте были бы без него намного беднее.

Ни одно исследование личностей, занимавших видное место в первые месяцы советско-американских отношений, не было бы полным без беглого взгляда на Комиссию Американского Красного Креста, организованную и направленную в Россию летом 1917 года, и ее лидеров – Уильяма Томпсона¹⁵ и Рэймонда Робинса¹⁶.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, Уильям Бойс Томпсон был выдающейся фигурой американского бизнеса. Медный магнат, оператор фондового рынка и финансовый промоутер, он сколотил огромное личное состояние и завоевал уникальное положение в финансовом мире Нью-Йорка.

Наиболее авторитетное и показательное описание обстоятельств, связанных с созданием Комиссии Красного Креста и включением Томпсона в число ее членов, приводится в превосходной биографии Томпсона под авторством Германа Хагедорна:

«...Его друзья [Томпсона] уже были глубоко вовлечены в войну в качестве полевых маршалов и послов. Барух, член Совета национальной обороны, обладал диктаторской властью в экономической области; Ламонт был одной из самых активных одиночек в сфере международных финансов; Генри П. Дэвисон, как глава Американского Красного Креста, переработал кодекс самаритянина почти в мифических масштабах. Томпсон больше не находил рекламные акции и биржевые операции достаточно стимулирующими для своего воображения. Его поразило и взволновало свержение царизма. Томпсон был убежден, что Россия была решающим фактором в войне и, если бы ее можно было удержать в составе союзнической коалиции, Гер-

¹⁵ Уильям Бойс Томпсон (1869–1930) – американский промышленник, политический деятель, в 1917 г. – руководитель Американской миссии Красного Креста.

¹⁶ Рэймонд Робинс (1873–1954) – официальный заместитель Томпсона, сотрудник разведывательного отдела армии Соединенных Штатов, активно препятствовал выходу России из войны с Германией.

мания потерпела бы поражение, вне всякого сомнения. Он дал понять Вашингтону, что готов поехать в Россию в любом качестве. Дэвисон из Красного Креста поверил ему на слово.

Было чрезвычайно важно иметь сильный ум на страже в Петрограде от имени Соединенных Штатов. У американского посла, как оказалось, все было не так. Любезный и стареющий миссуриец Дэвид Р. Фрэнсис, представлявший свою страну в России, был преисполнен добрых намерений, но никто не обращался к нему за видением или инициативой. Поскольку сместить его представлялось непрактичным, единственной альтернативой являлось направление человека, соответствующего ситуации в качестве неофициального посланника, которого приветствовали бы, если бы он преуспел, и отвергли, если бы потерпел неудачу.

Сколько из всего этого было сведено к определенным инструкциям, а сколько осталось вопросом намеков и надежд; насколько в этом были замешаны Красный Крест, президент, Госдепартамент или только определенные лица, которые оказались как друзьями Томпсона, так и руководителями Красного Креста, ни тогда, ни впоследствии не было раскрыто ни в одном документе. Но Томпсону ясно дали понять, что от него, как от „представителя Соединенных Штатов“, ожидается, что он „примет любую работу“, которая, по его мнению, „была необходимой или целесообразной в попытке предотвратить дезинтеграцию российских войск“. Эдвард Н. Херли, член Военного совета Красного Креста, отправился из Вашингтона в Сент-Пол, чтобы лишний раз подчеркнуть Томпсону важность „укрепления позиций Керенского в надежде, что администрация Красного Креста наведет порядок из хаоса“» (Хагедорн Г. Магнат: Уильям Бойс Томпсон и его время. Нью-Йорк, 1935).

Таким образом, сразу следует отметить, что Сиссон не был единственным человеком, отправленным в Россию в 1917 году с впечатлением, что он является главным политическим деятелем, наделенным функциями, аналогичными тем, которые обычно выполняет полномочный посол, и превосходящими, в частности, функции Фрэнсиса.

Комиссия Красного Креста была организована в июне 1917 года и направлена в Россию в начале июля. По принятому решению сотрудники Красного Креста на время войны номинально входили в состав вооруженных сил и подчинялись приказам соответствующих военных властей. Они должны были получить военные должности и звания от лейтенанта до полковника и носить военную форму. Некоторые из членов Комиссии сохранили эти звания в повседневном обиходе даже после того, как их связь с Красным Крестом прервалась. Томпсон получил полковника, его заместитель Робинс – майора (позднее ему было присвоено звание подполковника).

Первоначально комиссию возглавлял доктор Фрэнк Г. Биллингс, известный чикагский врач. Доктор, очевидно, согласился на это задание, до конца не понимая ни обстоятельств, связанных с происхождением миссии, ни характера роли, которую Томпсон должен был сыграть в Петрограде. Расходы на миссию, даже на военную форму, оплачивались из личного кармана Томпсона, и, хотя его должность в миссии с самого начала технически называлась «бизнес-менеджер», вскоре стало очевидно, что и сам магнат не до конца представлял, насколько это название не соответствует его реальной функции.

Очевидно, что Томпсон чувствовал себя ответственным, как частное лицо, за осуществление в России деятельности, не имеющей ничего общего с функцией Красного Креста. В действительности эти мероприятия носили в основном политический и информационный характер и имели своей целью поддержку Временного правительства, а также его стимулирование к продолжению военных действий. Покидая Сиэтл, миссия захватила тысячи переводов на русский язык военных посланий президента, распространение которых она намеревалась начать по прибытии во Владивосток. Полувоенный статус Комиссии Красного Креста привел ее к тесному контакту с петроградской военной миссией, которая, естественно, во время войны чувствовала острую ответственность за события политического характера, отрицательно сказывающиеся на военном вкладе одного из главных союзников.

Тем не менее мы не имеем никаких исторических свидетельств того, что Американский Красный Крест как организация имел какое-либо официальное представление об этих «внеклассных» мероприятиях со стороны Томпсона (позже продолженных его преемником).

19 октября 1918 года профессор Сэмюэл Харпер из Чикагского университета, знакомый с управлением делами России в Вашингтоне, написал своему другу из Государственного департамента Джерому Лэндфилду, что, по его мнению, было большой ошибкой позволить Томпсону оплачивать расходы Комиссии Красного Креста: «Я не могу понять, как человек в положении Дэвисона согласился бы на такое» (Рукопись Сэмюэля Н. Харпера. Мемориальная библиотека Харпера, Чикаго). По всем признакам, указанная договоренность была личной инициативой Дэвисона, причем необычность этой миссии сразу лежала на поверхности. Члены Комиссии Красного Креста не получали от этой организации никакого жалования, как и не оплачивались остальные расходы. Все это напоминало поспешную импровизацию, придуманную во время неразберихи первых месяцев американского участия в войне под почти отчаянное осознание неминуемой опасности ухода России из рядов воюющих держав. Последствия этого шага явно отличались от того, чего мог ожидать даже Дэвисон. В течение нескольких месяцев миссия Красного Креста в России была полностью ликвидирована, а сам Красный Крест добавил много ярких страниц в анналы советско-американских отношений и породил проблемы, которые еще десятилетия отражались в дебатах по поводу американской политики в отношении Советского Союза.

Итак, Комиссия Американского Красного Креста прибыла в Петроград 7 августа 1917 года. К этому времени петроградское сообщество, как русское, так и американское, немного устало от потока американских миссий, только недавно приложив напряженные усилия, чтобы принять с должной торжественностью миссию Рута и Консультативную комиссию экспертов по железнодорожным сообщениям. Другими словами, следом за предыдущими появилась еще одна миссия, и на этот раз с еще менее заметным оправданием своего присутствия (русские не испытывали особой нехватки медицинских кадров). Таким образом, Комиссия Красного Креста начала свою деятельность в Петрограде в несколько неблагоприятной атмосфере. Яркую картину ее восприятия в американском сообществе можно получить из следующего отрывка в дневнике Джорджа Гиббса из Милуоки, инженера и члена Консультативной комиссии железнодорожников, бывшего в то время в Петрограде: «Вчера прибыла делегация Американского Красного Креста, около сорока полковников, майоров, капитанов и лейтенантов. Ее возглавляет полковник (доктор) Биллингс из Чикаго. Список из множества врачей и гражданских лиц возглавляет полковник Уильям Б. Томпсон. Все члены делегации с военными званиями. Насколько я смог выяснить, они пришли не для выполнения четко определенной миссии. „Губернатор“ Фрэнсис сказал мне не так давно, что настаивал на запрете их приезда, поскольку Россия и так уже переполнена миссиями союзников. По-видимому, Красный Крест вообразил, что России срочно требуются врачи и медсестры, которых на самом деле в настоящее время существует избыток, как русских, так и иностранных. В крупных городах больницы стоят полупустые, хотя им действительно требуются припасы, поэтому два вагона, привезенные комиссией, окажутся очень полезными. Этим вечером мы были гостями на ужине, устроенном полковником Томпсоном в Hotel de France. Полковник – очень толстый, но энергичный и полный энтузиазма человек. Ужин, дополненный сигарами, привезенными им из Соединенных Штатов, удался» (Рукопись Дж. Гиббса. Государственное историческое общество штата Висконсин, Мэдисон, дневниковая запись от 9 августа 1917 г.).

За очень короткое время после приезда Томпсон убедился, что проблема сохранения правительства Керенского и продолжения участия России в войне заключалась в пропаганде и, следовательно, в финансовых вложениях. Он с энтузиазмом бросился в попытки исправления ситуации. Уже через два дня после прибытия Томпсон был на первом приеме у Керенского, где

обязался лично подписаться на получение полумиллиона рублей нового правительственного займа.

Керенский, будучи в некотором роде социал-революционером, познакомил Томпсона с мадам Брешковской¹⁷ – «маленькой бабушкой революции», недавно возвращенной из ссылки Февральской революцией, жившей в Петрограде и снова участвующей в партийной и общественной жизни. Брешковская и ее соратники выступали за сотрудничество с союзниками и продолжение военных действий, но главная их задача заключалась в противостоянии растущему влиянию большевиков и удерживанию Керенского у власти. Для всего этого были нужны средства, и Томпсон немедленно взялся их добыть. Он видел в этом первый шаг спасения морального духа русской армии от набегов большевистских агитаторов и, таким образом, предотвращения распада Восточного фронта. По-своему понимая военную срочность и убежденность в серьезности ситуации, он проигнорировал трудность предоставления финансовой помощи какой-либо одной фракции в чужой стране без улучшения ее конкурентных позиций по отношению к другим партийным группировкам и, таким образом, стал виновным во вмешательстве во внутренние дела. После краткой и безуспешной попытки добиться от правительства Соединенных Штатов понимания его цели Томпсон, по натуре человек нетерпеливый и привыкший делать все в большом темпе, снял со своего личного счета в J.P. Morgan and Company немалую сумму в миллион долларов и решил профинансировать некоторых своих друзей-эсеров, влияние которых, как он думал, будет полезно для восстановления боевого духа армии. В циничных и искушенных политических кругах российской столицы эти жертвования, которые вскоре стали предметом общих пересудов, были восприняты с немалым весельем: субсидирование российских эсеров осуществляется воротилами с Уолл-стрит!

Впоследствии Баллард рассказал в письме полковнику Хаусу о всей нелепости ситуации, возникшей в результате этих внезапных крупных жертвований в казну эсеров. Следует напомнить, что он и сам не раз жертвовал средства этой партии, но без шумихи в очень скромных количествах. Баллард впервые узнал о благотворительной выходке Томпсона, когда к нему пришли его собственные друзья из эсеровских кругов и начали горячо благодарить за это неожиданное падение политической манны небесной. Тщетно он пытался убедить визитеров, что не имеет к этому никакого отношения и слышит об этом впервые, – они восприняли объяснения как доказательство крайней утонченности методов Балларда и умелой маскировки каналов. Обеспокоенный тем, что Томпсон узнает о недоразумении и возмутится, Баллард отправился к его заместителю Робинсу и попытался деликатно разъяснить щекотливость ситуации, но последний был настолько погружен в свои собственные дела, что не выказывал никакого желания вникать в суть проблемы, а сам Баллард оказался неспособным проявить прямоту и «пробить» кипучий эгоцентризм Робинса. Тогда он предложил эсерам самим разъяснить Томпсону, что они всегда получали средства из других источников, и сгладить ситуацию, но те неохотно раскрывали внешним сторонам информацию о прежних источниках финансирования, всегда опасаясь общественной критики с известной формулировкой «платные лакеи капитализма».

Несколько позднее большевики выступили с критикой жертвования Томпсона, хотя по большому счету они должны были бы загнать ее себе в глотку. 7 декабря «Правда» жестко атаковала Брешковскую известной фразой, что «это не революция, а проституция». Стоит ли разъяснять, что причины этого нападения носили сугубо внутривнутриполитический характер и «прокол с Уолл-стрит» пришелся очень кстати. В конце концов Баллард философски смирился с тем, что оказалось неизбежным, и позволил себе насладиться незаслуженной благодарностью за вклад, сделанный Томпсоном.

¹⁷ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934) – деятельница русского революционного движения, народница, одна из основательниц и лидеров партии социалистов-революционеров.

Такое внезапное проявление американской благотворительности, естественно, не могло не повлиять на позицию американского посла. К счастью для Фрэнсиса, он не был проинформирован об этом факте, хотя вряд ли не уловил слухи о произошедшем. Томпсон вместе с двумя местными американскими бизнесменами, бывшими в курсе дела, пригласили Фрэнсиса на неофициальную встречу, где прозрачно намекнули об инциденте, намеренно воздержавшись от подробностей на том основании, что для посла было бы лучше не иметь официального знания. Как говорят, мадам де Карм, владеющая информацией, тоже была немногословна на этот счет, хотя продолжала поддерживать связь с «губернатором» под косыми взглядами Томпсона и других. В свою очередь, Фрэнсис, который с самого начала выступал против отправки Комиссии Красного Креста, но был резко одернут Вашингтоном, почувствовал себя освобожденным от ответственности и принял сложившуюся ситуацию без возражений вплоть до момента большевистской революции. Однако вскоре он был вынужден отправить государственному секретарю конфиденциальную личную телеграмму, которая бросает яркий, но печальный свет на его отношения не только с Комиссией Красного Креста, но и с военной миссией.

«...Только что Джадсон спросил меня, – телеграфировал Фрэнсис, – не возражаю ли я, если Красный Крест будет использовать его шифр, и на мой ответ, что он должен решить сам, сказал, что обратился в свой департамент и получил полномочия, при условии моего одобрения, на такое использование.

Я сказал, что не возражаю. Сообщаю вам, что ничего не знаю о содержании телеграмм и не знаком с тем, что сделал Красный Крест.

Понимаю, что Томпсон потратил гораздо больше миллиона долларов из своих личных средств, но относительно методов или объектов я не проинформирован... В течение последних двух месяцев Томпсон редко посещал посольство. Поскольку Красный Крест является полуофициальным и, как правило, считается полностью официальным, я часто рассматривал целесообразность расспросить Томпсона об этих выплатах, поскольку ходит много слухов об этом, но, как я понимаю, он расходует индивидуальные средства, и всего лишь сообщил ему через Джадсона, с которым он находится в тесном контакте, что, надеюсь, это никоим образом не отразится на нашем правительстве или стране. Со слов Джадсона, Томпсон говорит, что тратит свои собственные деньги и немедленно покинет Россию, если ему не разрешат делать это так, как ему нравится. Впоследствии он посетил посольство, но ничего не сказал на эту тему в ходе обстоятельной беседы» (Национальный архив, Досье посольства в Петрограде на миссию Красного Креста, телеграмма Фрэнсиса № 1443 от 3 июля 1917 г.).

Президент Вильсон, как будет видно, был крайне недоволен, узнав о выплатах Томпсона. Он обвинил не только Томпсона, но, по-видимому, и Фрэнсиса в безрассудном и расточительном использовании средств и сохранил этот инцидент в своей скрытной, но бесконечно цепкой памяти. Очевидно, на президента особенно повлияла мысль, что эта деятельность была предпринята Томпсоном в то время, когда он, президент, активно обсуждал вопрос о рекомендациях миссии Рута по запуску кампании политической информации в России. Поступок Томпсона, без сомнения, показался ему неоправданным и неуважительным с точки зрения ожидания окончательного президентского решения. По словам Крила (чья память, безусловно, не всегда была точной в таких вопросах), решение отправить Сиссона в Россию было отражением недовольства президента деятельностью Томпсона.

Для доктора Биллингса, как номинального начальника Томпсона, эти политические операции оказались непосильны. У него создалось впечатление, что его используют в качестве прикрытия для деятельности, о которой он не проинформирован и над которой он не имеет никакого контроля. Доктор не стал долго переживать ситуацию и уже в середине сентября, «больной и разочарованный», отказался от своей миссии и вернулся в Соединенные Штаты, оставив формальное командование на Томпсоне. «Не знаю насчет Томпсона, – отмечал он в

частной переписке вскоре после своего возвращения, – но лично я очень мало доверяю его суждениям». Личный секретарь Томпсона Корнелиус Келлерхер описывал ситуацию более жестко. «Бедный мистер Биллингс... – писал он много лет спустя, – полагал, что возглавляет научную миссию по оказанию помощи России. На самом деле он был не чем иным, как маской, а не лицом миссии Красного Креста».

К тому времени, как доктор Биллингс уехал, Томпсон стал легендой в лихорадочном обществе революционного Петрограда. Его огромное состояние, яркая индивидуальная внешность, крупная мускулистая фигура, вездесущие недокуренные сигары, впечатляющий образ жизни, включая люкс в отеле «Европа», французский лимузин, огромный волкодав, готовность коллекционировать антиквариат – все это сделало его харизматичным и чрезвычайно заметным объектом местного внимания.

Когда Томпсон посещал оперу, его усаживали в императорскую ложу и иронически приветствовали как «американского царя». По понятным причинам власть Керенского рассматривала его как «настоящего» посла Соединенных Штатов.

Захват власти большевиками стал для Томпсона большим потрясением. Он зашел слишком далеко в собственном отождествлении с судьбой внутриполитических противников большевиков – вплоть до того, что щедро снабжал их средствами. Будучи реалистом, он не мог не отметить смертоносную эффективность, с которой большевики захватили власть и укрепили свой режим, и был впечатлен их серьезностью и безжалостностью намерений. Эти впечатления подкреплялись докладами его заместителя Рэймонда Робинса, которого он отправил в провинцию для закупки зерна за несколько недель до Октябрьской революции и который вернулся, впечатленный повсеместной властью местных Советов по сравнению с другими политическими и административными образованиями. Потрясенный всем этим, Томпсон изменил свои политические взгляды и под влиянием Октябрьской революции импульсивно и с энтузиазмом воспринял идею поддержки большевиков, точно так же, как изначально бросился на поддержку Керенского. Однако он чувствовал, что безнадежно скомпрометирован и дискредитирован как личность, судя по степени, в которой он оказывал личную поддержку врагам большевиков. Робинс, по-видимому, разделял эту точку зрения и уговаривал его покинуть Россию. Через три недели после революции Томпсон действительно уехал в Лондон и вернулся домой, полный решимости заручиться поддержкой на высоком уровне идеи использования большевистского режима в качестве инструмента против Германии, точно так же, как он впервые задумал использовать Керенского.

Последствия захвата власти большевиками для Комиссии Красного Креста еще больше усугубили прискорбные недоразумения между миссией и официальным американским правительственным истеблишментом. Поскольку Томпсон не раскрыл послу и его помощникам всего характера своей политической деятельности, он, очевидно, не был склонен объяснять им все причины беспокойства, которое испытывал за свою собственную безопасность и за безопасность членов миссии. Позже посольство догадалось о ситуации, тем не менее произведенное впечатление было неудачным. В докладе Государственному департаменту 9 декабря 1917 года Фрэнсис отметил: «Миссия Американского Красного Креста проявляла удивительную нервозность с начала революции. Томпсон и некоторые другие члены спали в квартире военной миссии, у которой была и остается большевистская охрана и с которой у Томпсона гораздо более тесные отношения, чем с посольством. Эта нервозность, возможно, объясняется выплатами для Брешковской» (из телеграммы № 2081 от 9 декабря 1917 г.).

В другом сообщении Фрэнсис жаловался, что, следуя на эвакуационном поезде, Томпсон останавливал его только три раза, проскочив остальные десять железнодорожных эвакуационных пунктов. «Мне не следовало предлагать в нем места работникам Красного Креста, – писал посол, – поскольку, насколько я понимаю, они добровольно согласились работать в таких условиях, а

сейчас работают только на одно – на побег» (Переписка Лансинга, письмо Фрэнсиса от 20 ноября 1917 г.).

Аналогичное недоразумение произошло и в Москве. Сообщая 26 ноября 1917 года, что весь консульский персонал, члены Христианской молодежной ассоциации и люди, связанные с американскими предприятиями, останутся на своих постах, Саммерс добавил, что «члены Американского Красного Креста уехали как можно скорее после начала боевых действий, несмотря на мои протесты» (из телеграммы № 89 от 26 ноября 1917 г.). Очевидно, что это не предвещало ничего хорошего для будущих отношений между членами миссии и Генеральным консульством – отношений, которым несколько позже предстояло приобрести новое и совершенно неожиданное значение. Таким образом, сокрытие от других американцев того, что Томпсон считал своей «настоящей» личной миссией, с самого начала привело к возникновению недоразумений самого неприятного и прискорбного характера.

Все эти обстоятельства осложнили положение человека, который должен был стать премьерником Томпсона на посту главы Миссии Красного Креста, фигуры, имевшей большое значение на первых этапах советско-американских отношений, – Рэймонда Робинса.

Робинс, чья смерть последовала только в 1954 году, все еще ждет своего биографа, поэтому попытка в нескольких словах рассказать об этой поразительной и колоритной личности не соответствует истинной значимости этого персонажа. В 1917 году он находился в расцвете сил. Как и Томпсон, Робинс был продуктом американского Запада. Родился он, правда, на Востоке, а на Запад переехал в детстве, работал шахтером в Скалистых горах и, в конце концов, присоединился к золотой лихорадке Аляски. Это предприятие не только увенчалось финансовым успехом. Юношеский контакт с красотой и таинственностью Крайнего Севера произвел глубокое духовное впечатление на Робинса, которое больше никогда его не покидало.

Вернувшись на Средний Запад, центром своей деятельности Робинс сделал Чикаго. Здесь, будучи одновременно либералом и набожным христианином, он стал чем-то средним между политиком и религиозным евангелистом, принимая заметное участие в работе первых чикагских поселенческих домов и в других либеральных начинаниях. Среди прочего, он защищал двух русских политических беженцев, Рудевица и Пурена, для экстрадиции которых царское правительство предприняло интенсивные, но безуспешные усилия в 1908 году. Первоначально демократ, в 1912 году Робинс перешел на сторону Теодора Рузвельта и стал одним из основателей Прогрессивной партии. В 1914-м он баллотировался в сенаторы от штата Иллинойс по списку республиканцев-прогрессистов. Его включение в Комиссию Красного Креста в 1917 году, по-видимому, было результатом рекомендации Теодора Рузвельта.

Прибыв в Россию в сентябре 1917 года, Робинс обладал рядом качеств, хорошо подходящих ему для роли, которую ему было суждено сыграть: избыток энергии, значительные управленческие и юридические способности, некоторое знакомство с рабочим движением в Соединенных Штатах и живой интерес к русской революционной интриге. Очевидно, ему несколько мешало неоднородное и не полностью сбалансированное образование, а также отсутствие тех инструментов, которые могли бы помочь ему сформировать более всестороннее суждение о российских событиях: в частности, знание русского языка, русской истории и литературы. У него, человека по натуре полностью поглощенного современными реалиями, представление о России конца 1917 года было сформировано на основе нескольких интенсивных, но кратких и недавних впечатлений, но ему не хватало исторически перспективного взгляда. Северный пейзаж и петроградская зима, приправленная сильным волнением по поводу войны и важности его собственной миссии, вызвали самые яркие ассоциации с юношеским приключением на Юконе и приводили в состояние мистическо-религиозной экзальтации, способствующее скорее энтузиазму, нежели проницательности.

Вклад Робинса в анализ советских реалий в целом воспринялся с подозрением и отвергнут на родине, хотя он и не был полностью лишен достоинств. Робинс ненавидел то, что он сам

называл «внутренним» усвоением знаний, и верил в необходимость передвижений, что и делал самым недвусмысленным образом. Он постоянно перескакивал с одного места на другое, видя то, что не видели остальные, – огромное разнообразие людей. Несомненно, он наблюдал большее число советских лидеров первых месяцев и лет их власти, чем любой другой отдельно взятый американец. Возможно, этот опыт не всегда приводил к точным суждениям, но, по крайней мере, это позволило Робинсу избежать ряда ошибочных впечатлений, закрепившихся в сознании других иностранцев. Таким образом, его взгляды на реалии революции, пусть и неоднозначные по своей фактической основе и часто выраженные расплывчато, никогда не были тривиальными или неинтересными. Эти взгляды прежде всего не основывались на раздражающем отношении к личности как к коммунисту. Существовали и другие аспекты, которым Робинс уделял самое пристальное внимание. Ни один американец, давно знакомый с советской внутренней системой, не может без глубокого восхищения и сочувствия читать слова, с которыми Робинс пытался в 1919 году обратиться к сенатскому Комитету по судебной системе: «Как могло случиться, что пристальный интерес к Советскому Союзу и уважение к выдающимся качествам его лидеров обязательно должны означать симпатию к их идеологии или желание видеть их успешными в мировых революционных устремлениях?»

С другой стороны, Робинс обладал определенными личными особенностями, из-за которых ему было трудно вписаться в запутанную схему обязанностей и взаимоотношений, которая характеризовала официальное и полуофициальное американское сообщество России в то время. Совершенно непривычный к правительственным процедурам, он относился к ним с неприязнью. Он понятия не имел о той кропотливой точности, которая необходима для того, чтобы сделать общение между правительствами эффективным и полезным. Его концепция дипломатии носила глубоко субъективный характер, и взаимопонимание могло основываться на сверкании глаз или твердости рукопожатия. В состоянии экзальтированного и самоотверженного энтузиазма он страдал от неспособности найти с другими людьми золотую середину между крайностями от страстной преданности до мрачного недоверия. Описывая его внешность, современники сравнивали Робинса с американским индейцем того времени: длинные черные волосы, пронзительный взгляд и бесшумная поступь. Эти качества побудили Томпсона окрестить его Пантерой. С точки зрения эмоционального склада они были двойниками: энергичные, властные, подозрительные ко многим и чрезвычайно лояльные к единицам и харизматичные до последней капли. Будучи оратором, актером и сентименталистом, Робинс оставался человеком с характером огромной силы, с исключительной физической и интеллектуальной энергией и несомненно – идеалистом.

Принимая во внимание все сказанное и учитывая неблагоприятные обстоятельства, при которых в Россию прибыла Комиссия Красного Креста, Робинсу было очень нелегко наладить личные отношения с американским сообществом, да и он сам, вероятно, был мало в этом заинтересован. Защищенный своим статусом, он играл в одиночку как в обществе, так и по большей части – официально. Он уехал из России в 1918 году, оставив после себя длинный шлейф обид и подозрений среди официальных членов американского сообщества. Теперь, основываясь на имеющихся данных, уже нелегко оценить реалии, лежащие под слоем пыли этой старой вражды.

Робинс представлял собой характерную фигуру либерального движения Среднего Запада в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и, будучи таковой, разделял как сильные, так и слабые стороны этого социального явления. Робинса поддерживала его способность оставаться энтузиастом, искренность, непоколебимая уверенность, романтизм и непрекращающаяся любовь к действию. Тем не менее он страдал от присущего ему провинциализма, поверхностности видения исторической перспективы, неустойчивости и несбалансированности многих интеллектуальных подходов. Именно из этого фона он и черпал свой религиозный пыл и веру в человеческий прогресс; но также из этого фона он черпал и отсутствие сочета-

ния терпимости и терпения к печальным условиям политического существования человека, делающие его карьеру фигуры в российско-американских отношениях бурной, одновременно эпизодической и, в конце концов, такой трагичной. Робинс был человеком, способным вызвать у своих друзей восхищение и преданность не менее сильные, чем подозрения и критические замечания, которые он вызывал у других. Поскольку в ходе этого повествования будет необходимо пересказать ряд резких слов, о нем сказанных, было бы справедливо закончить это упоминание о Робинсе примером чувства, которое друзья питали к нему до конца его насыщенной событиями жизни. В «Конгрегационалисте» от 27 октября 1932 года появилось следующее письмо от профессора Чарльза Э. Мерриам¹⁸ из Чикагского университета: «Влиятельной и колоритной фигурой в Чикаго является Рэймонд Робинс, четверть века находившийся в эпицентре самых бурных событий в городе. Шахтер в Кентукки, удачливый искатель чистого золота на Клондайке, юрист и министр по профессии... Но прежде всего, пламенный оратор удивительной силы, полководец юмора, сатиры, нежности, эмоциональной привлекательности в их лучших проявлениях, он был и остается пылающим мечом во многих чикагских битвах. Обладая широкими демократическими симпатиями, неподкупной честностью и неукротимым мужеством, его клинок всегда был огненным кольцом, а его голос – трубным зовом во множестве битв».

Ни одно упоминание о деятельности в Робинса в России не было бы полным без слов о его альтер эго, которое направляло его шаги в этой стране со времен большевистской революции, организовывало контакты с советскими властями, переводило и служило секретарем, – Александре Гумберге. Описанный Эдгаром Сиссоном как «нью-йоркский еврей с меланхолическими глазами, чувствительными чертами лица и пронизательнейшим умом», он был в то время довольно молодым человеком. Родившийся в России и мальчиком вывезенный в Соединенные Штаты, он вращался в русских социалистических кругах Нью-Йорка и в 1914–1915 годах был менеджером газеты «Островной мир», познакомился с Троцким, когда последний был там в январе-феврале 1917 года. После Февральской революции Гумберг вернулся в Россию, воспользовавшись российским паспортом, и, по-видимому, в те месяцы считал себя гражданином России. Один из его братьев стал крупным большевистским функционером, действовавшим под партийным псевдонимом Зорин. Сам же Александр поддерживал прекрасные и близкие отношения с Троцким, Радеком, Петерсом и другими высокопоставленными партийцами.

Вскоре после прибытия в Петроград Гумберг, по-видимому, оказался полезным членом миссии Рута, а позже – Джону Ф. Стивенсу, председателю Американской консультативной комиссии железнодорожных экспертов, в качестве помощника и переводчика. С прибытием Комиссии Красного Креста Гумберг, вероятно, был передан в распоряжение Томпсона и Робинса (несколько позже какое-то время он также служил и Сиссону).

Вплоть до захвата власти большевиками рассматриваемая полезность Гумберга для американцев, хотя и была значительной, еще не достигла своего полного потенциала. После большевистской революции его обширные знакомства в российских радикальных кругах и легкий доступ ко многим большевистским лидерам в любое время сделали Гумберга незаменимым помощником для американцев, которые не знали русского языка и не имели независимых средств доступа к большевистским властям. Его нужность для советских властей благодаря этой деятельности, по-видимому, была не меньшей, чем для американцев. Со времени Октябрьской революции до весны 1918 года он находился в самой гуще отношений между советскими властями, с одной стороны, и большинством американских властей – с другой (за заметным исключением самой канцелярии посольства). Можно сказать, что Гумберг являлся неофициальным посредником для всех неофициальных доверенных лиц.

¹⁸ Чарльз Эдвард Мерриам (1874–1953) – американский политолог, основатель чикагской школы политологии.

Этот человек находился между двумя мирами, в которых и проходила вся его жизнь. Без видимой пристрастности он одаривал обе стороны своим готовым пониманием, скептицизмом и, в некотором смысле, даже привязанностью. С сардоническим весельем он наблюдал за их резким взаимодействием друг с другом и наслаждался попытками смягчить противоборство там, где мог. Будучи «Пятницей» Робинса и гением второго плана, он с отчаянием и не без юмора рассматривал свою собственную роль миротворца. В мире, где миротворцев не очень ценят, эта роль в конечном счете должна была привести его к неприятностям с обеими сторонами – и привела. Возможно, было бы неплохо вспомнить в заключение ту страстную защиту, с которой Робинс выступил в 1919 году в зале заседаний Комитета конгресса, когда один из сенаторов, проводивших расследование, осмелился предположить, что Гумберг был «связан с большевистским правительством». Эта защита оказалась настолько громоподобной, что подняла сонных зрителей на ноги. Разразившаяся буря аплодисментов вынудила председателя комитета взять паузу и призвать к порядку.

«Могу ли я сразу заявить, – продолжил Робинс, – что услуги этого русского, Александра Гумберга, а также характер этих услуг, оказанных в условиях стресса и под огнем, были таковы, что сделали его, по моему мнению, самым полезным одиноким русским человеком в самые трудные дни российской ситуации?»

...Я всегда поддерживаю его с полным уважением и готов выступить перед Комитетом, любым другим надлежащим органом Соединенных Штатов или судом в защиту его патриотизма, его подлинной, мужественной службы. И когда, господа, на него напали как на немецкого агента на основании лживых заявлений, я бросил вызов лицам, стремящимся дискредитировать его. Эти лживые и трусливые клеветники убежали обратно во тьму.

Мне сказали: „Робинс, ты в безопасности. Ты силен, невзирая на пропаганду, направленную на твою дискредитацию. Несмотря на то, что говорят против тебя, ты сможешь выжить, но брось этого маленького еврея, к нему есть вопросы“, на что я ответил: „Семь тысяч раз – нет! Это не входит в рамки моих принципов!“

Этот маленький еврей прошел со мной сквозь огонь. Этот маленький еврей лежал на животе, когда пулеметные очереди прошивали стену над нашими головами и вокруг. Этот маленький еврей встал на крыло моего автомобиля, когда нас окружили прогерманские анархисты, вооруженные винтовками со штыками и револьверами. Этот маленький еврей посмотрел вниз на взведенные курки и, приставив револьвер к животу, ухмыльнулся и спросил у анархистов: „Вы ведь не боитесь, не так ли?“ И я с ним до конца пути.» (Большевистская пропаганда. Слушания в Подкомитете по судебной системе. Сенат США, 6-й конгресс, Вашингтон, 1919).

На заре советско-американских отношений среди известных американских деятелей в Петрограде был еще один американец, заслуживающий внимания. Он не относился к числу официального американского правительственного истеблишмента – отнюдь. В последовательности событий, которым посвящено это повествование, он появляется лишь кратко и случайно. И все же его фигура в такой степени является их частью, а отношение так глубоко раскрывает реалии эпохи, что ни один подобный обзор личностей без него не кажется полным. Это отсылка к тому мятежному и романтическому духу, который бродил по улицам и залам собраний Петрограда в те волнующие дни и впитывал впечатления революции с такой жадной жадной жаждой и волнением. Его имя Джон Рид.

На самом деле здесь мало что можно сказать о Риде. Как всем известно, он был юношей с Западного побережья, выпускником Гарварда, социалистом, бунтарем против американского общества своего времени, писателем, в частности – автором великолепной книги очевидца о первых днях революции «Десять дней, которые потрясли мир». Во многих отношениях Рид был человеком ребячливым и даже раздражающим. С точки зрения официальных американцев Петрограда, впрочем не только официальных, писатель относился к числу людей провока-

ционных, невнимательных, нетерпимых и даже напрасно оскорбительных. Его картина жизни была до крайности фрагментарной. Он мог жестоко ошибаться во многих вещах (хотя редко в виденных собственными глазами). В его критическом отношении к собственной стране и ее обществу концентрировалась вся раздражающая дерзость невежественной и непочтительной молодежи, без признаков искупающей скромности и уважения к возрасту и опыту. Свой антагонизм к собственному обществу он проявил в наихудшее из возможных времен, когда чувства американцев к своей стране были доведены до белого каления, а собственная способность к терпимости снизилась до предела.

И все же историк не может без чувства глубокой печали следить за трагическими и бурными прохождениями Джона Рида в рамках этого исследования. Одаренный поэт, он только и ожидал той великолепной зрелости, которая медленно и мучительно приходит к талантам, обладающим задатками великих наблюдателей, авторов и наблюдателей человеческой природы. В то время представление Рида о России ограничивалось улицами Петрограда и Москвы. По этой причине оно было не совсем адекватным, а в некоторых отношениях и вовсе пребывающим в заблуждении. Но куда бы ни падал взгляд Рида, он со страстной искренностью и энергией фиксировал все, что перед ним лежало. Несмотря на буйные и раскованные политические пристрастия, повествование Рида о событиях того времени превосходит все другие современные записи с точки зрения своей литературной силы, проникновенности и знанием деталей. Это произведение будет вспоминаться и вспоминаться, в то время когда все остальные забудутся. Через его книгу, как и через весь причудливый отчет о его приключениях и ошибках, проходит бурная волна идеализма ослепительной честности и чистоты, которая непреднамеренно сделала честь американскому обществу, породившему Рида и достоинства которого так плохо понимал он сам.

Возможно, не следовало бы требовать от Америки того времени принятия этого глупого и непокорного ребенка и отношения к нему с нежностью и пониманием просто ради его искренности и талантов. Однако создается непреодолимое впечатление, что лечение, фактически оказанное ему на родине после возвращения из России, было уже трагически ненужным. Даже его незрелые мнения заслуживали аргументированного и терпеливого обсуждения, а не эмоционального возмущения. Было бы лучше, если провокационное поведение Рида встретили насмешливым сочувствием, нежели уголовными обвинениями. При проявлении такого внимания одаренная натура могла бы быть сохранена до того времени, когда ее таланты созрели и дали свой полный расцвет, вместо того чтобы быть выброшенной прочь и найти преждевременную смерть в Москве и погребение, скорее ироничное, чем уместное, рядом с революционными деятелями, чей прах покоится в Кремлевской стене. В любом случае Рид находился в Петрограде, когда произошла революция, пылающая, как живой факел, и порождающая огромный, зарождающийся антагонизм, который в конечном итоге разделит два великих народа, разрушил жизнь молодого таланта, как и жизнь многих других. Уже одним только этим Рид заслуживает того, чтобы его не забывали и уж тем более не подвергали осмеянию.

Все американцы, описанные в этой главе, уже мертвы. Их больше нет среди нас, чтобы подкрепить свои слова и действия той красноречивой и страстной защитой, которую каждый из них мог бы проявить по-своему. Я старался помнить об этом, знакомясь с их личностями и делами, и всегда относился к ним более внимательно и менее догматично, чем они обычно относились друг к другу. Не всегда они проявлялись в лучшем виде, и именно по этой причине приятно отметить, что, хотя все они действовали в запутанных и тяжелых обстоятельствах, не было из них ни одного, кто искал личной выгоды в сложившейся ситуации, ни одного (за исключением Рида), кто хоть на мгновение забыл бы об интересах своей страны, ни одного, кто поступил бы иначе, действуя с мужеством и убежденностью, следуя голосу честной совести.

Глава 3. Первые реакции

В прошлый вторник большевики взяли город в свои руки, и я хочу вам сказать, что это нечто ужасное...

Из письма Филипа Джордана к миссис Дэвид Р. Фрэнсис. 18 ноября 1917 г.

Окончательный захват власти большевиками в Петрограде произошел 7–8 ноября 1917 года и достиг кульминации захватом Зимнего дворца, свержением Временного правительства и арестом членов кабинета Керенского (за исключением самого Керенского) в ночь с 7 на 8 ноября.

Как было сказано в прологе, жизнь во многих районах российской столицы оставалась внешне нормальной, а официальное американское сообщество никоим образом физически не пострадало от этих волнующих событий. Посольство сыграло лишь эпизодическую и совершенно непреднамеренную роль, предоставив транспорт для побега премьера Керенского утром 7 ноября. Это произошло следующим образом.

В ночь с 6 на 7 ноября транспортные средства автомобильного парка Петроградского военного округа, обычно дислоцирующиеся около штаб-квартиры обслуживающего персонала и использующиеся в качестве официальных правительственных автомобилей, были весьма эффективно саботированы большевиками – предположительно с помощью простого снятия магнето. Поэтому утром 7 ноября, когда крейсер «Аврора» уже стоял на якоре посреди Невы и его орудия были нацелены на Зимний дворец, премьер Керенский принял решение покинуть Петроград в надежде собрать несколько лояльно настроенных войск для подавления восстания, но оказался без транспортного средства. В общем утреннем хаосе адъютант автомобильного парка прапорщик Борис Книрша был отправлен вместе с другим офицером с инструкциями «достать» одну или две машины, быть может не совсем честным способом. Отчаянно и без особой надежды на успех двое мужчин мерили шагами Петроградскую, разыскивая по памяти дома видных деятелей, известных тем, что они владеют частным автомобилем. Выйдя из дома одного такого человека на Морской и намереваясь в качестве последнего средства обратиться в посольства Великобритании и Италии, двое мужчин с удовольствием заметили припаркованный перед соседним домом красивый «рено» с американским флагом и стоящим рядом шофером. Это, как оказалось, была машина помощника американского военного атташе капитана Э. Фрэнсиса Риггса. Водитель ждал секретаря посольства Шелдона Уайтхауса в канцелярию на ежедневную работу. Прапорщик Книрша и его спутник позвонили в дверь и сказали русскому шуруину Уайтхауса, барону Рамзи, что будут вынуждены реквизировать машину в личное пользование самого Керенского. Уайтхаус и Рамзи достаточно скептически отнеслись к этому заявлению и настаивали на том, что должны получить приказ от самого главы Временного правительства лично. Все четверо мужчин поехали в штаб-квартиру Генштаба, где и обнаружили Керенского, театрально расхаживающего взад-вперед, образуя некий центр нарастающей утренней неразберихи. Керенский подтвердил, что ему нужна была машина, чтобы, по его словам, отправиться в Лугу и поднять лояльные войска, с помощью которых подавить сброд, угрожавший безопасности всего города. Он признался Уайтхаусу, что большевики контролировали город, правительство, не имеющее надежных войск, практически бессильно, и полагал, что другие члены его кабинета будут арестованы в течение дня. Заодно он поручил Уайтхаусу передать послу Фрэнсису просьбу, чтобы тот не признавал советское правительство, заявив, что ожидает ликвидации восстания в течение пяти дней.

Уайтхаус не видел альтернативы и уступил автомобиль. Оставив водителя вместе с машиной разделять ее неопределенную судьбу, он вместе с Рамзи отправился в посольство пешком.

Хотя Фрэнсис, опасаясь вовлечения канцелярии в политические события того дня, попытался замаять инцидент, это, естественно, стало известно и привело к общему мнению, что Керенский сбежал в официальной посольской машине, прикрываясь американским флагом.

На самом же деле все было не совсем так. Истинные детали были отмечены мрачной безрезультатностью, характерной для череды событий в переломные и хаотичные времена. В дополнение к машине Риггса Книрша и его спутнику удалось «прибрат к рукам» «пирс-эрроу» известного петроградского адвоката. При побеге из города Керенский поехал на «пирс-эрроу», а Книрша занял «рено», который, управляемый финским шофером Риггса, был взят с собой в качестве резервной машины. Покидая здание Генерального штаба, шофер «пирс-эрроу» вышел вперед и стал петлять по городу, очевидно с целью обеспечить Керенскому большую защиту. Поскольку Книрша и финский шофер понятия не имели, куда должен был направиться кортеж, подобное маневрирование привело к бесцельному блужданию по улицам Петрограда, что в данных обстоятельствах было уже небезопасно.

В конце концов «пирс-эрроу» на огромной скорости помчался из города, а «рено» бросился в достаточно беспорядочную погоню. Еще в самом начале гонок с «рено» свалился американский флаг (Книрша, как он говорил, подобрал его и куда-то спрятал). Бешено мчась по мощным дорогам, Книрша и финн преследовали «пирс-эрроу» до самой Гатчины, находившейся примерно в 25 милях к югу от города.

Здесь «рено» был вынужден остановиться, чтобы заправиться и найти запасную камеру взамен лопнувшей. Керенский поехал вперед, приказав, чтобы «рено» следовал за ним до Луги, расположенной в 50 милях южнее. Найти камеру в Гатчине оказалось несколько проблематично, и только к семи часам вечера Книрша снова смог тронуться в путь.

Но у «рено» были недостаточно яркие фары. Пройдя небольшое расстояние, согласно лаконичному официальному отчету Книрши, машина в темноте «врезалась в камень». Уже не скрывая отворачиваясь, Книрша велел финну как-нибудь отвести машину обратно в Петроград, а сам пешком отправился на ближайшую железнодорожную станцию и сел на поезд. Машина, по видимому не слишком сильно пострадавшая от столкновения, была возвращена Риггсу примерно через день. В остальном же петроградские американцы никоим образом не были причастны к свержению правительства и не испытывали от этого особых неудобств. (Рассказ о приключениях автомобиля Риггса реконструирован по собственному отчету Книрши, включенному в статью «Вокруг Гатчины» (М.; Л., 1925), воспоминаниям Керенского (Керенский А.Ф. Катастрофа: собственная история революции Керенского. Нью-Йорк, 1927) и, наконец, по личным отчетам об инциденте, любезно предоставленным Норманом Армором и Шелдоном Уайтхаусом, проживавшими с Риггсом в доме на Морской. Стоит заметить, что воспоминания Керенского заметно отличаются от других, а последние более обстоятельны и совпадают между собой почти во всех отношениях.)

В Москве все было по-другому. Там шли гораздо более ожесточенные бои, продолжавшиеся почти неделю. Генеральное консульство, расположенное в Брюсовом переулке недалеко от центра города, оказалось в зоне обстрела. Ряд сотрудников, блокированных в служебных помещениях, были вынуждены провести там несколько дней, не имея возможности добраться до своих домов; другие укрылись в казармах французской военной миссии, поскольку здания, в которых они жили, оказались слишком уязвимыми при артобстрелах. Те, кто ухитрился посещать офис в те дни, включая генерального консула Саммерса, делали это с большим риском для жизни, постоянно ныряя в дверные проемы и за углы, чтобы укрыться от стрельбы. Как Генеральное консульство, так и дом Саммерса были повреждены огнем из винтовок и артиллерии. Саммерс, скромно умолчав о своей собственной деятельности, особо поблагодарил Госдепартамент за героизм и эффективность работы своего помощника де Витта С. Пула. Когда наконец 14 ноября московское восстание закончилось победой большевиков, все американцы были физически невредимы и консульское учреждение возобновило привычное функционирование.

Первым актом советской власти, затронувшим интересы западных держав, стал призыв к общему прекращению войны. Напомним, что слово «мир» было одним из ключевых в главных лозунгах, с помощью которых большевистская фракция пробилась к власти. Обещание вывести Россию из войны представляло собой давнее политическое обязательство со стороны советских лидеров, начиная с Циммервальдской конференции европейских социалистов в 1915 году. Это был основной принцип большевистской политики, безусловно основанный на традиционном левосоциалистическом отношении к «империалистическим» войнам. Не забывало большевистское руководство и о том, что только путем прекращения военных действий армия могла быть успешно и окончательно дестабилизирована и обеспечила бы поддержку нового режима крестьянско-солдатскими массами.

В соответствии с этим уже 8 ноября, на следующий день после первоначального захвата власти, в разгар всех бурных событий тех дней и часов Ленин и его соратники нашли время, чтобы одобрить на Втором съезде Декрет о мире, призывающий «все воюющие народы и правительства к немедленному началу переговоров о справедливом и демократическом мире». Такой мир они определили как немедленный, «без аннексий и контрибуций».

С официальной точки зрения союзников этот декрет рассматривался как недружественный шаг. Западные страны по-прежнему смотрели на Россию как на одного из членов Антанты, поскольку никакого официального заявления о выходе страны из тройственного альянса не поступало, а Декрет о мире был принят и передан миру без предварительной консультации или предупреждения союзных правительств. Это явно угрожало нарушением формальных обязательств, взятых Россией в 1914 году по отношению к другим державам Антанты, не заключать сепаратный мир. В 1917 году, когда страсти войны достигли пика, внезапная угроза дезертирства России представляла собой не только серьезный удар по Альянсу, но и выглядела в глазах большей части западной общественности как акт откровенного вероломства и предательства.

Кроме того, форма и условия этого обращения имели явную цель оскорбить правительства союзников. Обращение было адресовано не только правительствам, но и, поверх их голов, народам. Другими словами, декрет завуалированно предлагал «народам» взять дело в свои руки и создать некие новые органы управления, минуя существующие правительственные структуры, с целью определения условий мира. По сути, это был скрытый призыв к революции. Говоря о мире, основанном на принципе «никаких аннексий», декрет подгонял под этот термин и существующие западные колонии, следовательно, требование заключалось не только в прекращении военных действий, но и в немедленной повсеместной отмене колониальных отношений. Таким образом, авторы декрета отягощали его основную цель скрытыми требованиями подстрекательского и пропагандистского характера, которые априори должны были быть восприняты оскорбительными и неприемлемыми для ведущих союзных государств. Это был первый пример в большевистской советской международной практике приема, который позже станет называться в советском обиходе «демонстративной дипломатией», то есть «дипломатией, направленной не на содействие выработке добровольного принятия взаимовыгодных соглашений, а использовавшейся ради того, чтобы поставить в неловкое положение другие правительства и вызвать оппозицию среди их собственного народа» (Советские внешнеполитические документы / Под ред. Джейн Дегра. Лондон: Изд-во Оксфордского университета для Королевского института международных отношений, 1951).

Трудно поверить, что правительства союзников серьезно отнеслись к формулировкам и предложениям, изложенным в Декрете о мире. Они могли бы быть приняты только в том случае, если эти только эти правительства до такой степени находились под давлением внутренней оппозиции, что потеряли всякую независимость и политическое достоинство. С точки зрения большевиков такая ситуация могла бы стать вполне допустимой. Много раз преданные в будущем из-за своей неверной оценки реальной степени народной поддержки демократических

правительств Ленин и его друзья были убеждены, что декрет приведет «либо к скорейшему миру, либо к революционной войне». На самом деле он не привел ни к тому ни к другому.

Декрет о мире был опубликован в иностранной прессе Петрограда и транслировался по радио. Его условия подробно освещались в нью-йоркских газетах утром в субботу 10 ноября. Однако он никогда не был официально доведен союзным правительствам – факт, который, конечно, представлял собой еще одну вопиющую невежливость и исключал вероятность какого-либо официального ответа. Таким образом, первоначальной реакцией западных стран на свержение Временного правительства стали тревога и возмущение, сопровождаемые немалым сомнением, что новым хозяевам российской столицы удастся удержать власть в течение хоть сколько-нибудь длительного времени. Если бы мир не находился в эпицентре великой войны, находившейся тогда в решающей стадии, если бы большевики не открыли свои внешние отношения оглашением провокационного и оскорбительного декрета, фактически объявляющего выход России из антигерманской коалиции, то западные страны, возможно, в большей степени задумались о более глубоких социальных и политических реалиях, обеспечивших успех большевиков, и рассмотрели с более широкой точки зрения политические проблемы и то, что эти проблемы им предвещали. Как бы то ни было, западные страны с самого начала стали рассматривать революцию в Петрограде в первую очередь в аспекте Первой мировой войны. В сложившихся обстоятельствах революция не могла не вызвать чувства горького негодования и отрицания во множестве западных умов, поглощенных эмоциями военного времени.

Вашингтонская пресса, опередив официальные каналы, довела до правительственных лидеров и общества столицы новости о событиях в Петрограде. Первые сообщения о перевороте в Петрограде начали поступать в редакции Вашингтона уже в четверг, 8 ноября. В тот же день на Госдепартамент было оказано давление с просьбой прокомментировать произошедшее. Можно сказать, что это был первый из многих последующих запросов в Госдепартамент, касающихся американской политики по отношению к Советской России. Госдеп проявил мудрость и отказался от каких-либо комментариев, сославшись на отсутствие официальных отчетов от посла Фрэнсиса. На следующее утро первые полосы прессы запестрели сообщениями о захвате власти большевиками, в целом весьма соответствующими действительности (опорные точки: бегство Керенского – штурм Зимнего дворца – Декрет о мире).

Позже в тот же день, по сообщению вашингтонского корреспондента «Нью-Йорк таймс», состоялось совещание Кабинета министров, полностью посвященное обсуждению ситуации в России. С точки зрения истории это было первое внутригосударственное обсуждение проблем политики в отношении нового режима, но, похоже, официальных записей об этом событии не существует. Администрация, согласно тому же сообщению в прессе, была «естественно обеспокоена», но «не теряла надежды на то, что Россия останется в лагере союзников». В частности, беспокойство проявлял министр финансов, который склонялся к продолжению экономической помощи при условии, что большевики не выведут Россию из войны.

Около полуночи, в ночь с пятницы на субботу, было получено первое официальное известие о перевороте в Петрограде (два сообщения от миссии в Стокгольме). За ними очень скоро, ранним утром, последовало несколько сообщений из посольства в Петрограде и от Саммерса в Москве. К началу рабочего дня 10 ноября (суббота) госсекретарь получил официальное подтверждение того, что большевики, по крайней мере, захватили власть в Петрограде.

На тот момент больше не поступало указаний на проведение каких-либо дальнейших официальных консультаций. В то субботнее утро президент играл в гольф со своим личным врачом, а его единственная официальная встреча была проведена с Джорджем Крилом. В течение дня президент написал лишь одно письмо по российским вопросам, адресованное Чарльзу Эдварду Расселу, только недавно вернувшемуся из России в качестве члена миссии Рута и предложившему «кампанию по демонстрации русскому народу, что успех их революции зависит от продолжения войны». В любом случае если новости дня и произвели какое-то впечат-

ление на президента, то письмо Расселу этого нисколько не отразило. Однако в нем содержалась нотка разочарования, которую впоследствии часто можно было встретить в упоминаниях президента о российских проблемах. В частности, Вильсон заметил, что «...все виды работы в России сейчас чрезвычайно затруднены, поскольку, по-видимому, ни один канал не соединяется с другим». По всей вероятности, этот комментарий относился не к событиям в самой России, а к организационным сложностям, обусловленным военным временем. Учреждение Государственного департамента в Петрограде, военный и коммерческий отделы, прикрепленные к этой миссии, Комитет по общественной информации, основная миссия Рута, железнодорожная миссия Стивенса, представитель министерства финансов среди союзников, Комиссия Американского Красного Креста, миссия Христианской молодежной ассоциации – только малая доля американских миссий, приложивших руку к построению отношений с Россией. При этом не было предпринято никаких эффективных усилий для координации действий этих столь отличающихся друг от друга каналов. Возникающая в результате путаница зачастую самым неприятным образом привлекала внимание президента, раздражая его и вызывая чувство разочарования.

В воскресенье, 11 ноября, президент посетил с утра церковь, отправился на прогулку днем, а затем отбыл в Буффало, где у него было запланировано выступление перед представителями Американской федерации труда. Эта речь, напечатанная в понедельник утром, содержала первое опубликованное отражение осведомленности Вильсона о произошедшем в России: «...Меня поражает, что какая-либо группа людей может быть настолько плохо информирована, чтобы полагать, как, по-видимому, полагают некоторые группы в России, что любые реформы, запланированные ими в интересах народа, могут осуществиться в германском присутствии, достаточно могущественном, чтобы подорвать или свергнуть их с помощью вмешательства или силы. Так немецкое правительство усугубляет свое собственное разрушение.» (Бакер Р.С. Вудро Вильсон: Жизнь и письма. Нью-Йорк, 1939).

Делая это заявление, президент приписал немцам идеологические амбиции, которых у них не было (немецких лидеров мало заботили внутренние программы российских правительств). Кроме того, вряд ли можно сказать, что большевистские лидеры соответствуют нашему представлению о «сообществе свободных людей». Они не нуждались в каких-либо инструкциях извне, чтобы убедиться в захватнических и зловещих целях немецкой военщины. Баллард, находившийся тогда в Москве, ознакомившись с речью президента, быстро ухватил его промашку. «Мистер Вильсон. – отметил Баллард в своей докладной записке, подготовленной вскоре после его речи президента, – вы говорили так, будто думаете, что лидеры русских масс надеются добиться достойных демократических условий мира с имперским правительством Германии. Большевики вовсе не рассчитывают получить хорошие условия от кайзера. Их единственная надежда и ожидание заключаются в том, чтобы вывести кайзера из игры. Вам не придется спорить, убеждая их в безжалостности немецких империалистов» (Баллард А. Записка «Большевистское движение в России», январь 1918 г.).

Президент вернулся в Вашингтон только в одиннадцать часов вечера в понедельник. На следующее утро (вторник, 13 ноября) после своей обычной партии в гольф он провел два часа в своем кабинете. К этому времени поступила еще одна порция официальных отчетов. Их было достаточно, чтобы полностью убедиться в следующем:

1. Власть в Петрограде и, вероятно, также в Москве находится в руках соответствующих Советов, поскольку Временное правительство свергнуто, а большинство его членов арестовано.
2. Петроградский совет претендует на роль национального правительства России; Троцкий назначен комиссаром по иностранным делам (то есть официально возглавил Наркомат иностранных дел);
3. Новый режим предлагает немедленный мир.

4. Керенский, совершивший побег, по достоверным сведениям, наступает на Петроград с антибольшевистски настроенными вооруженными силами.

Позже в тот же день президент написал личное письмо представителю Флориды Фрэнку Кларку, в котором говорилось: «...Я ни в коем случае не потерял веру в российский исход. России, как и Франции в прошлом столетии, без сомнения, придется пройти через глубокие воды, но она выйдет на земную твердь с другой стороны, и ее великий народ – ибо этот народ велик – по моему мнению, займет подходящее ему в мире место».

До пятницы 16 ноября никакой непосредственной информации от посла Фрэнсиса не поступало. Всю неделю газеты публиковали статьи о боях между красными и белыми, ненадежность противоречивых историй носила очевидный характер, однако их было вполне достаточно, чтобы поднять серьезные вопросы относительно того, добьются ли большевики успеха в сохранении власти. До 16 ноября включительно Госдепартамент все еще жаловался корреспондентам на то, что связь была настолько плохой, что «невозможно понять, что происходит в России». Наконец в субботу, 17 ноября, довольно надежными свидетельствами подтвердился окончательный провал попытки Керенского перейти в контрнаступление. Можно было бы предположить, что в какой-то момент в течение недели с 10 по 17 ноября президент дополнительно обсудил с ведущими советниками ситуацию, возникшую в России, ее влияние на ведение войны и будущее отношение к этой стране. К сожалению, в опубликованных исторических записях на этот счет нет никаких указаний. В личных бумагах президента или госсекретаря также отсутствуют даже намеки на какую-либо интенсивную озабоченность российской проблемой.

И это менее удивительно, чем может показаться на первый взгляд. Информация, имевшаяся в распоряжении правительства Соединенных Штатов, по-прежнему была фрагментарной и сбивающей с толку. Не существовало никаких надежных предпосылок к тому, что большевики навсегда закрепятся у власти. Более того, полковник Хаус только что прибыл в Англию в качестве специального представителя президента, вооруженный самыми широкими полномочиями обсуждения с британцами и другими европейскими союзниками вопросов, касающихся общего ведения военных действий. К этой категории, несомненно, следовало отнести и распад России. Возникало естественное желание дожидаться подробного доклада полковника, прежде чем окончательно определять американское отношение к новой ситуации.

В отсутствие каких-либо указаний из Вашингтона послу Фрэнсису оставалось только проявлять максимальную осмотрительность в отношении политических поступков в этих необычных обстоятельствах. Его главная проблема на данный момент заключалась в том, продолжать ли поддерживать американское официальное представительство в российской столице, поскольку правительство, при котором оно было аккредитовано, исчезло, и устанавливать ли связь с новой партией, узурпировавшей власть. Встреча дипломатического корпуса, состоявшаяся 8 ноября, не смогла оказать ему особой помощи или дать наставлений. Решение Троцкого двумя днями позже занять здание Министерства иностранных дел явно говорило о том, что большевистские власти в ближайшее время рассчитывали вступить в дипломатические сношения с иностранными правительствами. Но ситуация все еще оставалась слишком запутанной, а долговечность большевистской власти – слишком неопределенной, чтобы давать полезные рекомендации Вашингтону о выборе политической линии по отношению к новому режиму. На второй день после революции Фрэнсис телеграфировал в Вашингтон, как само собой разумеющееся отметил, что «в настоящее время мы не должны предоставлять России займов». Это была первая и последняя рекомендация, данная Фрэнсисом своему правительству по отношению к новому режиму в первые дни большевистской власти. Как и все остальные обыватели российской столицы, он, затаив дыхание, продолжал наблюдать, смогут ли большевики сохранить свою власть против ожидаемой контратаки Керенского.

Хотя безопасность посольства находилась под угрозой, по крайней мере, в такой степени, что он организовал высылку незамужних американских женщин и мужчин с женами и детьми, опасность не казалась достаточно большой, чтобы оправдать полную эвакуацию всей канцелярии. Безусловно, в городе царил хаос, местами происходили случайные кровопролития, но беспорядки и насилие пока не были направлены против иностранцев.

Известны по меньшей мере два случая в дни, непосредственно следующие за захватом власти большевиками, когда младшие офицеры американской военной миссии посетили Троцкого и обсудили с ним порядок охраны посольства. По-видимому, их заверили, что все иностранцы, особенно американские граждане, будут находиться в российской столице в полной безопасности. В дополнение к этому военные атташе союзников, включая генерала Джадсона, посетили большевистского уполномоченного Муравьева¹⁹, назначенного военным комендантом Петроградского округа, и просили его о защите иностранных дипломатических миссий, где, очевидно, получили аналогичные заверения. Создается впечатление, что у некоторых иностранцев явно были преувеличенные впечатления о числе кровопролитий и уровне опасности. Приведу пару характерных цитат: «Первое, что я должен вам сказать, – это то, что мы все сидим на бомбе. Я просто жду, когда кто-нибудь поднесет к ней спичку. Если посол выберется из этой передраги, нам ужасно повезет» (из частного письма Ф. Джордана от 30 ноября); «...вы не можете сказать, в какую минуту вас убьют. Эти сумасшедшие люди убивают друг друга так же, как мы прихлопываем мух у себя дома. Прожив 18 месяцев в такой дикой стране, как эта, чувствуешь, что есть только два достойных места для жизни: одно – рай, другое – Америка» (из дневниковой записи У. Джадсона 14–16 ноября).

Таким образом, не только не существовало непосредственной физической необходимости в эвакуации американского посольства, но и были общие сомнения, что такой шаг был бы политически разумным. Многим американцам, проникнутым характерной концепцией, что наличие дипломатического представительства является жестом дружбы, а не просто каналом межправительственной связи, казалось, что отзыв официальных представителей будет равнозначен «отказу» от российского народа или, по крайней мере, от тех элементов, которые все еще благосклонны к делу союзников. Генеральный консул в Москве телеграфировал в Вашингтон, что в целях противодействия немецкому шпионажу и пропаганде, «...а также для оказания моральной поддержки лучшим элементам в России, которые вновь возьмут верх, необходимо приложить все усилия для сохранения каждого американского агентства в России» (телеграмма № 59 от 17 ноября).

Представители свергнутых лидеров Временного правительства, естественно, делали все возможное, чтобы поддержать это чувство. Личный секретарь Керенского, появившийся в Стокгольме во второй половине ноября, дал большевистскому правительству две-четыре недели существования и настоятельно призвал Соединенные Штаты проявить недолгое терпение. По его словам, единственная надежда для Америки заключалась в «непринятии чьей-либо стороны в нынешней борьбе и в ожидании формирования какого-нибудь более стабильного правительства» (телеграмма № 1038 от 21 ноября из Стокгольма в Госдепартамент). Аналогичные призывы исходили и от посла Временного правительства Бориса Бахметьева в Вашингтоне. 27 ноября он оставил в Госдепартаменте сообщение, якобы подготовленное «недееспособным Временным правительством» в Петрограде 22 ноября, которое заканчивалось следующими словами: «Слухи, появившиеся в российской прессе, об уходе представителей союзников оказывают крайне неблагоприятное воздействие на общественное мнение; любое действие, создающее впечатление, что союзники бросают российский народ в нынешней

¹⁹ Михаил Артемьевич Муравьев (1880–1918) – офицер Русской императорской армии, революционер (левый эсер), командир отрядов Красной гвардии, политический авантюрист, предложивший свои услуги советскому правительству после Октябрьской революции.

критической ситуации, может пробудить у нации чувство, что Россия освобождена от ответственности за срыв действий союзников».

Настойчивые требование сохранить дипломатическое учреждение в чужой стране, безусловно, противоречит всем дипломатическим традициям и теориям, если только это не сопровождается фактическим признанием, по крайней мере де-факто, местной суверенной власти. С любой точки зрения официальный представитель за рубежом – это гость местного органа власти принимающей стороны. Его привилегии и условия проживания основываются на согласии, благосклонности и степени защиты. Строго говоря, если правительство Соединенных Штатов не было склонно признавать советский режим, оно не имело права просить советские власти (что косвенно оно и сделало) предоставлять американскому официальному учреждению в Петрограде в течение сколь-либо значительного периода времени удобства и защиту, необходимые для его дальнейшего проживания и функционирования. Аномальность этой ситуации усугублялась широко распространенным мнением о том, что самой целью поддержания американского официального истеблишмента в России было поощрение политических противников большевиков.

Но в дни, непосредственно последовавшие за Октябрьской революцией, ситуация была слишком запутанной, чтобы признать подобную логику. До сих пор не было официального уведомления иностранных посольств об установлении нового режима. Советским властям еще предстояло продемонстрировать, даже самим себе, способность оставаться у власти сколь угодно долго. Это ставило иностранных представителей в тупик и затрудняло принятие какого-либо твердого решения, да и сами большевистские лидеры, учитывая маячившую перед ними неопределенность Брест-Литовска, не могли быть уверены, что в какой-то момент им не понадобятся представители капиталистических правительств, уже находящиеся в их столице.

Таким образом, Фрэнсис остался, несмотря на захват власти большевиками. С ним остались сотрудники канцелярии посольства, а также множество других официальных или полуофициальных лиц, пребывающих в Петрограде. Они продолжали, насколько могли, заниматься самой разнообразной деятельностью, зачастую связанной с военным временем: наблюдением за ходом событий, ведением военной пропаганды и разведывательной работы, присмотром за американской собственностью, в некоторых случаях – предоставлением помощи различным слоям российского населения. Фрэнсис продолжал считать себя представителем Соединенных Штатов, время от времени обращаясь через голову большевистского режима к гражданам Российского государства. Сложившаяся аномальная ситуация, неопределенная, запутанная и чреватая затруднениями и опасностями для всех заинтересованных сторон, не могла продолжаться долго.

Глава 4. Советский подход к перемирию

*Война мертва в сердцах людей.
Из дневниковых записей Рэймонда Робинса*

Непосредственные проблемы, связанные с завершением захвата власти в крупных городах и созданием регулярного правительства, занимали коммунистических лидеров в течение первых двух недель после большевистского переворота. Только к 15 ноября угроза контр наступления Керенского была окончательно устранена. К 19 ноября самые критические задачи получили относительное разрешение, по крайней мере, до такой степени, что стало возможным уделять внимание и другим вещам. В тот день Троцкий наконец утвердился в Министерстве иностранных дел и был готов приступить к проведению советской внешней политики.

Это вовсе не означало, что Троцкий ожидал нормальных дипломатических контактов с Фрэнсисом и другими посланниками. В своих мемуарах он отмечает, что кто-то процитировал его реакцию на просьбу взять на себя ответственность за советскую внешнюю политику: «А какого рода дипломатической работой мы будем заниматься? Я выпущу несколько революционных воззваний к народам, а затем прикрою лавочку». Сам Троцкий утверждает, что это приписываемое ему утверждение было явным преувеличением, но сам факт, что он его процитировал, свидетельствует о первичном отношении большевиков к внешней политике.

Поскольку к этому времени не последовало никакой реакции ведущих держав, а особенно правительств стран Антанты на Декрет о мире, советские лидеры приступили к энергичным и решительным действиям по выводу России из войны. Их первым шагом, предпринятым поздним вечером 20 ноября, стала отправка телеграммы исполняющему обязанности главнокомандующего генералу Духонину, предписывающая ему предложить своему немецкому военному коллеге трехмесячное прекращение военных действий с целью переговоров о заключении мира. Духонин, спокойный и добросовестный офицер, не испытывал и тени симпатии к коммунистам. После сентябрьского провала корниловского наступления, будучи начальником штаба верховного главнокомандующего Керенского и не имея представления о местонахождении последнего, он был вынужден принять 16 ноября командование тем, что осталось от российских армий. Его штаб-квартира находилась в Могилеве, примерно в 450 милях к югу от Петрограда.

Сразу же после приказа Духонину последовало первое официальное сообщение советского правительства, адресованное посланникам союзников в Петрограде (включая Фрэнсиса). Оно было написано на французском языке и подписано Троцким в качестве наркома иностранных дел, отправлено 21 ноября, получено представительствами союзников поздно вечером и служило двум целям.

Во-первых, в сообщении правительствам союзных стран официально сообщалось, что «...Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов учредил 26 октября месяца сего года (по старому стилю) новое правительство Российской Республики в форме Совета народных комиссаров».

Таким образом, это было первое официальное уведомление союзных правительств, включая правительство Соединенных Штатов, об установлении советской власти. Подразумевается, что сообщение представляло собой требование о признании и приглашение к установлению нормальных дипломатических отношений. Можно с уверенностью сказать, что на момент получения этого уведомления в Вашингтоне (утром 24 ноября), кроме Соединенных Штатов, были официально уведомлены посланники Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Сербии. Более «мелкие» союзники такого уведомления не получали.

Во-вторых, в сообщении привлекалось внимание к «предложению о перемирии и демократическом мире» (очевидно, имелся в виду Декрет о мире от 8 ноября), содержалась просьба к послу «...быть достаточно любезным, чтобы рассматривать вышеупомянутый документ как официальное предложение о немедленном заключении перемирия на всех фронтах и о немедленном начале переговоров о мире – предложение, с которым полномочное правительство Российской Республики обращается одновременно ко всем воюющим нациям и их правительствам». Текст документа заканчивался заверением в «глубоком уважении... к народу Соединенных Штатов». О правительстве не было сказано ни слова. Фрэнсис незамедлительно передал текст этого сообщения по телеграфу в Государственный департамент (из телеграммы № 2006 от 22 ноября 1917 г.), но не стал сопровождать его никакими собственными рекомендациями. Посол Великобритании Бьюкенен, передавая послание, призвал свое правительство ответить посредством заявления палаты общин, что оно будет готово обсуждать условия мира с «законно созданным правительством» в России, но не с тем, которое «нарушило обязательства, взятые одним из своих предшественников по соглашению от 5 сентября 1914 года», в соответствии с которым союзники обязались не заключать сепаратный мир (Бьюкенен Дж. Моя миссия в Россию и другие дипломатические воспоминания. Бостон, 1923).

На заседании Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов (20–21 ноября) Троцкий выступил с речью, которая является одним из первых ответственных советских заявлений по внешней политике. Он начал с изложения основных моментов ситуации, которая существовала в течение двух недель, прошедших с момента первоначального захвата власти. Обсуждая реакцию на советский мирный шаг как вражеских держав (он назвал ее «двусмысленной»), так и союзников, Троцкий отметил, что Британия оказалась самой враждебной из всех иностранных стран по отношению к советской власти (британская буржуазия, как обвинял ее докладчик, ратовала за продление войны), во Франции война угрожала нации «вырождением и смертью» (антивоенная борьба французского рабочего класса нарастала), а в Италии были созданы условия, благоприятные для советской инициативы.

Обращаясь затем к Соединенным Штатам, Троцкий (который, как следует напомнить, был в Нью-Йорке в этом же году ранее) высказал следующие взгляды. Соединенные Штаты начали вмешиваться в войну спустя три года, под влиянием трезвых расчетов американской фондовой биржи. Америка не могла мириться с победой одной коалиции над другой, поэтому Соединенные Штаты заинтересованы в ослаблении обеих коалиций и в укреплении гегемонии американского капитала. Кроме того, американская военная промышленность заинтересована в войне. За время войны экспорт американских товаров увеличился более чем вдвое и достиг показателя, которого не достигало ни одно другое капиталистическое государство. Экспорт почти полностью шел в союзные страны. Когда в январе Германия выступила за ведение неограниченной подводной войны, все железнодорожные станции и гавани в Соединенных Штатах оказались перегруженными продукцией военной промышленности, что привело к дезорганизации транспорта, а Нью-Йорк стал свидетелем таких продовольственных бунтов, каких никогда не видели в России. Тогда финансовые капиталисты выдвинули требование Вильсону: обеспечить продажу продукции военной промышленности внутри страны. Президент принял ультиматум, а следовательно, подготовку к войне и саму войну. Америка не стремится к территориальным завоеваниям и может быть вполне терпимой в отношении существования советского правительства, поскольку ее устраивает истощение союзных стран и Германии. Кроме того, Соединенные Штаты заинтересованы в инвестировании своего капитала в Россию.

Полный текст этой речи был опубликован в советской прессе, и ее часть, касающаяся Соединенных Штатов, Фрэнсис телеграфом отправил через день или два дня в Государственный департамент.

Последствия выступления Троцкого заслуживают отдельного внимания. Из него вытекало, что первый советский нарком иностранных дел, сделавший в официальном качестве свои

первые публичные замечания о Соединенных Штатах, весьма цинично относился к реалиям американской демократии. Он выдвинул против народа и правительства Соединенных Штатов абсурдные обвинения в том, что они желали ослабления союзников, с которыми были связаны ведением военных действий, и стремились саботировать общие антигерманские усилия. Трагичная торжественность великого решения Вильсона, принятого зимой и весной 1917 года, была низведена Троцким до бесхребетной капитуляции перед «ультиматумом» финансистов. Кроме того, министр фальсифицировал картину дезорганизации и голода в Нью-Йорке, упомянув «продовольственные бунты, невиданные в России». Очевидно, Троцкий подразумевал так называемые «протесты домохозяек», направленные против высокой стоимости жизни и имевшие место 18–24 февраля, когда Троцкий находился в Нью-Йорке (тогда в демонстрациях приняли участие около 400 женщин). Эти протесты приняли форму массовых визитов в мэрию и ограничились несколькими опрокидываниями попавшихся по дороге тележек разносчиков. Появляются как Социалистическая партия, так и «Международные рабочие мира», чтобы приложить руку к организации протестного движения. Шокирующий рост стоимости жизни не подлежал сомнению; но, если Троцкий думал, что люди страдают неоправданно, он напрасно тратил свое сочувствие. Исчерпывающее расследование, проведенное комиссаром полиции Нью-Йорка Харидесом по результатам беспорядков, не выявило никакой аномальной нужды. Напротив, комиссар благотворительных организаций пришел к выводу, что «основная масса населения Нью-Йорка находится в лучшем состоянии, чем это было в течение многих лет» (Нью-Йорк джеральд. 24 февраля 1917 г.). Чтобы кто-нибудь не предположил, что этот отчет был продуктом реакционной предвзятости, позвольте отметить, что уполномоченным, опубликовавшим его, был не кто иной, как Джон А. Кингсбери, которому много лет спустя предстояло стать председателем Национального совета советско-американской дружбы и в этом качестве выступать с докладами на конгрессах мира в Москве в 1950 и 1951 годах.

Наконец, слушателей Троцкого самоуверенно поощряли верить, что Америка будет «терпимой в отношении существования советского правительства», поскольку взаимное истощение Германии и союзников является вполне достаточным условием для удовлетворения финансовой похоти американских капиталистов, а российский рынок крайне привлекателен для инвестиций. Другими словами, из выступления Троцкого следовал вывод, что у Соединенных Штатов не существует ни идеалов, ни убеждений, ни интереса к международным политическим делам в целом, в том числе и к войне, за исключением всепоглощающей жадности монстров капитала.

Верил ли сам Троцкий в эти заявления? В какой-то степени, несомненно, да. Его взгляд на Соединенные Штаты действительно был ограниченным и искаженным, почерпнутым главным образом из мрачного интерьера редакции малоизвестной русской социалистической газеты в Нью-Йорке. Вместе с тем ничто в его личных понятиях политической этики не исключало пропагандистских искажений. Скорее наоборот, его кодекс предусматривал, что было бы упущением не осуществлять подобные передергивания, если таким образом можно продвигать дело. Возможно, в нем также присутствовал и некий оттенок зависти и раздражения по отношению к стране, которая так плохо вписывалась в жесткие рамки марксистской мысли. В любом случае это заявление явно не способствовало сочувственному приему в Вашингтоне официальной ноты-уведомления, направленной правительству Соединенных Штатов в тот же день.

21 ноября, пока советская нота доставлялась в иностранные посольства и пока Троцкий произносил свою речь, советские лидеры с нетерпением ждали какого-либо ответа от Духонина. У них не было никаких иллюзий относительно политических взглядов генерала и его деятельности. «Нам было ясно, что мы имеем дело с противником народной воли и врагом революции» (Ленин В.В. Доклад о переговорах с Духониным на заседании ВЦИК 23 ноября 1917 года. М.; Л., 1930). Зная о приказе Духонину добиваться перемирия, ряд политических

деятелей оппозиции (в основном лидеры эсеров) уже собирались в штабе генерала в попытке организовать конкурирующее правительство под его военной защитой. Несколько генералов штаба даже выпустили обращение от 20 ноября, призывающее к формированию нового правительства для замены большевистского режима и предлагающее видного лидера эсеров Чернова в качестве его главы. Большевикам должно было быть ясно, что эти действия происходили с ведома по крайней мере некоторых союзных дипломатов в Петрограде, а возможно, и с их поощрения. Следовательно, большевистские лидеры обратились к Духонину с приказом добиваться перемирия, не вследствие доверия генералу или хотя бы его принятия, а только потому, что еще не удосужились заменить его советским назначенцем, одновременно не желая терять время в вопросе заключения перемирия.

Со своей стороны Духонин также не проявлял торопливости, надеясь выиграть время, нужное для организации конкурентного правительства. Он телеграфировал в Генеральный штаб Петрограда с просьбой подтвердить подлинность телеграммы – таким образом был выигран целый день на «простой», к большому неудовольствию Ленина. К вечеру Ленин и его соратники, очевидно, решили больше не иметь дела с Духониным и искать другие каналы для предложения мира. Поэтому они приняли две радикальные меры. Во-первых, составили обращение к войскам на фронте, призывая не «позволять контрреволюционным генералам разрушать великое дело мира», а скорее взять дело мира в свои руки и заключить сопротивляющихся генералов под арест. Затем, ранним утром 22 ноября, им все-таки удалось дозвониться до штаба Духонина по телефону. После некоторых первоначальных препирательств с заместителем к аппарату подошел сам Духонин. Последовала перепалка, в ходе которой Духонин заявил, что не в состоянии выполнить приказ, объяснив, что «только централизованная правительственная власть, поддерживаемая армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противника, чтобы придать таким переговорам необходимую авторитетность». Как и следовало ожидать, на другом конце провода прозвучало торжественное заявление, явно подготовленное заранее, освобождающее Духонина от командования на основании неподчинения, но приказывающее продолжать выполнять свои обязанности до прибытия его преемника, некоего «прапорщика Крыленко».

Обращение к войскам, призывающее взять дело в свои руки, было незамедлительно опубликовано и передано по доступным каналам связи на фронт. О произошедшем «телефонном» инциденте Духонин немедленно сообщил военным представителям союзников в своей штаб-квартире, а через них – соответствующим правительствам.

Как было сказано выше, все это произошло ранним утром 22-го числа. Во второй половине того же дня главы миссий союзников отправили телеграммы своим правительствам с изложением условий советской ноты, полученной предыдущим вечером. Далее произошла встреча дипломатических посланников альянса, на которой состоялось широкое обсуждение российского вопроса для определения общей позиции. Выработанное «Соглашение», как сообщил Фрэнсис в Госдепартамент, выражало «полное единодушие и настоятельно подчеркивало, что не следует принимать во внимание советскую ноту...». Далее следовало разъяснение посла, что причина подобной солидарности кроется в том, что «мнимое правительство» было «создано силой и не признано русским народом». Соответствующим правительствам рекомендовалось одобрить эту позицию. Следует заметить, что Фрэнсис так и не добился конкретного ответа из Вашингтона, но из более поздних инструкций мог сделать вывод, что эта позиция одобрена.

На этой встрече Фрэнсис выяснил, что послы Великобритании, Франции и Италии, все представители правительств, подписавших соглашение 1914 года, запрещающее сепаратный мир, инструктировали своих военных представителей в штабе Духонина протестовать против предложения о перемирии, как нарушающего соглашение 1914 года. Узнав об этом, генерал Дждасон с одобрения посла так же телеграфировал представителю Соединенных Штатов под-

полковнику Монро К. Керту с приказом зарегистрировать аналогичный протест, хотя, конечно, не во имя соглашения 1914 года, к которому Соединенные Штаты никакого отношения не имели.

Итак, было 22 ноября 1917 года.

С точки зрения реакции союзных правительств на советскую ноту стоит отметить, что на следующий день после ее вручения Троцкий приступил к публикации секретных соглашений, заключенных между союзниками ранее и обнаруженных большевиками при захвате Министерства иностранных дел. Публикация этих документов, как и последовательное осуществление шагов к заключению перемирия, входила в список обязательств большевистских лидеров. Мировая общественность была о нем предупреждена речью Троцкого днем раньше. Эти соглашения, как сказал Троцкий, «...еще более циничны по своему содержанию, чем мы предполагали, и мы не сомневаемся, что, когда немецкие социал-демократы получат доступ к сейфам, в которых хранятся секретные договоры, они увидят, что покажут нам, что германский империализм в своем цинизме и алчности ни в чем не уступает алчности упомянутых стран».

Теперь, приступая к публикации документов, Троцкий публично противопоставил открытую дипломатию большевиков «темным планам завоевания империализма и его грабительским союзам и сделкам». В заявлении, посвященном публикации документов, он написал следующее: «Рабоче-крестьянское правительство питает отвращение к тайной дипломатии и ее интригам, шифрам и лжи. Нам нечего скрывать. Наша программа воплощает в жизнь горячие пожелания миллионов рабочих, солдат и крестьян. Мы хотим мира как можно скорее на основе достойного сосуществования и сотрудничества народов. Мы хотим, чтобы власть капитала была свергнута как можно скорее...»

Опубликованные в России договоры почти сразу же были перепечатаны в нью-йоркской прессе («Нью-Йорк таймс» опубликовала их в два этапа – 25 ноября и 13 декабря), а также в английской «Манчестер гардиан». Эти публикации вызвали гораздо меньший ажиотаж в мировом общественном мнении, чем ожидали большевики. В конце концов, их общий смысл был и так довольно широко известен в западных странах еще до освещения прессой, однако сам факт публикации советским правительством в одностороннем порядке без консультаций с другими заинтересованными державами снова выглядел как недружественная акция, рассчитанная на наступление. «Запись в дневнике Хауса, сделанная еще в августе, указывает на то, что условия этих договоров были общим достоянием еще до того, как были опубликованы большевиками» (Сеймур Ч. Личные бумаги полковника Хауса. Нью-Йорк, 1928). Анонсирование этих публикаций Троцким носило явно оскорбительный характер для западных правительств и вряд ли способствовало заключению сделок с большевистскими лидерами. Предположительно на появление в советских газетах этих разоблачений, щедро сдобренных провокационными заявлениями Троцкого, повлияла негативная реакция и рекомендации своим правительствам глав миссий союзников, собравшихся на совместные консультации в Петрограде.

На следующий день, в пятницу, 23 ноября, британские, французские и итальянские военные представители в штабе Восточного фронта передали свои протесты генералу Духонину, как им было поручено сделать. Преемник Духонина, еще не появившись, а генерал все еще действовал в соответствии с полученными указаниями. «Действуя на основе определенных инструкций, полученных от своих правительств», офицеры союзников заявили «самый энергичный протест» против нарушения соглашения 1914 года и далее предупредили, что «за любым нарушением договора Россией последуют самые серьезные последствия». Это было действительно сильное предостережение, к тому же поступающее в военное время от военных представителей великих воюющих держав. Поскольку Керт, американский представитель при штабе Духонина, еще не получил никаких инструкций, а Соединенные Штаты не участвовали в соглашении 1914 года и не были знакомы с его формулировками, американцы оказались не связанными с «протестным» шагом союзников. Лишь несколько позже Керт наконец посту-

пило указание руководства: «Прошлой ночью я телеграфировал Керту... действовать в согласии с другими» (Рукописи Джадсона, дневниковая запись от 23 ноября 1917 г.).

Хотя известие о российской ноте от 21 ноября дошло до Вашингтона только 24-го, Лондон, похоже, знал об этом уже 22-го. По крайней мере, 22 ноября в Лондоне состоялось заседание Военного кабинета, на котором обсуждался вопрос о признании нового советского правительства. На следующий день (23 ноября) лорд Роберт Сесил, министр блокады и член британского военного кабинета, прокомментировал корреспонденту Ассошиэйтед Пресс советское предложение о перемирии: «...Если оно отражает реальное мнение российского народа, во что лично я не верю, это было бы прямым нарушением договорных обязательств и принципов российского союзничества. Такая акция, будь она одобрена и ратифицирована российским народом, фактически вывела бы страну за пределы цивилизованной Европы» («Нью-Йорк таймс» от 24 ноября 1917 г.). На вопрос Ассошиэйтед Пресс о вероятности признания союзниками нового российского правительства лорд Роберт заявил, что не может представить себе такой шаг возможным.

Заявление Сесила представляет интерес в двух отношениях. По-видимому, это было первое ответственное заявление одного из крупных западных правительств по вопросу признания нового правительства. Относительно незадолго до межсоюзнической конференции в Париже он заранее предсказывал позицию, которую займут британцы по отношению к Советам. Но помимо этого интервью Сесила отражало иллюзию, с которой государственные деятели союзников, особенно находящиеся в Вашингтоне, расстались бы очень медленно и с величайшей неохотой – иллюзии того, что существует значительная доля российской общественности, которая все еще «озабочена» войной, как мировой битвой, и эмоционально заинтересована в ее целях. За эту иллюзию, опасную и ошибочную, упрямо цеплялась часть союзной общественности и чиновничества, несмотря на все предупреждения. В этом ключе хочется вспомнить сцену на официальном приеме в честь миссии Рута летом 1917 года, когда один из министров Временного правительства, раздраженный потоком красноречия об общих целях в войне, повернулся к русскому помощнику миссии и сказал: «Молодой человек, не могли бы вы разъяснить этим американцам, что мы устали от этой войны? Объясните им, что нам надоело кровопролитие».

Возможно, на этом этапе было бы удобно сделать паузу и резюмировать позиции, в которых оказались различные партии в конце недели с 17 по 24 ноября, всего через две недели после захвата власти большевиками. Для этого есть веская причина, потому что следующая неделя, последняя в ноябре, должна была принести путаницу событий в отношениях между западными державами и советскими лидерами, и трудно реконструировать значение этих событий без четкого понимания основных позиций каждой из сторон.

В Петрограде советские лидеры, отказавшись от попытки действовать через Духонина, были заняты налаживанием контактов с лояльными к ним солдатскими комитетами с целью найти кого-нибудь, кто мог бы обратиться к немцам с достаточным подобием полномочий. Прежде чем предпринять независимые и односторонние шаги для официального выхода России из войны, они, как уже отмечалось, обратились к правительствам союзников с призывом о признании и приглашением присоединиться к ним в поисках всеобщего мира, но так и не дождались никакого ответа. В обращении к войскам, опубликованном 22 ноября, они призвали солдат начать переговоры спонтанно: «Пусть полки на фронте немедленно выберут полномочных представителей, чтобы официально начать переговоры о перемирии с врагом. Совет народных комиссаров дает вам право сделать это. Информировать нас о каждом шаге переговоров. Только Совет народных комиссаров имеет право подписать заключительную конвенцию...»

Позже советские лидеры, по-видимому, поняли, что дело не может продолжаться в такой привлекательной «неформальности», и предприняли шаги, чтобы организовать встречу с нем-

цами единой уполномоченной и одобренной делегацией. Это заняло время, но к субботе, 24 ноября, когда сообщение о ноте Троцкого находилось в Вашингтоне в процессе расшифровки, договоренности хорошо продвинулись. К вечеру субботы большевистские лидеры с нетерпением ожидали реакции союзников. Вероятно, с еще большим нетерпением и интересом они ожидали известий о том, что российские части организованно покинули позиции противостояния с немцами.

У Ленина и его соратников создалось впечатление, что они поставили все воюющие стороны в неловкое и серьезное затруднительное положение, опубликовав секретные договоры и одновременно предприняв шаги по прекращению войны на основе отказа от аннексий или контрибуций. Введенные в заблуждение различными искаженными представлениями о состоянии морального духа в различных воюющих странах, и об общественном отклике на их собственные революционные действия за границей, они пришли к самоуверенному выводу, что обладают политическим рычагом влияния на западные правительства через их рабочих и солдат, с помощью которых они могли бы силой либо шантажом заставить власть имущих согласиться на предписанные условия. В противном случае, по мнению большевиков, западные страны затянуло бы в круговерть революционных потрясений.

Они были совершенно беспристрастны в своей ненависти к воюющим правительствам, не находя различий между двумя враждующими сторонами, и с нетерпением ожидали результатов политического давления, которое намеревались наращивать. Но все же главные тревоги большевистских лидеров были связаны с их собственной внутренней ситуацией. С особым беспокойством большевистские лидеры отнеслись к обращениям союзников к Духонину, поскольку они были адресованы не к ним, а именно генералу-антибольшевику, и сформулированы весьма угрожающе.

В посольствах союзников в Петрограде, включая посольство Соединенных Штатов, посланники ожидали реакции своих правительств на советский Декрет о мире и признание нового правительства России. Посланники сделали свое дело, дав собственные рекомендации, и теперь им оставалось только ждать. Но после прохождения некоторого времени влияние Октябрьской революции и ее непосредственные последствия начали постепенно осознаваться сотрудниками союзнических миссий и вызывать резкое разделение реакции и мнений. Окончательный выход России из рядов коалиции воюющих наций должен был вызвать замешательство и ужас у людей, чье присутствие и функции в Петрограде были непосредственно связаны с военными усилиями их стран. В целом союзные иностранные колонии в российской столице, состоящие из людей, на жизнь которых глубоко повлияли произошедшие политические перемены, были первыми, кто воспринял и впитал в себя сильное разделяющее воздействие, которое феномену советской власти навсегда стало суждено оказывать на западное общество.

В это время внимание Западной Европы было приковано к предстоящей Межсоюзнической конференции в Париже и к вопросу объединения военных усилий союзников. Катастрофическое поражение итальянцев в конце октября усилило понимание необходимости такого объединения, как и прогрессирующий распад русских армий после неудачной попытки Керенского провести летнее наступление. 8 ноября, в день большевистского переворота, французы, англичане и итальянцы договорились о создании Высшего военного совета, но соглашение носило неофициальный характер, и ряд важных организационных вопросов еще только предстояло уладить. По мере того как военные действия Америки начали приобретать значимые масштабы, стала быстро произрастать потребность в координации с союзниками. В конце октября Вильсон отправил полковника Хауса в Европу не только ради представления позиции Соединенных Штатов на предстоящей конференции, но и для общедоступности обсуждения важнейших политических и военных проблем с другими лидерами коалиции.

Хаус прибыл в Англию 7 ноября, где его приняли с почестями, достойными премьер-министра, если только не главы государства. «Никогда еще в истории, – писал лондонский

корреспондент „Нью-Йорк таймс“, – приехавший в Европу заморский иностранец не находил в ней столь большого признания и не обладал большей властью». Лондонская «Таймс» приравняла переговоры Хауса с британскими лидерами к личной встрече правительств, фактически поставив, таким образом, полковника Хауса на один уровень с правительством Соединенных Штатов.

22 ноября, когда первая нота Троцкого союзническим посланникам была передана по телеграфу, Хаус и члены его миссии направлялись из Лондона в Париж на заседания Межсоюзнической конференции (начало 29 ноября) и Высшего военного совета (начало 1 декабря). Собрание государственных деятелей в Париже предоставило удобный повод для обмена мнениями по этому вопросу. Было вполне естественно, что Вильсону, сильно полагающемуся на все советы полковника Хауса, связанные с межсоюзническим сотрудничеством, следовало дождаться результатов его дискуссий с другими лидерами альянса в отношении подхода к Советам.

Однако прежде, чем мы обратимся к парижским дебатам, было бы неплохо немного подробнее проследить за ходом событий в Петрограде, где последующие дни должны были оказаться весьма беспокойными для официальных американцев.

Глава 5. Первые проблемы контактов с советскими властями

*Главное, господа, не слишком усердствовать!
Из советов Талейрана²⁰ молодым дипломатам*

Как уже отмечалось выше, действия большевистских лидеров по захвату власти и прекращению войны вызвали большое беспокойство и брожение в официальном американском сообществе Петрограда. Особенно пострадали представители военной миссии, чьи функции в первую очередь заключались в усилении сопротивления немцам на Восточном фронте и которые теперь понимали, что столкнулись с полным и катастрофическим провалом решения основной задачи. Генералу Джадсону, как главе военного представительства Соединенных Штатов в России, чувствующавшему личную ответственность в этом отношении, выпало взять на себя ведущую роль в предложении курса, по которому следует идти дальше.

В течение нескольких недель после Октябрьской революции Джадсон сблизился с членами Комиссии Красного Креста, особенно с Рэймондом Робинсом, в свою очередь поддерживавшим тесную связь с большевистскими лидерами. Сразу после захвата власти большевиками, 9 или 10 ноября, Робинс, действуя совершенно независимо и без ведома посольства, нанес визит Троцкому в Смольный институт и обсудил с ним работу Комиссии Красного Креста. После нескольких слов откровенного разъяснения относительно прошлой роли своей миссии Робинс прямо поставил перед Троцким вопрос о том, стоит ли ему здесь оставаться. Троцкий ответил, что непременно стоит, и даже сразу предпринял определенные меры по просьбе Робинса по подготовке поезда Красного Креста из Петрограда в румынские Яссы для некоторых поставок в адрес находящейся там аналогичной миссии. Всего тремя неделями ранее Робинс наградил в своем дневнике Троцкого эпитетом «проклятие ложного духа», но, как и Томпсон, очень быстро изменил свои взгляды под влиянием Октябрьской революции.

Кстати, упоминая Смольный институт, заметим, что это огромное архитектурное сооружение на востоке центра Петрограда до революции служило аристократической школой для благородных девушек. Летом 1917 года он был захвачен в качестве резиденции Петроградского совета, а с приходом к власти большевиков и до марта 1918 года оставался резиденцией советского правительства. Таким образом, термин «Смольный» использовался в то время в том же смысле, в каком впоследствии стал использоваться термин «Кремль».

Встреча Троцкого с Робинсом и ее удовлетворительные результаты убедили последнего в возможности успешного ведения дел с советскими властями, по крайней мере, в определенных вопросах, и оказывать на них – через сотрудничество и различного рода помощь – влияние, которое вполне могло бы укрепить американские позиции и заставить большевиков пойти на определенные уступки в вопросе выхода из войны. По этой причине Робинс полагал, что помощь по линии Красного Креста (и не только) из Соединенных Штатов в Россию должна продолжаться, а американским официальным лицам в Петрограде следует поддерживать тесные неформальные отношения с большевистскими лидерами. Под влиянием Робинса генерал Джадсон также был настроен в пользу аналогичных взглядов.

Вероятно, без ведома посла генерал рекомендовал своим руководителям в Вашингтоне еще до 25 ноября обратиться к советским властям относительно сотрудничества в подготовке технических пунктов перемирия с целью влияния на формулировку таким образом, чтобы

²⁰ Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754–1838) – французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трех режимах начиная с Директории и кончая правительством Луи Филиппа, известный мастер политической интриги.

обязать немцев не перебрасывать войска с Восточного фронта на Западный. На самом деле это была тщетная надежда. Распад российских армий к этому времени стал фактом, а не юридической формальностью. В этом случае никакой клочок бумаги, особенно подписанный беспомощными в военном отношении большевистскими лидерами, не смог бы удержать немцев от действий, рассматриваемых ими как жизненно важных для ведения войны: а именно переброски максимального количества сил с востока на запад в строгом соответствии с развитием военных реалий. Но ситуация была отчаянной, и следовало использовать любую возможность, какой бы отдаленной от действительности она ни казалась. Соответственно, генерал Джадсон сделал это предложение Вашингтону. По состоянию на 25 ноября Джадсон так и не получил ответа из Вашингтона. Теперь, когда нота Троцкого была передана правительствам союзников, а до германо-советских переговоров о перемирии оставалось всего несколько дней, беспокойство Джадсона по поводу хода событий перешло в острую тревогу.

Вечером в субботу, 24 ноября, у генерала Духонина, так и пребывающего в Могилеве, состоялся телефонный разговор с генералом Марушевским²¹, начальником Генерального штаба в Петрограде. Следует помнить, что оба этих офицера принадлежали к военным старой царской формации, а не к большевикам (Духонина вскоре варварски растерзали солдаты, Марушевский был заключен в тюрьму). Они по-прежнему пользовались военными линиями связи, естественно под строгим контролем коммунистических комиссаров, тщательно отслеживающих их разговоры.

В ходе этой беседы Духонин между прочим заметил, что получил «коммюнике правительства Вашингтона, в котором излагается взгляд на текущие события в России», и спросил, знает ли об этом Марушевский. Получив отрицательный ответ, он зачитал по телефону сообщение, на которое ссылался. Очевидно, это была информация, полученная Духониным по радиотелеграфу. Как выяснилось, она основывалась на репортаже корреспондента «Нью-Йорк таймс» в Вашингтоне, опубликованная 21 ноября. Суть его, как вскоре станет ясно, заключалась в том, что американское правительство объявило о «...прекращении дальнейших поставок военных припасов и провизии в Россию, пока в ней не прояснится правительственная ситуация» (Журнал «Красный архив». Т. 23, ст. «Накануне перемирия», включающая стенографическую запись разговора).

Духонин просил передать содержание этого документа заместителю военного министра генералу Маниковскому²² (также пока не замененному). Марушевский ответил, что немедленно передаст информацию по телефону в Смольный, «поскольку наш разговор отслеживается комиссаром, назначенным для этой цели». На следующий день адъютант Марушевского, полковник Дурново, принес Джадсону текст коммюнике. Ссылаясь на протест военных представителей союзников в штаб-квартире, Дурново указал (ошибочно приписывая заявления Духонину), что «...неспособность Америки протестовать, когда это делали другие, произвела плохой эффект и создала неопределенность в умах некоторых, которую было крайне важно немедленно устранить». Дурново предположил, что, если Джадсон направит официальное сообщение советскому правительству в соответствии с перехваченным коммюнике, это будет полезно для дела русских офицеров в штабе и, следовательно, для повышения шансов на продолжение войны.

Генерал Джадсон, возможно, мог бы просто отказаться от этого предложения, сообщив Дурново об инструкции, которую направил Керту накануне, предписывая последнему выра-

²¹ Марушевский Владимир Владимирович (1874–1951) – офицер Русской армии, создатель регулярных русских Вооруженных сил Северной области, был арестован 20 ноября 1917 г. по постановлению СНК по обвинению в переговорах, направленных против советской власти. 1 декабря 1917 г. был освобожден под честное слово и вскоре бежал в Финляндию.

²² Маниковский Алексей Алексеевич (1865–1920) – генерал от артиллерии (1916), временно управляющий военным министерством Временного правительства (1917), начальник Артиллерийского управления и Управления снабжения Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

зять отдельный протест. Но Джадсон жаждал позитивных действий и выбрал третий вариант, написав письмо следующего содержания:

«Начальнику российского Генерального штаба, Петроград.

До моего сведения было доведено следующее сообщение для прессы из Соединенных Штатов:

„Американское правительство объявило, что никакие поставки военных припасов и провизии в Россию осуществляться не будут до тех пор, пока не будет установлена ситуация в этой стране. Правительство, прежде чем разрешить экспорт американских товаров, хочет знать, в чьи руки они попадут в России. Экспорт в Россию будет возобновлен только после формирования устойчивого правительства, которое может быть признано Соединенными Штатами, но, если большевики останутся у власти и осуществят свою программу заключения мира с Германией, нынешнее эмбарго на экспорт в Россию останется в силе. Кредиты Временному правительству на сегодняшний день составляют 325 миллионов долларов, из которых 191 миллион уже выделен, и большая часть этих денег уже потрачена на закупку припасов, готовых к погрузке. Суда, выделенные Америкой для перевозки этих грузов, готовы к отплытию, но не получают разрешения покидать порты, и им будет отказано в угле“.

Мне приходит в голову, что было бы справедливо довести до вашего превосходительства то обстоятельство, что ни я, ни американский посол до сих пор не получили от Соединенных Штатов Америки инструкций или информации, аналогичной той, которая содержится в процитированном выше сообщении для прессы. Тем не менее представляется справедливым выразить вашему превосходительству мнение, что сообщение правильно излагает позицию правительства Соединенных Штатов. Мы ежедневно ожидаем получения аналогичной информации. Прежде чем послать вам это сообщение, я отправил его в американскому послу, который согласен с содержащимися в нем выражениями.

Я пользуюсь возможностью, чтобы вновь заверить ваше превосходительство в моем высоком уважении.

(Подпись) *У.В. Джадсон*, бриг. генерал армии США, американский военный атташе, глава американской военной миссии в России».

(Текст взят из доклада Джадсона начальнику международного отдела Военного министерства от 16 марта 1918 г.)

Вот таким любопытным образом корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Вашингтоне стал автором первого официального заявления о политике Соединенных Штатов, сделанного советскому правительству.

Копия этого письма была затем передана послу одним из подчиненных Джадсона, и его содержание получило одобрение (Фрэнсис, по-видимому, не отправил копию сообщения Джадсона в Госдепартамент и даже не проинформировал последний о его отправке и собственном положительном отзыве). По этому поводу в своем дневнике Джадсон написал следующее: «Мы не совсем потеряли надежду на успех Духонина и Ставки. Было очевидно, что такое письмо немедленно поставило бы нас в один ряд с нашими союзниками... Генерал Марушевский, которому письмо было передано, выразил крайнее удовлетворение его содержанием» (Дневниковая запись Джадсона от 10 декабря).

Письмо, после получения Марушевским, было немедленно передано Троцкому, который, очевидно, воспринял его как подготовленное дипломатическое сообщение советскому правительству и сразу же довел его до сведения своих коллег. Хотя у нас есть лишь косвенные свидетельства советской реакции, логика подсказывает нам, что это послание должно было вызывать большой интерес, но со смешанными чувствами. Письмо не могло быть истолковано большевистскими лидерами иначе, как предупреждение о том, что если они будут упорствовать в своей мирной программе, которой уже были привержены самым серьезным и бесповоротным образом, то лишатся кредита в размере 137,7 миллиона долларов, первоначально предостав-

ленного правительству Керенского и далеко не исчерпанного к моменту его свержения. С другой стороны, в письме говорилось, что американский посол согласен «с содержащимися в нем выражениями и оно было подписано Джадсоном в его качестве военного атташе и главы военной миссии».

Разве это не было шагом к установлению нормального дипломатического контакта между американским посольством и советским режимом? Советские лидеры, должно быть, задавали себе этот вопрос. И письмо, возможно, подсказало им, что правительство Соединенных Штатов было серьезно встревожено советским мирным шагом и готово заплатить цену – по меньшей мере 137,7 миллиона долларов, чтобы его предотвратить.

Подход Джадсона в любом случае был слишком запоздалым и уже не мог повлиять на советское предложение о перемирии. К вечеру воскресенья, 25 ноября, когда письмо было доставлено Троцкому, новый советский главнокомандующий Крыленко уже прибыл на фронт и был занят отправкой делегации из трех парламентариев к немецким позициям около Двинска под белым флагом и в сопровождении горниста. Переговорщики, двое из которых входили в состав солдатского комитета, достигли немецких позиций в темноте раннего утра в понедельник, 26 ноября. С завязанными глазами их доставили на ближайший немецкий командный пункт, а оттуда в штаб дивизии генерала фон Гофмайстера²³. Они были приняты генералом в 18:20 вечера того же дня. Следует отметить, что уже тогда система связи в немецкой армии функционировала на весьма высоком уровне. Полтора часа спустя генерал Гофмайстер получил разрешение из Берлина на продолжение переговоров и уже в 00:20 вторника, 27 ноября, смог передать советским эмиссарам письменное сообщение о том, что немецкий командующий на Восточном фронте генерал Гофман²⁴ уполномочен вступить в регулярные переговоры о перемирии. Было решено, что переговоры состоятся в штаб-квартире генерала Гофмана в Брест-Литовске. Датой начала было назначено 1 декабря (позже изменено на 2 декабря). Получив этот ответ, эмиссары Крыленко отправились в обратный путь. К полудню вторника, 27 ноября, они вернулись в пределы русских позиций, и в Петроград отправилось донесение о том, что немцы готовы вести дело.

Тем временем советские власти, ожидая возвращения своих парламентариев, были сильно раздражены и встревожены, узнав о ноте протеста, направленной Духонину представителями антигерманской коалиции 23 ноября.

Преисполненные решимости усилить контакт между военными чиновниками альянса и офицерами старого режима, а также перенести место подобных дискуссий в Петроград, большевистские лидеры предприняли две меры. В субботу, 24 ноября, они передали в армию новое обращение, подписанное Троцким и призванное нейтрализовать эффект союзнической ноты. Начиналось оно со слов: «Ко всем полковым, дивизионным, корпусным и армейским комитетам, ко всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Всем, Всем, Всем!» Обратив внимание на тот факт, что Духонин распространил ноту союзников по воинским частям вдоль всей линии фронта, Троцкий указал, что в ноте, хотя и выражался протест против сепаратного перемирия между Германией и Россией, фактически не было ответа на советское предложение о заключении всеобщего перемирия на всех фронтах. Он обвинил военных представителей союзников в том, что, направив подобную ноту офицеру, который был уволен за неподчинение, они совершили «вопиющее вмешательство во внутренние дела нашей страны с целью развязывания Гражданской войны».

²³ Эдуард фон Гофмайстер (1852–1920) – германский военный деятель, генерал-лейтенант, в ноябре 1917 г. принимал участие в переговорах о прекращении огня.

²⁴ Гофман Макс (1869–1927) – германский военный деятель, генерал-майор, с сентября 1916 г. – командующий германскими войсками на Восточном фронте, с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. фактический глава германской делегации во время мирных переговоров в Брест-Литовске.

Несправедливость этого упрека очевидна. Духонину, как мы видели, было приказано продолжать работу до тех пор, пока не прибудет его преемник. Нет никаких исторических свидетельств, что Крыленко прибыл в штаб Духонина раньше 3 декабря. Кроме того, хотя представители союзников и были осведомлены о произошедшем, они не получали никакого официального уведомления об увольнении Духонина. 26 ноября советский военный комиссар Крыленко издал официальный приказ, объявляющий Духонина «врагом народа» и требующий ареста всех, кто его поддерживает, но приказ был опубликован только 28 ноября (телеграмма № 2037 от 28 ноября 1917 г. от Фрэнсиса в Госдепартамент), а союзники представили свои протесты еще 23-го числа.

Затем Троцкий продолжил оспаривать выдвинутые обвинения, что советское правительство нарушило договорные обязательства России:

«Как только Совет народных комиссаров начал свое существование, он сразу публично заявил, что Россия не связана старыми договорами, которые были заключены за спиной народа в интересах буржуазных классов России и союзных стран. Любая попытка оказать давление на революционное советское правительство посредством устарелых и мертвых договоров обречена на плачевный провал. Оставляя в стороне угрозы, которые не могут отвлечь нас от борьбы за честный демократический мир, мы хотим заявить, что республиканское правительство в лице Совета народных комиссаров предлагает не сепаратный, а всеобщий мир, и при этом оно чувствует, что выражает истинные интересы и желания не только российских масс, но и всех воюющих стран.

Солдаты! Рабочие! Крестьяне! Ваше советское правительство не позволит иностранной буржуазии занести дубинку над вашими головами и снова отправить на бойню. Не бойтесь их. Измученные народы Европы на вашей стороне. Все они просят о немедленном мире, и наш призыв к перемирию подобен музыке для их ушей. Народы Европы не позволят своим империалистическим правительствам причинить вред русскому народу, который не виновен ни в каком преступлении, кроме желания иметь мир и утвердить народное братство. Пусть все знают, что солдаты, рабочие и крестьяне России свергли правительства царя и Керенского не только для того, чтобы стать пушечным мясом для союзных империалистов.

Солдаты! Продолжайте борьбу за немедленное перемирие. Изберите своих делегатов на переговоры. Ваш главнокомандующий прапорщик Крыленко сегодня отправляется на фронт, чтобы взять на себя руководство переговорами о перемирии.

Долой старые секретные договоры и дипломатические интриги!

Да здравствует честная и открытая борьба за всеобщий мир!»

Это обращение вместе с текстом нот, врученных Духонину французскими, британскими и итальянскими военными представителями, было незамедлительно опубликовано в петроградской прессе. Генерал Джадсон находился в потрясенном состоянии, поскольку обращение Троцкого резко противоречило его мнению, что следует придерживаться дружеского подхода к большевикам и работать вместе с ними, а не против них в вопросе перемирия.

Во вторник, 27 ноября, к 15:00 главы военных миссий союзников и военные атташе были вызваны в штаб-квартиру старого российского Генштаба, где им вручили дополнительное сообщение от Троцкого, которое следовало передать своим послам. Текст этого сообщения, переданный по телеграфу в Вашингтон Фрэнсисом, в дополнительных комментариях не нуждается:

«1. Как свидетельствуют все наши шаги, мы стремимся к общему, а не отдельному перемирию. К сепаратному перемирию нас могут принудить наши союзники, если они закроют глаза перед фактами.

2. Мы готовы в любой момент с любыми представителями союзников провести переговоры о немедленном заключении перемирия. Мы не требуем парламентского „признания“.

Достаточно того, что нас признает народ. Мы хотим деловых переговоров и оставляем за собой право публиковать протоколы для всеобщего сведения.

3. То негативное отношение, с которым наша мирная инициатива встречена со стороны нескольких правительств альянса, ни в коей мере не может изменить курс нашей политики.

Союзники должны ответить: готовы ли они начать переговоры о немедленном перемирии с целью заключения мира и соблюдения демократических принципов? Согласны ли они поддержать нашу инициативу в этом направлении? Требуют ли они других мер? Если да – то какого рода?

До тех пор, пока союзные правительства отвечают голым „непризнанием“ нас и нашей инициативы, мы будем следовать своим собственным курсом, обращаясь сначала к правительствам, а потом к их народам. Если результаты этих призывов приведут к сепаратному миру, чего мы не хотим, ответственность полностью ляжет на правительства членов Альянса. *Троцкий*. (Текст воспроизведен по телеграмме Фрэнсиса в Госдепартамент № 2034 от 27 ноября 1917 г.)

Причина столь поспешного доведения этого сообщения до союзников уже 27 ноября, вероятно, заключалась в желании предвосхитить объявление о заключении предварительных договоренностей с немцами, известие о которых в то время только что достигло Смольного. Это сообщение произвело глубокое впечатление на Джадсона не меньше, чем первое. Особенно его поразил тезис о том, что советские лидеры были против идеи сепаратного перемирия. В тот же день (27 ноября) у Джадсона состоялась продолжительная беседа с Рэймондом Робинсом, который убеждал его, что большевики еще какое-то время пробудут у власти, что только они среди российских политических фракций «обладают мужеством» и со временем станут более консервативными и что только они фактически ведут эффективную антинемецкую пропаганду. Наконец, в тот же день генерал получил известие (предположительно вытекающее из того же разговора между Троцким и Робинсом), что его письмо Марушевскому было плохо воспринято большевиками и произвело, пожалуй, эффект, совершенно противоположный тому, на который рассчитывал сам Джадсон.

Встревоженный всеми новыми впечатлениями, генерал всерьез забеспокоился, что советские лидеры начнут уклоняться от дальнейших контактов. «В России было необходимо, – объяснял он позже, – быстро приспособляться к меняющимся условиям. К 27 ноября, не раньше, мне стало совершенно очевидно, что большевики останутся [у власти], и... что бы мы о них ни думали, они в состоянии решить многие вопросы, которые, возможно, жизненно повлияли бы на исход войны. Факты остаются фактами, поэтому следует встретиться лицом к лицу с неизбежным и извлечь из этого максимум пользы. Почему. мы должны. играть в игру [немцев], проводя политику намеренного отказа от общения, отчужденности и недружелюбия?»

Придя к этой точке зрения, так сильно отражавшей красноречивые убеждения Робинса, 27 ноября Джадсон снова сел за стол и написал (опять же с молчаливого согласия посла) второе письмо Марушевскому, очевидно призванное успокоить советских лидеров об отношении к ним со стороны Соединенных Штатов:

«Ссылаясь на мое письмо от 25 ноября 1917 года, касающееся цитаты из сообщений американской прессы, я хочу сказать, что ничто в нем не должно быть истолковано как указание на то, что мое правительство отдает предпочтение успеху в России какой-то одной политической партии перед другой. Американцы питают величайшую симпатию ко всему русскому народу в той сложной ситуации, в которой он оказался, и не желают вмешиваться, но лишь желают помочь в решении любой российской проблемы. Их симпатии распространяются на все слои русского народа. Американские представители проинформированы о том, что ни одна значительная часть российского народа не желает немедленного сепаратного мира или перемирия, но постановка вопроса о всеобщем мире, особенно учитывая положение, в котором сейчас находится Россия, безусловно, находится в пределах ее прав.

Нет никаких причин сомневаться, что отношение союзников к России или к каким-либо отдельным партиям должно основываться на чем-либо ином, кроме как на самом дружественном фундаменте» (Рукописи Джадсона, отчет от 16 марта 1918 г.; содержит визу Фрэнсиса: «Никаких возражений против»).

Второе письмо Джадсона, как и первое, было немедленно отправлено Троцкому. Нет никаких письменных свидетельств о советской реакции. Троцкий ответил устно (без сомнения, через Гумберга и Робинса), что «генералу предложено продолжить общение, если он пожелает, либо письмом, либо лично». И снова в Государственный департамент не было отправлено ни одной копии этого документа, а сам Госдеп не был уведомлен о его отправке. Однако советские лидеры вполне могли предположить, что за этим письмом стоит нечто большее, чем было на самом деле. Копию этого письма не имело даже военное министерство. Во всяком случае, тщательный поиск в его архивах в 1930 году ничего подобного не выявил. Приведенный здесь текст был найден в англо-французском переводе в штабе Духонина, а затем опубликован в журнале «Красный архив» в статье «Накануне перемирия» (т. 23). В официальной истории советской дипломатии, вышедшей двадцать восемь лет спустя, говорится, что к этому письму отнеслись как к «официальному заявлению», при этом утверждалось, что Джадсон говорил «от имени своего правительства» (Хвостов В.М., Минц И.И. История дипломатии. М., 1945). Поскольку советские историки делали свои выводы из советских источников, можно предположить, что и Троцкий был также введен в заблуждение.

Тем временем подполковник Керт, несколько отстающий от стремительного хода событий, 27 ноября наконец обратился к Духонину в соответствии с инструкциями, отправленными ему Джадсоном 22-го числа со своим независимым протестом против сепаратного перемирия: «В соответствии с самыми официальными инструкциями моего правительства, только что переданными мне послом Соединенных Штатов в Петрограде, я имею честь сообщить вам, что, поскольку Соединенные Штаты Америки и Россия фактически объединены в войне, являющейся, по сути, борьбой демократии против самодержавия, мое правительство категорически и решительно протестует против любой формы сепаратного перемирия, которое может быть заключено Россией».

Несмотря на то что этот протест позиционировался как официальное заявление Вашингтона (который никогда не давал подобных инструкций), Госдепартамент даже не имел его аутентичного текста. В отличие от британской, французской и итальянской нот это заявление не содержало угрожающих формулировок, оно еще больше обострило советские настроения. Кроме того, факт его вручения Духонину, а не советскому правительству вызвал подозрение, что цель протеста заключалась в завуалированной поддержке Духонина в его сопротивлении советской власти. Его текст опубликовали в газете «Известия» 1 декабря вместе с аналогичным протестом, независимо переданным Духонину французским военным представителем. Публикация этих двух сообщений сопровождалась заявлением Троцкого, в котором выражалось недовольство тем, что два военных представителя «сочли возможным направить официальные документы бывшему Верховному главнокомандующему генералу Духонину, смещенному Советом народных комиссаров за неподчинение Советскому правительству». Обвинив военных представителей в призывах Духонина проводить политику, противоречащую политике правительства, Троцкий продолжил: «... С таким положением дел нельзя мириться. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советского правительства, но в то же время Советское правительство, несущее ответственность за судьбу страны, не может позволить дипломатам союзников и военным агентам с какой-либо целью вмешиваться во внутреннюю жизнь нашей страны и пытаться раздувать гражданские войны. Дальнейшие шаги в том же направлении немедленно спровоцируют серьезные осложнения, ответственность за которые Совет народных комиссаров заранее брать на себя отказывается». Помимо этой неудачной коннотации письма Керта, дело осложнялось тем фактом, что новости об этом дошли до

Троцкого как раз в то время, когда он получил от Марушевского второе письмо Джадсона. Сам генерал позже утверждал, что между этими двумя событиями не существовало какого-либо несоответствия, просто эти бумаги были написаны в условиях быстро меняющейся ситуации. Однако Троцкий, не упускающий ни одной пропагандистской возможности, заявил, что хотел бы знать, каким образом они сочетаются. Выступая на заседании Петроградского совета, состоявшемся на той же неделе, он заметил, что союзники, «по-видимому, находятся в состоянии крайнего замешательства», и заявил, что только это может объяснить одновременное появление двух документов, опубликованных в «Правде», – письменного заявления Керта генералу Духонину и письма его начальника Джадсона Марушевскому, – полностью противоречащих друг другу.

Ближе к полуночи 27 ноября Робинсу позвонили из Смольного и сообщили, что предварительные советско-германские переговоры о перемирии прошли успешно, военные действия подошли к концу, а начало официальных переговоров о перемирии запланировано на 2 декабря. «Карта бита, – записал Робинс в своем дневнике. – Игра проиграна!» (Рукописи Робинса, дневниковая запись от 27 ноября 1917 г.).

В среду, 28 ноября, эта новость была опубликована в утренних газетах в полном объеме. Она сопровождалась текстом нового обращения, подписанного Лениным и Троцким, к пролетариату воюющих стран. В нем, ссылаясь на успех предварительных переговоров и прекращение военных действий на Восточном фронте, большевистские лидеры снова призывали, на этот раз в самых простых выражениях, к действиям пролетариата союзных стран против своих собственных правительств:

«Правительство победившей революции не требует признания от официальных представителей капиталистической дипломатии, но мы спрашиваем у народных масс: „Выражает ли реакционная дипломатия их идеи и чаяния? Готовы ли они позволить дипломатам упустить великую возможность для мира, предоставленную русской революцией?“ Ответ на эти вопросы должен быть дан без промедления, и это должен быть ответ на деле, а не только на словах. Российская армия и русские люди больше не могут ждать и не желают этого делать. Если союзные страны не посылают своих представителей на переговоры, мы будем вести переговоры с немцами наедине. Мы хотим всеобщего мира, но если буржуазия в союзных странах вынудит нас заключить сепаратный мир, вся ответственность ляжет на них...»

Мы ждем ваших представителей! Действуйте, не теряйте зря ни часа!»

Докладывая своему правительству о содержании этого обращения (но не приводя его текст), Фрэнсис заявил – без сомнения, по настоянию Джадсона, – что если сепаратный мир будет заключен и вступит в силу, противостоящие армии должны сохранять статус-кво, то есть нельзя допустить переброски немецких войск на Западный фронт. Если он не получит указаний об обратном, то «предложит запросить встречу глав миссий союзников и посоветует своим коллегам неофициально направить военных атташе к советским властям и дать эту рекомендацию тем, кто уполномочен вести переговоры о перемирии» (телеграмма № 2039 от 28 ноября 1917 г.).

На следующий день, 29 ноября, пришелся День благодарения. Американцы в Петрограде отложили на время свои дипломатические проблемы, чтобы дружески отметить праздник. Его официальная часть завершилась проповедью пастора преподобного Дж. Саймонса²⁵ на тему «Твое благодарение в трудные времена». Во второй половине дня посол провел прием для 250 американцев, все еще остававшихся в городе, и нескольких российских гостей. Прием еще продолжался, а посол уже получил новое сообщение от Троцкого, разосланное всем главам

²⁵ Саймонс Джордж Альберт (1874–1952) – религиозный деятель русского зарубежья, основатель «Первого методистского епископального общества» в Санкт-Петербурге, после революции переехал в г. Ригу, где принимал активное участие в работе с русскими эмигрантами.

союзнических миссий, информирующее – на этот раз официально, – что германское Верховное командование дало согласие на начало переговоров о «немедленном перемирии на всех фронтах с целью заключения демократического мира без аннексий и контрибуций с правом всех наций на самоопределение». Троцкий подтверждал, что военные действия на русском фронте приостановлены, а первичный этап переговоров начнется 2 декабря. Из сообщения следовало, что Совет народных комиссаров продолжает выступать за одновременные переговоры всех союзников. Правительствам всех стран было предложено сообщить, желают ли они принять участие в переговорах, начало которых запланировано на 17:00 указанной выше даты. Сообщение Троцкого, информативное по сути и не содержащее ничего провокационного, было передано Фрэнсисом в Госдепартамент и не имело никаких дополнительных рекомендаций посла (телеграмма № 2040 от 29 ноября 1917 г. через американскую миссию в Стокгольме).

На следующее утро после Дня благодарения (пятница, 30 ноября) дух благодарности быстро уступил место разногласиям в связи с грядущей неопределенностью ситуации. Споры сосредоточились вокруг целесообразности вхождения Джайсона в контакт с советскими властями, чтобы попытаться повлиять на условия договора о перемирии. Этот вопрос обсуждался на дневной встрече непосредственно в кабинете посла, на которой присутствовали сам Фрэнсис, советник посольства Батлер Райт, генерал Джайсон, Рэймонд Робинс и Эдгар Сиссон. Для Сиссона, который только что прибыл в Петроград, это стало первым участием в обсуждениях подобного рода. До начала переговоров оставалось всего два дня, и Джайсону не терпелось без промедления посетить Троцкого, чтобы убедить Советы настаивать на включении в договор, на каких бы то ни было условиях, положений, запрещающих удаление германских войск с Восточного фронта. Однако генерал не хотел совершать такой визит без личного одобрения посла. Остальные присутствующие поддерживали Джайсона, пытаясь заставить колеблющегося старого джентльмена дать свое согласие.

Атмосферу этой дискуссии можно лучше всего представить, если принять во внимание существующие свидетельства о личных отношениях Фрэнсиса (по крайней мере в то конкретное время) с четырьмя высокопоставленными лицами, присутствовавшими на встрече, – с Джайсоном, Робинсом, Сиссоном и Райтом. Первые трое, как мы видели, были несколько удалены непосредственно от посольской канцелярии. Все они получали инструкции от своих ведомств в Вашингтоне, но ни в одном случае сам Вашингтон не потрудился установить четкие границы компетенции и полномочий между ними и послом.

Как было указано выше, генерал Джайсон занимал две объединенные должности – военного атташе и главы американской военной миссии. Это ставило его в странное положение – с одной стороны, он, безусловно, был подчиненным посла, с другой – было сомнительно, что он таковым является. Его личные контакты с советскими властями уже стали болезненным и спорным вопросом между ним и послом. Это противостояние возникло незадолго до 19 ноября, когда Джайсон вместе с французским и британским военными атташе посетили коменданта Петроградского округа и совместно обсудили вопросы, касающиеся охраны иностранных дипломатических представительств в столице. «Я не знал об этом, – пожаловался Фрэнсис госсекретарю, – до тех пор, пока советская охрана уже не была выставлена. Когда я был проинформирован, выразил свое недовольство и отменил охрану, поскольку... это могло быть расценено как признание правительства Ленина-Троцкого» (из письма Фрэнсиса Лансину от 20 ноября). Этот вопрос стал предметом обсуждения между послом и военным атташе 19 ноября, и, по-видимому, оно происходило не в самой дружеской манере. Свое понимание этого вопроса Джайсон впоследствии выразил в служебной записке Фрэнсису, заканчивающейся словами: «Вы хотите, чтобы я воздерживался от контактов со Смольным по таким тривиальным вопросам, как телефонная связь, охрана и тому подобное?» На это генерал получил не менее жесткий ответ посла, совершенно ясно показывающий напряженность и отсутствие взаимопонимания: «...Когда я попросил вас посоветоваться со мной перед таким общением, вы сказали, что могут

возникнуть чрезвычайные ситуации, которые не дадут вам времени посоветоваться. Мой ответ подразумевал, что я нахожусь в посольстве и доступен в любое время» (служебная записка от Фрэнсиса Джадсона, 20 ноября).

В дополнение к общей нервозности посла по поводу контактов Джадсона с советскими властями следует иметь в виду еще одно неприятное обстоятельство, влияющее на отношения между двумя мужчинами. 21 ноября, на следующий день после «охранного» конфликта, посол находился в подавленном и взбешенном состоянии одновременно, получив из Государственного департамента телеграмму относительно мадам де Крам. Департамент сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, мадам де Крам работает в каком-то качестве в посольстве. Поскольку у департамента есть основания подозревать эту женщину в шпионаже, Фрэнсису предписывалось предпринять немедленные шаги, чтобы разорвать ее связь с посольством. Сообщение заканчивалось предупреждением о том, что «мадам де Крам не следует разрешать никакого доступа к секретной информации» (Национальный архив, телеграмма от Лансинга Фрэнсису 14 ноября; получена Фрэнсисом 21 ноября). Когда Райт положил на стол посла расшифрованную телеграмму, тот пришел в ярость. Он был уверен, что эта бумага была результатом доноса кого-то из его ближайшего окружения. Скорее всего, в качестве главного подозреваемого выступал Джадсон (причем совершенно неоправданно). Генерал, сильно переживающий из-за ситуации с де Крам, был единственным подчиненным Фрэнсиса, которому хватило смелости сказать послу в лицо все, что он об этом думает. Его военная прямота вполне могла навлечь на него ничем не заслуженное подозрение. С гневом и изумлением 24 ноября Фрэнсис отправил в Госдепартамент ответ с требованием оснований для подобных инсинуаций. На момент совещания, 30 ноября, ответа Госдепа еще не поступило, и посол кипел от негодования и подозрительности. День или два спустя он получил телеграмму из Вашингтона, в которой просто говорилось, что информация «поступила из нескольких источников, которые считаются надежными» (Национальный архив, телеграмма № 1872 Лансинга Фрэнсису, 30 ноября).

Отношения посла с Робинсом были едва ли менее туманными, чем с Джадсоном. Теперь он возглавлял Комиссию Красного Креста вместо покинувшего 27 ноября Петроград Томпсона, и следует помнить, что посол с самого начала был против создания этой комиссии как таковой. Как умный человек, он прекрасно отдавал себе отчет, что его руководство никогда не относилось к нему с полным доверием и не давало полной информации о своей деятельности.

Робинс встречался с Троцким уже в первые два или три дня после большевистского переворота и с тех пор продолжал поддерживать с ним связь через Гумберга. Очевидно, именно он подтолкнул Джадсона к тому, чтобы тот написал второе письмо Марушевскому с вполне конкретной политической целью, о чем посол не был проинформирован. Но это было еще не самое худшее. По имеющимся свидетельствам, Робинс виделся с Троцким в день совещания у посла 30 ноября и беседовал с большевистским лидером именно по поводу писем Джадсона, однако ни словом не обмолвился об этой беседе, несмотря на ее очевидное отношение к обсуждаемой теме. Доказательства этой встречи можно найти в следующем отрывке из речи, произнесенной Троцким позже в тот же день перед Петроградским советом: «Сегодня у меня здесь, в Смольном, были два американца, тесно связанные с американскими капиталистическими элементами, которые заверили меня, что отношение к нам Соединенных Штатов правильно отражено в письме Джадсона, а не Керта. И я склоняюсь к тому, что они правы. Не потому, конечно, что верю в платоническую симпатию к русскому народу, в которой американские империалисты хотят меня убедить. Дело в том, что после всего, что произошло за последние несколько дней, американские дипломаты понимают, что не могут победить русскую революцию, и поэтому хотят вступить с нами в дружественные отношения, рассчитывая, что это будет отличным средством конкуренции с немецкими, а особенно с британскими капиталистами после войны. Во всяком случае, нас ни в малейшей степени не интересует отношение

к нам империалистов-союзников или империалистов-врагов. Мы будем проводить независимую классовую политику, невзирая на их отношение к нам, и я упоминаю о сделанных заверениях только потому, что вижу в них симптом непоколебимых сил русской революции и ее правительства».

Трудно представить, кто могли бы быть эти «два американца, тесно связанные с американскими капиталистическими элементами», если не Робинс и Гумберт. Если эта гипотеза верна и мы поверим словам Троцкого, то можно отметить, что Робинс без колебаний проинформировал большевистского лидера об истинной позиции Соединенных Штатов, что являлось исключительной прерогативой Фрэнсиса. Кроме того, стоит отметить, что Троцкий в своем публичном заявлении зафиксировал скептицизм по поводу симпатий визитеров к русскому народу, объяснив готовность двух американцев идти на контакт мотивами империалистической коммерческой жадности, и использовал факт этой встречи как доказательство растущего авторитета советского правительства.

В телеграмме, отправленной в Вашингтон на следующий день, после того как текст выступления Троцкого появился в газетах, Фрэнсис довольно патетично заявил, что «пытался выяснить», кто были те два американца, осмелившиеся говорить от имени правительства Соединенных Штатов, «от чего я воздерживаюсь до сих пор» (телеграмма № 2049 от Фрэнсиса Лансину 1 декабря). Наивно предполагать, что у него могли возникнуть какие-либо вопросы относительно личностей, посетивших Троцкого, несмотря на отсутствие прямых доказательств. Разумно допустить, что Джадсон был знаком с обстоятельствами этого визита хотя бы потому, что неизвестные американцы отважились сообщить Троцкому, какому из двух взаимоисключающих материалов следует верить. Все эти обстоятельства указывают на трагическое состояние взаимной подозрительности и отсутствия откровенности в американском официальном сообществе: военный атташе и глава Миссии Красного Креста, очевидно, скрывали от посла встречи и обсуждения, происходящие с советским наркомом иностранных дел, а послу, имеющему доказательства происходящего за его спиной, оставалось только гадать о причинах возникновения подобных контактов.

Что же касается Сиссона, то он прибыл в Петроград всего пять дней назад. Он был, напомним, представителем Комитета по общественной информации, а не учреждения Лансинга. Как предполагалось, Сиссон отвечал за всю информационную и пропагандистскую деятельность правительства Соединенных Штатов в России, то есть функцию сугубо политического характера, чрезвычайно трудно отделяемую от обычных дипломатических обязанностей сотрудника Государственного департамента. Сиссон нанес визит послу сразу же в день прибытия в Петроград, но с тех пор не возвращался в посольскую канцелярию вплоть до совещания 30 ноября. Обидчивый старый джентльмен не преминул отметить этот факт с подозрением и неодобрением. Четыре дня спустя, как мы увидим, Сиссон предпринял неуклюжую и безуспешную попытку добиться смещения Фрэнсиса с должности. Сиссон пришел на совещание 30 ноября, уже будучи убежденным сторонником Робинса и Джадсона, с которыми часто встречался. В ходе встречи он даже зашел так далеко, что упрекнул посла в бездействии, «ведущего нас к гибели». Это обвинение, исходящее от высокопоставленного новичка на петроградской сцене, безусловно, задело Фрэнсиса за живое и побудило к быстрому и решительному ответу о персональной ответственности посла за происходящее, которой он ни с кем не собирается делиться.

Что же касается Райта, то его отношения с послом не задались с самого начала: напряженность и дискомфорт чувствовались во всем. Со стороны отношения между послом и советником посольства традиционно носили деликатный характер, поскольку Госдепартамент и военное министерство работали в тандеме и выполняли одни и те же функции и обязанности. В данном случае отношения были напряженными из-за того, что все знали о неосведомленности Фрэнсиса в тонкостях мира дипломатии. Кадровые офицеры, как правило, нервно крутились

вокруг посла, слишком явно демонстрируя свое беспокойство по поводу того, что он может сделать что-то опрометчивое и вследствие плохой информированности поставить в неловкое положение правительство. Другими словами, они выставляли себя истинными хранителями и толкователями интересов государства, обязанными защищать эти интересы от неопытности первого лица посольства. Такое отношение вызывало у Фрэнсиса чувство зависимости и унижения, от которого он время от времени пытался избавиться импульсивными независимыми действиями, продиктованными скорее желанием продемонстрировать свою власть, чем внутренними потребностями ситуации, и воспринималось им в духе возбужденного ликования непослушного мальчика. В этих случаях атмосфера в канцелярии становилась все более напряженной и обостренной, а за кулисами раздавался гул встревоженного и возмущенного шепота. По иронии судьбы, Райт, который был вынужден расшифровать телеграмму о мадам де Крам и отнести ее послу, а затем с уважением выслушать его громоподобные заявления о том, что он сделает с доносчиком, казался Фрэнсису человеком, который был более всех глубоко замешан в этой нелюбимой истории. Через день или два он обратился в Госдепартамент с просьбой об отпуске, но в связи с отказом будет вынужден проработать еще несколько недель на своей непростой должности первого помощника посла, а Джадсон заметит, что Госдепартамент узнал о деле с де Крам «через некоторых агентов, хорошо известных Райту» (из дневниковой записи Джадсона от 2 декабря).

Именно на таком печальном фоне, возникшем в американских официальных кругах, особенно с учетом того, что вашингтонское руководство оказалось не в состоянии работать с ними в унисон, Фрэнсис и его единомышленники встретились 30 ноября, чтобы обсудить проблему предполагаемого посещения Троцкого Джадсоном. Посла между тем разрывали сомнения. С одной стороны, он не возражал против встречи генерала в качестве представителя дипмиссии, но противился, чтобы тот шел к Троцкому как военный атташе. Джадсон же утверждал, что общественность в любом случае воспримет его как человека, возглавляющего военную миссию, но отказывался нанести визит даже в этом независимом положении без согласия посла. Фрэнсис допускал, что на встречу мог бы направиться кто-нибудь из военных подчиненных генерала, но тот настаивал только на личном посещении. Обсуждение закончилось безрезультатно и без четкого понимания окончательного решения, если таковое вообще существовало.

В тот же день Фрэнсис нашел время обсудить этот вопрос с другими послами союзников. Если бы оказалось возможным побудить их к параллельным действиям, его собственная ответственность за разрешение такого шага была бы менее обременительной. В этой связи он призвал своих дипломатических коллег предпринять «неофициальную попытку» повлиять на условия перемирия. «Мое намерение, – как объяснил Фрэнсис Госдепартаменту, – заключалось в... обеспечении гарантий сепаратного перемирия, если оно неизбежно, защитивших бы другие фронты, исключивших бы переброску на них немецких войск, противостоящих русской армии в настоящее время, а также предотвращающих массовое освобождение австро-германских и русских военнопленных» (из телеграммы № 2050 от 1 декабря 1917 г.).

Однако коллеги Фрэнсиса явно не пылали энтузиазмом. Они нисколько не возражали против того, чтобы американский посол предпринял этот шаг по собственной инициативе, но ни присоединяться, ни давать официального «благословения» не собирались.

Обедая тем же вечером в британском посольстве, Джадсон также высказал подобные мысли своим французским и британским военным коллегам. Британцы, по его словам, колебались и не желали брать на себя ответственность, французы же просто категорически возражали против такого визита. Выйдя из британского посольства (отъезд был несколько отложен из-за того, что проходящие мимо красногвардейцы неделикатно обошлись с его машиной), Джадсон около полуночи остановился у американского посольства, чтобы сообщить о своих наблюдениях Фрэнсису. «Ну и что вы теперь об этом думаете?» – поинтересовался посол, узнав о

реакции военных коллег Джадсона. Генерал дал понять, что все еще считает визит к Троцкому целесообразным. «Тогда продолжайте», – неопределенно вздохнул Фрэнсис.

В тот вечер Робинс завершил дневные записи в своем карманном ежедневнике пометкой: «Вопрос со Смольным закрыт». Не совсем ясно, что имел в виду Робинс, но есть все признаки того, что за спиной посла усердно «смазывались колеса», и Троцкий был прекрасно осведомлен о жарких дискуссиях американцев. Рано утром следующего дня, действуя на основании слов Фрэнсиса «тогда продолжайте», Джадсон попросил Сиссона (поскольку у него были «отношения со Смольным») организовать визит для одного из своих подчиненных, а не для него самого. До начала переговоров о перемирии оставался всего день, и Джадсон сходил с ума от нетерпения, опасаясь, что, возможно, уже слишком поздно, чтобы оказать какое-либо влияние на позицию советских участников переговоров. Спустя, как ему показалось, бесконечное время Сиссон вернулся и объявил, что встреча была назначена с переносом на один час, но только для генерала, а не для любого другого сотрудника военной миссии. Это последнее условие было внесено лично по настоянию Троцкого. Далее Сиссон сообщил, что снова виделся с послом и получил от последнего нечто вроде «зыбкого согласия».

В силу этих договоренностей визит генерала к Троцкому состоялся в тот же день 1 декабря. Это был первый политический контакт между официальным должностным лицом правительства Соединенных Штатов и советскими властями. Джадсон сразу предупредил Троцкого, что пришел как частное лицо, а не в официальном качестве, однако подчеркнул, что действует с согласия посла. Указав на общность интересов между правительствами России и Соединенных Штатов в отношении определенных аспектов проблемы перемирия, генерал настоятельно призвал Троцкого приложить усилия к тому, чтобы советские участники переговоров договорились об удерживании германских войск на существующих позициях. Если бы это было сделано, всеобщая война закончилась бы раньше и Россия бы получила больше прав отстаивать свои интересы на мирной конференции. Кроме того, Джадсон выразил надежду, что советское правительство откажется от обмена военнопленными.

Джадсон остался доволен реакцией Троцкого. «Троцкий оказался очень отзывчивым человеком, – писал Джадсон в своем официальном телеграфном отчете военному министерству. – Он намекнул, что советские принципы и стремление к миру предоставляют ему широкую свободу действий в переговорах о перемирии, и заявил о своей радости узнать, если я телеграфирую в Соединенные Штаты о его „соблюдении интересов союзников России и их защите“; далее он заявил, что поднятые мной вопросы ему понравились и он сам уже ими задавался, поэтому переговорщикам будут даны соответствующие инструкции» (из телеграммы в военное министерство от 1 декабря 1917 г.; Фрэнсис проинформировал Лансинга об этой телеграмме, в Госдепартаменте ее копию не получили, текст стал известен в 1930 г.).

На следующее утро в петроградских газетах появилась заметка Троцкого об этой встрече: «Вчера, 18 ноября [1 декабря], генерал Джадсон, глава американской военной миссии, посетил товарища Троцкого в Смольном. Генерал с самого начала дал ясно понять, что в настоящее время не имеет права говорить от имени американского правительства, поскольку советское правительство им еще не признано, но он пришел для того, чтобы завязать отношения, объяснить определенные обстоятельства и прояснить некоторые недоразумения. Генерал Джадсон поинтересовался, намерено ли новое правительство прекратить войну совместно с союзниками, которые, по словам генерала, вряд ли смогут принять участие в мирных переговорах 19 ноября [2 декабря]. Товарищ Троцкий кратко объяснил генералу политику советского правительства в отношении борьбы за всеобщий мир. Главным обстоятельством, подчеркнутым народным комиссаром иностранных дел, станет полная гласность всех будущих переговоров. Союзники смогут следить за каждым этапом развития мирных отношений и, следовательно, иметь возможность присоединиться к ним на любом более позднем этапе. Генерал Джадсон попросил разрешения передать ответ своему правительству и в заключение сказал: „Время

протестов и угроз в адрес советского правительства прошло, если такое время действительно когда-либо было».

Следует отметить, что в этом публичном заявлении Троцкий не упомянул о главной цели визита и ухитрился изобразить замечания Джадсона таким образом, чтобы создать впечатление сожаления генерала за записку Керту и ее отзыв. Эта неточность не беспокоила генерала. Как он отметил в своем дневнике, «...заявление Троцкого оказалось менее искаженным, чем я ожидал, однако я настойчиво убеждал, как только мог, никому не комментировать это несоответствие» (Рукописи Джадсона, из дневниковой записи от 2 декабря 1917 г.).

Отнюдь не отчаявшись в своей надежде оказать полезное влияние на советские власти, Джадсон воспользовался случаем в тот же день, чтобы отправить телеграмму Керту с инструкцией возвращаться в Петроград. По его мнению, изложенному в дневниковых записях, присутствие Керта в полевом штабе раздражало большевиков и осложняло его собственные отношения с Советами.

Заявления генерала Троцкому о переброске войск имели мало практического эффекта, поскольку фактически она началась еще до большевистской революции. В своем дневнике генерал Гофман рассказывал, что причина, по которой его войска не продвигались вперед в сентябре после взятия Риги и не перешли затем к взятию Петрограда, заключалась в том, что Людендорф²⁶ при всей своей воле больше не мог допустить недостаток войск на Западном фронте и в Австрии. Троцкий не обманул Джадсона, и большевики действительно поднимали этот вопрос на переговорах о перемирии – причем довольно энергично, – но немцы, полные решимости перебросить на Западный фронт столько войск, сколько они сочтут практически возможным, настаивали на формуле, которая фактически оставляла им полную свободу действий. Генерал Гофман, который вел переговоры от имени немецкой стороны, отмечал в своих мемуарах: «Русские придавали большое значение тому, чтобы прижать к Восточному фронту расквартированные там немецкие войска и помешать их переброске на Западный фронт. Нам было нелегко удовлетворить это требование. Еще до начала переговоров в Брест-Литовске был издан приказ о передислокации на запад основных сил Восточной армии. Поэтому я мог бы без труда признать перед русскими, что во время предполагаемого перемирия не произойдет никаких немецких перемещений, за исключением тех, которые уже были осуществлены или начаты».

Фрэнсис, очевидно, чувствовал себя смущенным последствиями визита генерала Джадсона, и его телеграммы отражали противоречивые чувства, с которыми он реагировал на этот вопрос. Он телеграфировал о состоявшейся встрече в Вашингтон в тот же день: «Сегодня Джадсон встречался с Троцким с моего одобрения». Но уже на следующий день, узнав о бурных комментариях, особенно в союзнических миссиях, воспринявших эту встречу шагом к признанию нового правительства, несколько изменил первоначальную версию: «Я согласился только на то, чтобы Джадсон послал на встречу своего подчиненного для обсуждения, и не был проинформирован, что генерал поехал к Троцкому самостоятельно до самого окончания визита» (из телеграммы № 2057 от 2 декабря 1917 г.). Несколькими днями позже Фрэнсис представил третью версию инцидента в длинной телеграмме, где описал произошедшие события и его собственную официальную реакцию на них: «Личный визит Джадсона к Троцкому был осуществлен без моего ведома и одобрения... о чем я и был вынужден заявить своим коллегам на встрече 5 декабря в ответ на их замечание, что союзники должны действовать совместно, а встреча Джадсона и Троцкого выходит за рамки взаимопонимания» (из телеграммы № 2081 от 9 декабря 1917 г.).

²⁶Эрих Фридрих Вильгельм Людендорф (1865–1937) – германский военный и политик, в Первую мировую войну – первый генерал-квартирмейстер и заместитель Гинденбурга.

Из вышесказанного видно, что визит Джадсона был расценен союзниками как нечто из ряда вон выходящее. Особенно выражали недовольство британцы вследствие обострения отношений с советскими властями из-за задержания в Англии двух русских коммунистов – Чичерина и Петрова. После их ареста Троцкий заявил, что ни одному британскому подданному не будет разрешено покинуть Россию до их освобождения. Вполне вероятно, что британское недовольство, вызванное встречей Джадсона с Троцким, было доведено до сведения Вашингтона через заметки в нейтральной прессе. В любом случае этот визит выявил серьезные разногласия в лагере союзников в вопросе политики по отношению к России. Реакция членов альянса была быстро подхвачена американскими газетчиками и, должно быть, произвела крайне неблагоприятное впечатление в Вашингтоне.

Новости о визите Джадсона достигли Вашингтона во вторник, 4 декабря, благодаря сообщениям прессы в утренних газетах. Первая телеграмма от Фрэнсиса пришла в тот же день чуть позже. На следующий день Лансинг поручил своему помощнику Уилхэму Филлипсу подготовить послание Фрэнсису с указанием «не предпринимать никаких шагов в отношении Ленина или Троцкого», а Государственный департамент опубликовал заявление для прессы о том, что и Джадсон, и Керт «действовали самостоятельно, вразрез с требованиями инструкции по представлению сообщений большевистскому правительству...». 6 декабря Госдепартамент получил сообщение от Фрэнсиса, в котором говорилось, что визит Джадсона состоялся без его согласия. В ответ послу была подготовлена и отправлена телеграмма со ссылкой на «сообщения прессы» о визите Джадсона и прямым указанием, чтобы американские представители в России «воздерживались от любых прямых контактов с большевистским правительством». Посла в довольно жесткой форме настоятельно попросили «посоветовать это Джадсону и Керту». Ссылаясь на «сообщения прессы», а не на телеграммы Фрэнсиса, Государственный департамент избавил себя от затруднений, связанных с их противоречивостью.

На самом же деле телеграмма не отражала всей степени серьезности, с которой Вашингтон отнесся к инциденту. В настольном календаре Лансинга за 6 декабря указано, что он виделся с военным министром Бейкером «по вопросу отзыва Джадсона» и дополнительно совещался по этому вопросу со своим помощником Филлипсом. На следующий день инцидент уже стал предметом пятнадцатиминутного обсуждения Лансинга и Вильсона.

К этому времени ситуация осложнилась еще одним любопытным событием, также частично вытекающим из совещания 30 ноября, состоявшегося в кабинете Фрэнсиса. После неудачной дискуссии с послом Джадсон призвал Сиссона использовать свое влияние в Вашингтоне, чтобы привлечь внимание Белого дома к отчетам, которые он, Джадсон, отправлял своему начальству в военное министерство, чтобы добиться санкционирования политики контактов с советскими официальными лицами. Генерал, очевидно, надеялся, что такое вмешательство Сиссона приведет к тому, что послу будут отправлены инструкции, дающие понять, что неофициальные контакты с большевистскими властями не подразумевают признания их власти, поэтому не видел причин для воспрепятствования. Сиссон же, мягко говоря, относился к происходящему с величайшим стоицизмом. Пробыв десять дней в Петрограде, он, переполненный собственными убеждениями, фонтанировал идеями и предложениями о том, что следует делать правительству. В дополнение к этому существует много свидетельств, что Сиссон и Баллард неоднократно совещались с Робинсом после памятного совещания 30 ноября и пришли к выводу, что старого джентльмена Фрэнсиса больше нельзя держать в Петрограде. Вопрос о том, помнил ли Сиссон письменное предписание президента остерегаться «назойливого вторжения», остается открытым, но в любом случае 4 декабря он набросал длинное послание Джорджу Крилу, содержание которого едва ли соответствовало указанию президента. Сначала он изложил потребности в отношении формулировки соглашения о перемирии, внимательно следуя взглядам Джадсона, а затем перешел к ситуации, с которой столкнулся в посольстве: «Я нашел нашего посла вне всякого самостоятельного политического видения, за

исключением злости на большевиков, невосприимчивого к разумной аргументации и уговам своих официальных советников, как военных, так и гражданских, в частности – генерала Джадсона, страстно желающего встретиться с Троцким для обсуждения условий перемирия. В этой ситуации моя собственная работа безнадежно запуталась, однако могу с уверенностью сказать, что мы ничего не добьемся при открытом разрыве между посольством и фактическим правительством России. Я рискнул применить давление, на которое только был способен, чтоб добиться от посла зыбкого согласия на единственную встречу между Джадсоном и Троцким. Генерал доложил в Вашингтон об удовлетворительных результатах этой встречи. Рекомендую немедленную разработку инструкций по установлению рабочих неформальных контактов с официальными представителями фактической власти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.